І. И. Каблицъ (І. Юзовъ).

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И НАРОДЪ

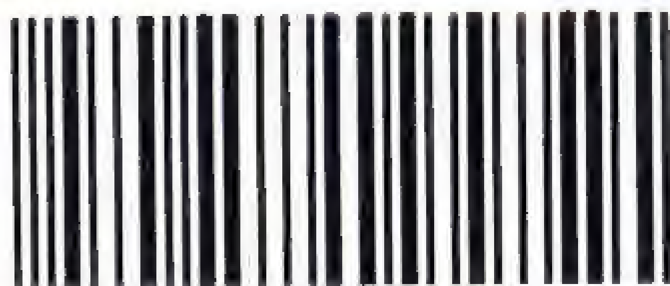
ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Человѣкъ отвѣтственъ и за свое мышленіе, такъ какъ наши сужденія совершаются подъ вліяніемъ нашего нравственнаго характера.

(Изъ ученія стоиковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невск. просп., 8.
1886.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2007058201

ВВЕДЕНІЕ.

Вступая въ соціологическую область, мысль изслѣдователя прежде всего наталкивается на вопросъ объ отношеніяхъ между личностью и общественными формами. При анализѣ же этихъ отношеній необходимо возникаетъ весьма важный вопросъ:

Что такое общество?

Извѣстно, что одни смотрѣли на общество, какъ на живой организмъ, подчиненный біологическимъ законамъ и требующій для своего изученія того же самаго метода, какъ и естественныя науки; другіе же разсматривали его, какъ произведеніе человѣческаго искусства, какъ актъ индивидуальной воли, подчиненный, подобно всякому созданію разума, законамъ логики и образующій внѣ природы отдѣльный самостоятельный міръ.

Въ послѣднее время сильно занимала общественное вниманіе такъ называемая органическая теорія въ соціологіи, утверждавшая, что существуетъ полная аналогія между обществомъ и біологическимъ организмомъ. Впрочемъ, только немногіе изъ соціологовъ увлекались

этою аналогіею до того, что отождествляли явленія біологическаго организма съ общественнымъ, считая возможнымъ изслѣдованіе общественныхъ явленій путемъ изученія біологическаго организма. Ихъ труды ни къ чему не привели, если не считать цѣннымъ результатомъ соображеній, въ родѣ того, что дороги, каналы и вообще пути сообщенія, по которымъ двигаются всякаго рода товары, необходимые для общества, соотвѣтствуютъ кровеносной системѣ въ біологическомъ организмѣ.

Такіе же органисты, какъ Спенсеръ, никогда не забывали, что ихъ аналогіи только аналогіи и больше ничего. Спенсеръ самъ указываетъ и на тѣ отличія, которыя, по его мнѣнію, существуютъ между организмомъ біологическимъ и общественнымъ. «Въ одномъ, гововоритъ онъ, сознаніе концентрировано въ одной небольшой части аггрегата. Въ другомъ, сознаніе разлито по всему аггрегату: всѣ его единицы способны чувствовать наслажденіе и страданіе, если и не въ равной степени, то приблизительно одинаково. Слѣдовательно, тутъ не существуетъ ничего похожаго на какое-либо «общественное чувствилище»; а потому благосостояніе аггрегата, разсматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены его существуютъ для блага общества. Слѣдуетъ всегда помнить, что, какъ-бы ни были велики усилія, направленныя къ благосостоянію политическаго аггрегата, всѣ притязанія этого политическаго аггрегата, сами по себѣ,

суть ничто, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ аггрегатъ единицъ»[1]). Эта послѣдняя особенность общественнаго организма настолько отличаетъ его отъ біологическаго, что всѣ скороспѣлые выводы органистовъ,—въ родѣ того, что центральное правительство, есть головной мозгъ, отдающій свои приказанія по всѣмъ областямъ, — падаютъ сами собою.

Органисты утверждаютъ: общество есть организмъ и этимъ путемъ хотятъ связать явленія біологической и соціальной областей. Эспинасъ достигаетъ того же инымъ путемъ[2]) Онъ говоритъ: организмъ есть общество. Если органисты топятъ соціологію въ біологіи, то Эспинасъ, наоборотъ, считаетъ біологическія явленія только частью соціальныхъ. По его словамъ, область соціологіи начинается съ первыхъ группированій анатомическихъ элементовъ или «біологическихъ атомовъ». А такъ какъ всякій сложный индивидъ представляетъ собою комбинацію клѣточекъ, то онъ есть особый родъ общества, который не можетъ быть исключенъ изъ соціологіи; вездѣ, гдѣ есть индивидъ, есть и общество.

Хотя Эспинасъ и утверждаетъ, что біологическій организмъ есть общество, но онъ и не думаетъ отождествлять его съ обществами животныхъ, а тѣмъ болѣе людей. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, общества животныхъ и людей представляютъ собою живыя су-

---

[1]) «Основанія соціологіи». Герб. Спенсера. Т. II. Стр. 513.

[2]) «Соціальная жизнь животныхъ» А. Эспинаса. Стр. 191, 194 и 188.

щества, но едва-ли мыслимо, чтобы не было никакой разницы между матерьяльными организмами и организмами общественными, чтобы соціологія была простымъ продолженіемъ біологіи. Недостаточно сказать, что общество есть живое существо — нужно найдти какого рода это живое существо и, слѣдовательно, чѣмъ отличается соціологія отъ непосредственно предшествующей ей низшей науки. Общество отличается отъ другихъ живыхъ существъ тѣмъ, что «оно прежде всего создается сознаніемъ» [1]); оно—живое сознаніе или организмъ идей. Указаніемъ на отличительную черту общества Эспинасъ хочетъ избавиться отъ упрека (котораго, по его мнѣнію, вполнѣ заслуживаютъ многіе соціологи), въ томъ, что онъ объясняетъ формы высшаго существованія формами низшаго.

Очевидно, органическая теорія въ лицѣ Эспинаса сдѣлала громадный шагъ для сближенія съ своими противниками, указывавшими на зависимость общества отъ чувствъ и мыслей индивидовъ. У него общество есть живое цѣлое, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ зависитъ отъ элементовъ его составляющихъ, ибо «создается сознаніемъ» ихъ. Органисты старались изгнать волю человѣчества изъ числа тѣхъ факторовъ, которые даютъ жизнь обществу; Эспинасъ же вполнѣ признаетъ ея значеніе, хотя и не въ томъ абсолютномъ видѣ, въ какомъ признаютъ ее придерживающіеся теоріи «соціальнаго договора». Признавая общество созданіемъ созна-

---

[1]) «Соціальная жизнь животныхъ». А. Эспинаса. Стр. 440 и 443.

вія индивидовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ этомъ процессѣ созданія извѣстную законосообразность, органичность, такъ какъ сознаніе индивида въ своемъ ростѣ, развитіи и движеніи подчинено такому же закону органическаго развитія, какъ и все живое. Отсюда и вытекаетъ то явленіе, что общество, будучи созданіемъ воли индивида, вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется произвольнымъ, искусственнымъ произведеніемъ, а является въ видѣ живаго органическаго цѣлаго. Къ сожалѣнію, взглядъ Эспинаса на общество не выясненъ имъ въ его трудѣ до такой степени, чтобы рѣзко бросаться въ глаза читателю и его нужно отыскивать въ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ по всей книгѣ, что значительно затемняетъ его.

Основная суть общества заключается, говоритъ Эспинасъ, въ постоянномъ сотрудничествѣ отдѣльныхъ живыхъ существъ. Существа эти могутъ быть поставлены въ такія условія, что сотрудничество заставитъ ихъ сгруппироваться въ какомъ либо мѣстѣ въ опредѣленную формулу; но въ сущности для проявленія согласованныхъ дѣйствій, а, слѣдовательно, и для образованія общества нѣтъ никакой необходимости въ ихъ совмѣстномъ жительствѣ. Взаимный обмѣнъ услугъ между болѣе или менѣе независимыми дѣятелями—вотъ самая характерная черта соціальной жизни, черта, которая не измѣняется существенно отъ приближенія или удаленія, отъ видимаго безпорядка или правильнаго расположенія частей общественнаго организма въ пространствѣ. Два существа могутъ пред-

ставлять на видъ одно цѣлое и не только жить въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, но даже взаимно проникать одно въ другое, не образуя однако никакого общества. Если ихъ дѣятельность стремится къ взаимно противоположнымъ или хотя бы только различнымъ цѣлямъ — этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобы признать ихъ чуждыми другъ другу. Разъ ихъ функціи, вмѣсто того, чтобы сходиться, расходятся, разъ благосостояніе одного основывается на злополучіи другого—никакая соціальная связь между ними невозможна, какъ бы ни было тѣсно ихъ взаимное соприкосновеніе. Примѣромъ подобныхъ явленій можетъ быть паразитизмъ. Общественная жизнь и паразитизмъ относятся между собою, какъ два антипода: въ то время, какъ первая изъ нихъ характеризуется взаимной пользой и совершенствованіемъ, послѣдній вызываетъ соотносительное пониженіе жизненной силы въ животномъ, которое ему подвергается, и уменьшеніе сложности въ организаціи того, которое его практикуетъ. Паразитизмъ вредитъ не только жертвѣ, но и самому паразиту, по крайней мѣрѣ если не прямо отдѣльному индивиду, то наслѣдственнымъ путемъ цѣлому виду [1]).

Не смотря на вышесказанное, Эспинасъ утверждаетъ, что при большомъ числѣ индивидовъ, составляющихъ общество, и между которыми установлено раздѣленіе труда, невозможно, чтобы всѣ они исполняли функціи одинаковой важности. Одному или нѣсколькимъ изъ нихъ непремѣнно должно выпасть на долю наиболѣе

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 137, 138 и 143.

существенное, господствующее, преобладающее отправленіе. Чѣмъ болѣе онъ будетъ его исполнять, тѣмъ лучше онъ долженъ это дѣлать. Мало-по-малу эти индивиды перемѣщаются изъ разсѣянныхъ и наиболѣе удаленныхъ мѣстъ соціальнаго организма и сосредоточиваются въ центрѣ. Такимъ образомъ центральные индивиды дѣлаются преобладающими и подчиняютъ себѣ остальные, если бы даже эти послѣдніе не чувствовали никакой склонности къ подобному подчиненію [1]).

Ясно, что этотъ законъ соціальныхъ фактовъ Эспинаса противорѣчитъ тому, что онъ-же самъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ: общество есть созданіе сознанія индивидовъ. Если общество — созданіе сознанія индивидовъ, то вѣдь сознаніе можетъ быть такого рода: лучше откажемся отъ выгодъ, доставляемыхъ намъ этими преобладающими индивидами, нежели подчинимся имъ. А разъ сознаніе будетъ таково, то и законъ Эспинаса обращается въ пуфъ. Правда, существующія явленія схвачены имъ вѣрно, но изъ этого не получается права утверждать, что это законъ «его же непрейдеши», какъ увѣряетъ Эспинасъ: все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ будетъ сознаніе у индивидовъ.

Уже Спиноза въ своемъ «Политическомъ трактатѣ» говорилъ, что общество имѣетъ власть и реальность, какъ разъ настолько, насколько ихъ ввѣряютъ ему индивиды въ каждый данный моментъ: отнимая отъ индивидовъ ихъ права и власть, оно посягало бы на самого

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 435.

себя, такъ какъ общество, прибавимъ мы и есть ничто иное, какъ совокупность тѣхъ же индивидовъ [1]).

«Законы явленій общества, говоритъ вполнѣ справедливо Милль, суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи Но люди въ состояніи общества — все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ, съ иными свойствами, какъ напримѣръ водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ мускуловъ и тканей. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы» [2]). Общество, по словамъ Льюиса. — продуктъ человѣческихъ чувствованій и его существованіе мало-по-малу развилось изъ чувствованій, которыя оно, въ свою очередь, измѣняетъ и расширяетъ на каждой ступени [3]).

И такъ общественная среда, въ которой необходимо нуждается каждый человѣкъ, есть продуктъ человѣческой личности, а потому и стоитъ она въ зависимости отъ психическихъ процессовъ, управляющихъ дѣятельностью этой личности. Но, будучи разъ создана, она самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на самую личность, видоизмѣняя всѣ ея психическіе процессы.

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 24.

[2]) Система логики. Д. С. Милля. Т. II. Стр. 452.

[3]) Д. Г. Льюисъ. Изученіе психологіи. Стр. 71.

Къ сожалѣнію, общественная психологія почти не существуетъ. Если психическіе процессы индивидуума болѣе или менѣе изучены, то психологія общества, можно сказать, только намѣчается. Существующая психологія, — такъ сказать, психологія отдѣльнаго человѣка — не даетъ намъ объясненій по самымъ интереснымъ вопросамъ соціологіи: общественныя движенія, распространяющіяся съ изумительной быстротой, охватывающія громадныя территоріи, очень часто объясняются интригами отдѣльныхъ личностей или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. А между тѣмъ исторія человѣчества представляетъ намъ длинный, непрерывный рядъ примѣровъ, въ которыхъ извѣстныя побужденія, чувства и идеи охватываютъ сразу массу людей и обусловливаютъ тотъ или другой рядъ одинаковыхъ дѣйствій При этомъ двигающая идея можетъ быть и высокою, и нелѣпою; чувства и стремленія могутъ выходить изъ основъ физіологическихъ, но могутъ быть необычайными и ненормальными, совершенно измѣняющими прежній нравственный и умственный характеръ людей. Подобные примѣры указываютъ на заразительность психическихъ процессовъ, обусловленную существованіемъ индивидуума въ общественной средѣ. Эскироль называетъ эту способность душевной контагіозностью [1])

[1]) Болѣзни, поражающія сразу множество людей, называются эпидемическими. Онѣ происходятъ или отъ заразы, развивающейся внѣ человѣческаго организма (міазмы), какъ, напримѣръ, перемежающаяся лихорадка, или же отъ заразы, воспроизводящейся въ самомъ организмѣ и передающейся отъ одного человѣка къ другому, какъ, напримѣръ, оспа. Въ этомъ состоитъ разница ме-

Особенно заразительны бываютъ побужденія, чувства, а не идеи. Чѣмъ сильнѣе и напряженнѣе душевное движеніе, тѣмъ оно заразительнѣе. Страсть поэтому заразительна по преимуществу.

Дѣйствіе душевнаго контагія, говоритъ г. Кандинскій, особенно рѣзко въ массѣ людей, и притомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше и компактнѣе эта масса. Видъ зѣвающаго человѣка производитъ неодолимое побужденіе къ зѣвотѣ. Точно также при видѣ какого-либо жеста или положенія другого лица человѣкъ можетъ повторить этотъ жестъ невольно, въ силу, какъ говоритъ Льюисъ, безсознательнаго стремленія привести себя въ унисонъ съ этимъ лицомъ. Очень часто бываетъ, что примѣръ одного или нѣсколькихъ трусовъ заражаетъ цѣлые полки и обращаетъ ихъ въ позорное бѣгство. Страхъ и ужасъ заразительнѣе геройства, потому что у большинства людей гораздо болѣе задатковъ трусости, чѣмъ храбрости. Ужасъ, заразившій цѣлую толпу, производитъ то, что называютъ паникою. Всякая идея заразительна настолько, насколько она затрогиваетъ чувство или носитъ въ себѣ его элементы. Только идеи съ аффективнымъ характеромъ, производя экзальтацію въ массахъ и пробуждая страсти толпы, пріобрѣтаютъ широкое эпидемическое распространеніе. Чистая отвлеченная идея мало заразительна. Разсматривая состояніе общества въ данное время, можно замѣтить, что извѣстныя чувства и идеи имѣютъ широкое распростра-

---

жду міазматическими и собственно заразительными, *контагіозными* болѣзнями.

ненie, другiя-же нѣтъ. Чувства мелочныя и своекорыстныя гораздо болѣе склонны принимать эпидемическое распространенie, чѣмъ чувства и идеи высокiя, потому что среднiй человѣкъ болѣе расположенъ къ чувствованiямъ и понятiямъ эгоистическимъ, чѣмъ къ альтруистическимъ. Но когда обычное теченiе общественной жизни чѣмъ нибудь взволновано, то бываетъ, что и самые заурядные люди, заражаясь отъ лицъ, стоящихъ во главѣ движенiя, становятся способными къ чувствамъ болѣе возвышеннымъ и даже къ подвигамъ геройства и самопожертвованiя. Во время-же застоя, когда никакое живое чувство, никакая идея не трогаютъ общественнаго сознанiя, эгоистическiя побужденiя прiобрѣтаютъ эпидемическое, всеобщее распространенiе [1]).

Всѣ эти факты доказываютъ, что личность, будучи творцомъ общества, въ тоже время сама подвергается влiянiю своего творенiя, не только въ смыслѣ прямого ограниченiя своихъ дѣйствiй, но и въ смыслѣ видоизмѣненiя своихъ мыслей, чувствъ и желанiй. Это влiянiе является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудiй для приспособленiя личности къ общественнымъ условiямъ, т. е. для повышенiя ея нравственныхъ и умственныхъ силъ. Впрочемъ, все-таки необходимо помнить, что общественное влiянiе не есть что-либо отдѣльное отъ личности, а составляетъ лишь фокусъ личныхъ чувствъ, воззрѣнiй и дѣйствiй. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, въ обществѣ нѣтъ другихъ факторовъ, кромѣ самой личности.

[1]) Общепонятные психологическiе этюды. Вик. Кандинскаго.

Не смотря на очевидность этой истины, многіе склонны смотрѣть на явленія общественной жизни не какъ на продуктъ свойствъ личностей, соединенныхъ въ данномъ обществѣ, а какъ на результатъ дѣйствій мистическихъ «законовъ исторіи», имѣющихъ свое основаніе не въ физическихъ и психическихъ качествахъ личности, а внѣ ея [1]. Мы уже указывали, что Эспинасъ, подобно многимъ другимъ, впадаетъ въ эту ошибку; но лучшимъ примѣромъ могутъ быть воззрѣнія экономистовъ, считающихъ рабство фатально обязательной ступенью общественнаго развитія. По ихъ мнѣнію, рабство замѣняетъ убіеніе плѣнныхъ, а потому и является прогрессивнымъ факторомъ исторіи; въ свою очередь, потомъ, оно смягчается въ крѣпостное право [2] и, наконецъ, въ вольно-наемный трудъ. На первый взглядъ это можетъ показаться справедливымъ. Жизнь для человѣка—лучшее благо, а потому, если бы рабство служило только замѣной лишенія жизни, то экономисты были бы вполнѣ правы. Но дѣло было совсѣмъ не такъ, а потому и рабство не можетъ считаться прогрессивнымъ явленіемъ ни въ какія времена.

---

[1] Кстати замѣтимъ, что вліяніе на общественныя формы почвы, климата, топографическаго устройства страны и т. п. условій, проявляется главнымъ образомъ не непосредственно, а только въ видѣ видоизмѣненія физическихъ и духовныхъ свойствъ самой личности человѣка, черезъ которую они почти только и могутъ вліять на его общественныя формы.

[2] Герб. Спенсеръ опровергаетъ это, доказывая, что «крѣпостное состояніе возникаетъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ и присоединеніемъ цѣлыхъ областей». (Развитіе политич. учрежденій. Стр. 70).

До изобрѣтенія рабства, войны велись между племенами и народами по разнымъ причинамъ болѣе или менѣе важнымъ, но въ числѣ ихъ не было одной изъ самыхъ важныхъ: добычи рабовъ. Войны изъ-за пастбищъ скота, рыбныхъ ловель и звѣрныхъ тропъ всегда могли окончиться плохо для обѣихъ сторонъ, благодаря потерѣ многихъ жизней въ битвахъ: рыбныхъ ловель и звѣрныхъ тропъ оказалось у кого-нибудь, положимъ, больше, но вѣдь рабочихъ-то рукъ во всякомъ случаѣ стало меньше у обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, враждующія стороны наглядно могли видѣть невыгодность войнъ. И войнъ, дѣйствительно, было меньше сравнительно съ тѣмъ періодомъ, когда рабство было изобрѣтено хитроумными предводителями. Когда сталъ употребляться рабскій трудъ, то въ числѣ поводовъ къ войнѣ появилось желаніе овладѣть чужою личностью или съ цѣлью продать ее на рынкѣ, или же съ намѣреніемъ самому пользоваться даровымъ трудомъ. Поэтому количество войнъ увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число жертвъ войны: убитыхъ людей. Это доказываетъ намъ и недавняя исторія центральной Африки, издавна поставлявшей рабовъ для окружающихъ странъ. Увеличеніе спроса на рабовъ на американскія плантаціи отразилось усиленіемъ количества войнъ въ центральной Африкѣ: закрытіе же этого рынка умиротворило, сравнительно, страну, такъ какъ войны происходили главнымъ образомъ съ цѣлью добыть рабовъ на продажу въ Америку. Прежде роль Америки играли для этой страны Египетъ, Римъ и т. д.,—современные факты освѣщаютъ намъ прошлое.

Крукшенкъ говоритъ, что самая идея прочнаго рабства явилась у негровъ послѣ сношеній съ европейцами [2]).

И такъ изобрѣтеніе рабства повело къ увеличенію убійствъ, а не къ ихъ уменьшенію; и экономисты напрасно утверждаютъ, что рабство замѣнило убіеніе. Это — ничего болѣе, какъ грубая ошибка, сдѣланная людьми, наклонными мягко относиться ко всякому самому скверному историческому факту. Исторія опровергаетъ и ихъ дальнѣйшія розсказни о томъ, будто крѣпостное право является на смѣну рабству. На самомъ же дѣлѣ, крѣпостное право выростало, какъ на примѣръ въ Россіи, не изъ рабства, а прямо закрѣпощались люди свободные и отнюдь не побѣжденные въ битвѣ.

Но, можетъ быть, рабство можно оправдывать уже потому, что разъ оно было, то, слѣдовательно, должно было быть? Уже Гегель утверждалъ: «дѣйствительное—разумно», т. е. все, что имѣло мѣсто въ исторіи, все это разумно, такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ мѣста неразумному. Признающіе это должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать разумность, а слѣдовательно и прогрессивность, напримѣръ, дѣйствій инквизиціи; они должны признавать полезнымъ сожиганіе за еретическія убѣжденія и т. п. Тѣ же, кто не признаетъ истины, что все случившееся въ концѣ концовъ ведетъ къ добру, и оставляющіе за собою право клеймить одни

---

[2]) Очерки первобытной экономической культуры. Н. И. Зибера. Стр. 494.

явленія названіемъ «реакціонныхъ», «анти-соціальныхъ» и т. п., и восхищаться другими, называя ихъ «человѣчными», «прогрессивными», — обязаны провѣрить мнѣнія тѣхъ соціологовъ, которые полагаютъ, будто рабство было прогрессивнымъ явленіемъ въ прежней исторической жизни.

Мы видѣли, что рабство отнюдь не явилось на смѣну убійству плѣнныхъ, уменьшая, такимъ образомъ, число смертей; а, наоборотъ, увеличило число ихъ, такъ какъ было однимъ изъ самыхъ энергичныхъ стимуловъ къ безпрерывнымъ войнамъ. Не миръ, а войну внесло изобрѣтеніе рабства въ племенную и международную жизнь. Не вправѣ-ли мы послѣ этого сказать, что рабство всегда было явленіемъ реакціоннымъ и гибельнымъ для человѣчества?

Монтескье, хотя и былъ противникомъ рабства и даже очень энергично нападалъ на это учрежденіе, все-таки признавалъ «естественное рабство», необходимость котораго онъ, впрочемъ, ограничивалъ только нѣкоторыми «особенными землями въ свѣтѣ». Есть земли, говоритъ онъ, въ которыхъ жаръ разслабляетъ тѣло и мужество до того, что люди тамъ принуждаются къ какому либо трудному дѣлу только страхомъ наказанія; слѣдовательно, тамъ рабство «не такъ противно разсудку» [1]). Трудно рѣшить, съ какой именно точки зрѣнія смотрѣлъ Монтескье, рѣшая, что иногда рабство

[1]) О существѣ законовъ. Твореніе г. Монтескье. Изданіе Василія Сопикова. Москва. 1810 г. Часть II. Стр. 254—257.

является «естественнымъ», т. е. разумнымъ учрежденіемъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, онъ не принималъ во вниманіе счастье тѣхъ народовъ, которыхъ надѣлилъ рабствомъ. Онъ говоритъ, что жаръ разслабляетъ тѣло и мужество этихъ народовъ; слѣдовательно, какъ рабы, совершая трудную работу, подъ страхомъ наказанія, они работаютъ сверхъ силъ, ибо у нихъ эти силы—разслаблены, а рабовладѣльцы не обращаютъ на это вниманія. Такимъ образомъ, путемъ учрежденія рабства, правящій классъ заставилъ народъ совершать непосильную работу, что непремѣнно ведетъ къ вырожденію, т. е. къ погибели и народа, и государства. Кто мѣритъ разумность соціальныхъ явленій количествомъ доставляемаго ими счастья людямъ, тотъ, очевидно, долженъ сказать, что въ этихъ случаяхъ рабство есть худшее несчастіе для народа. Оно будетъ глубокимъ несчастіемъ для рабовъ даже въ томъ случаѣ, если бы правящіе классы продѣлывали свое насиліе надъ народомъ во имя благоденствія его самого, т. е. отдавали рабамъ все то, что выжимали изъ нихъ непосильнымъ, ихъ разслабленнымъ силамъ, трудомъ. Правда, благодаря правящимъ классамъ, въ этомъ случаѣ рабы пользовались бы большимъ комфортомъ и вообще удобствами жизни, чѣмъ безъ этого насилія надъ своею личностью, но они не имѣли бы самого необходимаго для жизни и счастья—работы по силамъ и свободы, а слѣдовательно были бы несчастными и вырождались. Но если принять во вниманіе, что правящіе классы заставляютъ работать рабовъ не по силамъ, не ради улучшенія матеріальнаго существованія этихъ тружениковъ, а только

ради своихъ эгоистическихъ интересовъ, то будетъ понятно, что несчастіе рабовъ не окупается ничѣмъ

Самъ Монтескье, въ концѣ концовъ, сомнѣвается, чтобы существовалъ такой климатъ, въ которомъ свободный человѣкъ, такъ или иначе, не могъ бы быть побужденъ къ труду и безъ рабства.

Имѣютъ смѣлость утверждать, что рабство было необходимо для того, чтобы пріучить человѣчество къ труду. Скорѣе можно утверждать, что оно отвращаетъ его отъ труда. Не говоря уже о томъ, что владѣющіе рабами отъучаются отъ труда самымъ прямымъ образомъ, развращаясь вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно [1]); но и сами рабы ненавидятъ трудъ, обогащающій не ихъ, а ихъ хозяевъ. Когда-то наши помѣщики утверждали, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго труда поведетъ

[1]) «Всякая новая совокупность условій, при которой добываніе пищи и безопасность начинаютъ доставаться животному крайне легко, ведетъ какъ правило къ вырожденію—совершенно подобно тому, какъ можетъ иногда вырождаться дѣятельный, крѣпкій и здоровый человѣкъ, внезапно, неожиданно вступившій во владѣніе какимъ-нибудь богатствомъ; или подобно тому, какъ выродился Римъ, завладѣвшій богатствами почти всего древняго міра. Привычки паразитизма дѣйствуютъ на животную организацію въ этомъ направленіи самымъ явственнымъ образомъ. Стоитъ только животному обезпечить себѣ паразитный образъ жизни—и пошли исчезать и ноги, и челюсти, и глаза, и уши. Дѣятельный и высокоодаренный крабъ, или какое нибудь насѣкомое или кольчатый червь превращаются въ простой мѣшокъ, поглощающій или всасывающій пищу и кладущій яйца». (См. «Вырожденіе». Глава изъ теоріи развитія. Профес. Ѳ. Рея Ланкестера. Стр. 35 и 36).

къ тому, что они перестанутъ работать; при этомъ крѣпостники игнорировали существованіе, въ Россіи же, свободной и многомилліонной группы государственныхъ крестьянъ, никогда не знавшихъ крѣпостнаго труда, но никакъ не менѣе трудолюбивыхъ, какъ и тѣ, кто работалъ подъ ярмомъ барщины. А между тѣмъ этихъ государственныхъ крестьянъ было не меньше крѣпостныхъ. Всѣмъ были понятны уловки крѣпостнической мысли; но развѣ не тотъ же тонъ проглядываетъ и въ воззрѣніяхъ, утверждающихъ, что безъ рабства человѣчество не привыкло бы къ труду. Будто бы недостаточно одной естественной нужды въ поддержаніи и улучшеніи своей жизни и жизни окружающихъ! Кромѣ того, эти лживыя увѣренія опровергаются трудовой жизнью племенъ, никогда не знавшихъ рабства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются особеннымъ нравственнымъ развитіемъ, напримѣръ, сантали, лепхасы, якунсы, госы, ангаміи и др.

Подражая софистикѣ вышеуказанныхъ экономистовъ, можно утверждать, что инквизиція пріучала человѣчество страдать и умирать за свои убѣжденія, т. е. помогала нравственному развитію человѣчества; что не будь преслѣдованій за убѣжденія, человѣчество не могло бы упражнять въ себѣ способности бороться за свои убѣжденія, — усиленіе-же послѣдней необходимо для дальнѣйшаго развитія цивилизаціи; что костры инквизиціи дали возможность Гуссамъ, Саванароламъ и т. п. героическимъ людямъ вліять и на насъ своимъ примѣромъ сквозь мракъ временъ, чего они не достигли бы, умеревъ покойно на своей постели. Противники наши

должны будутъ согласиться, что въ нашей пародіи на разсужденія софистовъ-экономистовъ не меньше логики, какъ и въ ихъ разсужденіяхъ о рабствѣ. Но подобной лживой логикой врядъ-ли можно убѣдить человѣчество, что инквизиція, истребляя тысячи лучшихъ людей своего времени, была орудіемъ прогресса, а не регресса; не убѣдить софистамъ человѣчество и въ томъ, что рабство, унижавшее такъ долго достоинство личности, было орудіемъ прогресса.

Увѣряютъ, что рабство дало возможность болѣе быстраго научнаго развитія, такъ какъ только-де при немъ является у людей науки необходимый для этого досугъ. Но и это исторически невѣрно, такъ какъ наука прежде всего разработывалась жрецами и знахарями, жившими не рабскимъ трудомъ, а на счетъ вольныхъ пожертвованій свободныхъ людей. Правда, среди людей, разработывавшихъ научныя истины въ рабскій періодъ, мы находимъ много людей, жившихъ на счетъ рабскаго труда; но они отнюдь не являются единственными носителями знанія и науки. На ряду съ ними являются даже бывшіе рабы, напримѣръ, Эпиктетъ. Въ средніе вѣка наука въ Европѣ пріютилась въ монастыряхъ, а не въ замкахъ феодаловъ, монастыри-же въ гораздо меньшей степени пользовались крѣпостнымъ трудомъ, нежели феодалы, — вольныя пожертвованія во всякомъ случаѣ были ихъ главнѣйшими средствами существованія. Въ новѣйшія времена науку разработываютъ не столько капиталисты и богачи, сколько лица, живущія профессіональнымъ трудомъ. Принимая все это во вниманіе, мы вправѣ сказать, что не рабство создало нашу

науку и культуру, а совсѣмъ другія условія, съ рабствомъ не имѣющія ничего общаго. Впрочемъ, къ сожалѣнію, здѣсь мы должны оговориться, мы не отрицаемъ вліянія рабства на науку, но считаемъ его вреднымъ и гибельнымъ для этой послѣдней. Благодаря тому, что многіе люди науки жили рабскимъ трудомъ, въ ея нѣдрахъ мы находимъ много гнили и плѣсени, чему прекрасной иллюстраціей могутъ служить и тѣ самыя мысли, противъ которыхъ мы теперь вооружились. Много еще усилій понадобится людямъ науки, чтобы изгнать рабскій духъ изъ всѣхъ закоулковъ ихъ владѣній, внесенный туда рабовладѣльцами по духу.

Въ исторіи человѣческихъ обществъ паразитизмъ постоянно вплетается въ общественныя явленія, а потому многіе заключаютъ, что онъ есть необходимое явленіе всякаго общественнаго развитія. Впрочемъ, никто изъ защитниковъ паразитизма, какъ исторически необходимаго явленія, не доходитъ, напримѣръ, до того, чтобы и воровство, и грабежъ, и поддѣлку документовъ тоже, зачислить въ число своихъ кліентовъ, а между тѣмъ, несомнѣнно, что съ точки зрѣнія ихъ историческихъ законовъ этотъ нелегальный паразитизмъ также непреложно-необходимъ, какъ и остальныя формы паразитизма, хотя-бы и легальнаго. Мы видимъ, напримѣръ, что устройство человѣческаго жилища сопровождается почти всегда поселеніемъ въ этомъ жилищѣ массы всякаго рода паразитовъ, — не въ переносномъ смыслѣ этого слова. Почему-же глубокомысленные философы историческихъ законовъ не заключаютъ изъ этого, что мы обязаны терпѣливо и безъ борьбы пере-

носить этихъ сосѣдей, такъ какъ несомнѣнно, что извѣстные условія климата, почвы и главнымъ образомъ устройства человѣческаго жилища непреложно создаютъ для паразитовъ возможность существованія и размноженія? Почему въ этихъ случаяхъ глубокомысліе не затираетъ у этихъ философовъ здраваго смысла и они, подобно намъ грѣшнымъ, всѣми средствами готовы истреблять паразитовъ, т. е. бороться противъ того, что создано извѣстными законами исторія? Отвѣтъ: потому что эти паразиты не разбираютъ людей, не отличаютъ философа отъ рабочаго и одинаково ихъ эксплуатируютъ. Паразиты-же, дѣйствующіе подъ оболочкой рабства, капиталистическаго производства, батрачества и т. п. явленій не только щадятъ гг. философовъ историческихъ законовъ, а и снабжаютъ ихъ немалой толикой изъ своихъ благопріобрѣтенныхъ запасовъ.

Основываясь на вышесказанномъ, мы считаемъ себя вправѣ говорить о невозможности выдавать за «законъ исторіи» простой фактъ исторіи. Связь нашей науки и культуры съ рабствомъ и его развѣтвленіями — несомнѣнна, но это грустный и печальный фактъ исторіи, а не ея законъ. Никто не вправѣ утверждать, что наука и культура не развивались-бы еще быстрѣе, если-бы рабства не было въ исторія человѣчества,—такъ какъ никто не указалъ на непреложную связь развитія науки и культуры съ рабствомъ. Ссылаться-же на самый фактъ нельзя уже потому, что факты исторіи бываютъ, какъ всѣми признается, не только прогрессивны, но и реакціонны [1]). «Исторія учитъ, говоритъ Тайлоръ, что

---

[1]) Догма о непрерывномъ прогрессѣ человѣчества, говоритъ

цивилизація иногда остается неподвижною въ теченіи долгихъ періодовъ и часто подается назадъ»[1]). Такъ, напримѣръ, политическая организація, хотя и была необходимой ступенью общественнаго развитія, но она, по словамъ Спенсера, большею частью ведетъ за собою больше золъ, чѣмъ выгодъ: контролирующіе органы требуютъ себѣ содержанія и налагаемыя ими тяжести имѣютъ способность развиваться, — несчастія, производимыя налогами и тираніей, могутъ сдѣлаться тяжелѣе всѣхъ предшествующихъ золъ[2]). Бываютъ условія, при которыхъ индивидуальная жизнь, говоритъ онъ же, столь-же хорошо возможна безъ политическихъ учрежденій, какъ и съ ними[3]). Это отчасти зависитъ отъ характера народа, а отчасти отъ внѣшнихъ окружающихъ условій. Гренландцы, напримѣръ, совершенно не имѣютъ политическаго контроля. Политическія учрежденія возникаютъ изъ связи маленькихъ ордъ первобытныхъ людей для противодѣйствія непріятелямъ; война—корень политической организаціи. Такъ, напримѣръ, въ Самоа деревни, по общему согласію, соединяются въ количествѣ восьми или десяти, и образуютъ округъ и штатъ для взаимной обороны, и во время войны самые округи соединяются по два или по три. То же самое мы

Фр. Альб. Ланге, имѣетъ мало объективныхъ основаній («Исторія матеріализма» Фр. Альб. Ланге. Т. II. стр. 284).

[1]) Антропологія. Эд. Б. Тайлора. Стр. 23.

[2]) Гербертъ Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій. Изданіе журнала «Мысль». Стр. 25.

[3]) Тамъ-же. Стр. 22.

видимъ и у историческихъ народовъ, напримѣръ, из раильтянъ [1]). Тамъ, гдѣ населеніе разбросано на обширныхъ пространствахъ, люди не находятъ причинъ для постоянныхъ столкновеній, и политической организаціи не возникаетъ. То же самое бываетъ и тамъ, гдѣ обитаютъ мирныя и независимыя племена, неспособныя ни нападать на другихъ съ цѣлью грабежа, ни подчиняться у себя дома какой-бы то ни было власти. Мирные лепхасы скорѣе готовы перенести большія лишенія, чѣмъ подчиниться насилію или несправедливости: они не имѣютъ кастъ; семейные и политическіе раздоры у нихъ кажутся неслыханными; они чувствуютъ отвращеніе къ военной службѣ. У простодушнаго, мирнаго и безобиднаго сантала сильно развито естественное чувство справедливости и всякая попытка насилія заставляетъ его покидать страну. Санталы сражаются съ неутомимою храбростью, если это необходимо для сопротивленія посягательству на нихъ, но по существу своему неспособны къ нападенію [2]). О госахъ Дальтонъ говоритъ: можно довести человѣка до самоубійства, сомнѣваясь въ его честности и правдивости [3]). У племенъ съ подобнымъ характеромъ политическая организація бываетъ очень слаба

Если среди мирныхъ племенъ политическая организація является результатомъ только внѣшнихъ условій,

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 54.

[2]) Тамъ-же. Стр. 300.

[3]) Тамъ-же. Стр. 316.

принуждающихъ къ веденію войнъ и тѣмъ способствующихъ возникновенію классовъ и сословій, то есть и такія племена, у которыхъ общественная жизнь немыслима безъ принудительной политической организаціи. Такъ, характеръ фиджійцевъ отличается глубокой злостью и мстительностью; ложь, предательство, воровство и убійство вовсе не считаются у нихъ преступными дѣйствіями, а, наоборотъ, признаются почетными; дѣтоубійство практикуется въ широкихъ размѣрахъ; удавленіе больныхъ— вещь самая обыкновенная; иногда они рѣжутъ на куски совершенно еще живыя человѣческія жертвы, собираясь ихъ ѣсть. Про дагомейцевъ говорятъ, что они жестоки, кровожадны, лживы и хитры, какъ будто самой природой лишены симпатическихъ чувствъ и признательности, даже относительно членовъ своего собственнаго семейства [1]). У племенъ съ подобнымъ типомъ характера политическая организація (очень сложная) возникла не путемъ внѣшняго давленія, а естественнымъ путемъ внутренняго развитія.

Какъ бы намъ ни казалось страннымъ, говоритъ Спенсеръ, но слѣдуетъ признать, что усиленіе человѣчныхъ чувствъ не идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ цивилизаціи, а что, напротивъ, первыя ступени цивилизаціи неизбѣжно обусловливаютъ относительную безчеловѣчность: безъ продолжительно кровавой борьбы обществъ не могли-бы образоваться цивилизованныя общества [2]). Онъ, впрочемъ, не попытался доказать, чтобы

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 9 и 10.

[2]) Тамъ-же. Стр. 12.

этотъ кровавый путь былъ единственно возможный. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что цивилизованныя общества не могли-бы возникнуть среди тѣхъ мирныхъ и справедливыхъ племенъ, о которыхъ мы упомянули выше, разъ-бы они размножились до такой степени, которая принудила-бы ихъ къ болѣе тѣсному сожительству, чѣмъ это мы видимъ теперь. Если кровавый путь и былъ неизбѣженъ, то лишь потому, что человѣчество состоитъ не только изъ мирныхъ племенъ, но и хищниковъ, придавшихъ ходу цивилизаціи собственный характеръ: мирныя племена поневолѣ должны были стать на путь кровавыхъ столкновеній и организоваться по военному типу. Цивилизація наша была бы иная, если бы была создана, напримѣръ, островитянами Маріанскихъ острововъ, «чувствующихъ ужасъ передъ убійствомъ человѣка и воровствомъ» [1]. Такимъ образомъ не какіе-либо, внѣ человѣка лежащіе «законы исторіи» заставили человѣчество организоваться въ большія политическія организаціи, съ пожертвованіемъ многими прекрасными сторонами своего прежняго быта,— а только существованіе въ немъ хищническихъ племенъ, проникнутыхъ, по обыкновенію, рабскимъ духомъ. Ближайшимъ примѣромъ для насъ можетъ служить наша собственная исторія: нашествіе татаръ завершило тотъ процессъ общественнаго регресса, который уже давно поддерживался нападеніями половцевъ, печенѣговъ и т. п. Въ древ-

[1]) Очеркъ первобытной экономической культуры. Н. И. Зибера. Стр. 206.

нѣйшій же періодъ жизни, у славянъ «весь народъ былъ свободенъ и равенъ; въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ участвовали всѣ» [1]).

Если даже признать, что цивилизованная жизнь даетъ больше матерьяльныхъ благъ, больше охраняетъ жизнь, нежели первобытная, то нельзя не видѣть, что достигнуто все это насчетъ свободы личности. Г. Зиберъ говоритъ, что «первобытная общественная власть отличается большою слабостью и полнымъ подчиненіемъ общественному мнѣнію» [2]). Не вправѣ-ли поэтому мы сказать, что блага цивилизаціи пріобрѣтены нами путемъ вырожденія въ области свободы личности? Про караибовъ, напримѣръ, пишутъ, что «нѣтъ въ мірѣ народа, который былъ-бы болѣе ревнивъ къ своей свободѣ и который живѣе и съ большимъ нетерпѣніемъ ощущалъ-бы малѣйшее вторженіе въ нее» [3]). Очевидно, европейская цивилизація не особенно способствовала развитію въ насъ любви къ свободѣ, если мы отстали въ этомъ отношеніи отъ первобытныхъ народовъ. Г. Кулишъ, котораго, надѣюсь, никто не упрекнетъ въ пристрастіи къ украинскимъ казакамъ XVII вѣка, вотъ что говоритъ про нихъ: «они знали, что когда гетмана не отличаетъ отъ обыкновеннаго т о в а р и щ а-казака ни его заслуженный пай, ни одежда, ни жилье, ни пища, а только лошадиный хвостъ на копьѣ, да знамя,

---

[1]) Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ. Владиміра Дьячана. Стр. 177.

[2]) Очерки первоначальной экономической культуры. Соч. Н. И. Зибера. Стр. 412.

[3]) Тамъ-же. Стр. 278.

булава и литавры, то ему поневолѣ придется не себя украшать лаврами, а «Славы-лыцарства казацькому війську здобувати». Ревнивые къ идеѣ равенства, запорожцы не хотѣли даже славы (не говоря уже о добычѣ), присвоить своему предводителю лично, точно какъ-будто орденъ ихъ сформировался изъ людей, которые только и желали «положить души своя за други своя», которые старались доказать дѣломъ, а не словами, что совершенная любовь «ничего не ищетъ себѣ» [1]).

Общественный регрессъ Мэнъ объясняетъ такъ: «Упадокъ древней свободы въ сильной степени обусловливался обширностью тѣхъ личныхъ жертвъ, которыхъ она требовала отъ гражданъ»... «Никто даже теперь при полученіи извѣщенія о присутствіи въ составѣ присяжныхъ не испытываетъ полнаго удовольствія». Присутствіе же на народныхъ собраніяхъ отнимало много времени [2]). Но, спрашивается: почему же прежде народныя собранія были менѣе отяготительны, нежели въ ближайшія къ намъ времена? Дѣло въ томъ, что прежде человѣчество жило маленькими обществами, при чемъ сходиться на совѣщанія было легко и удобно. Когда же, впослѣдствіи, оно принуждено было организоваться въ болѣе или менѣе крупныя политическія организаціи, то идти за сотни верстъ на вѣче, или что-нибудь въ этомъ родѣ,—было вполнѣ отяготительно. Впрочемъ, если-бы причиной общественнаго регресса

[1]) П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. Т. II. Стр. 102.

[2]) Сэръ Генри Сомверъ Мэнъ. Древній законъ и обычай. Стр. 133 и 134.

было только расширеніе политической организаціи, то оно могло-бы привести единственно къ посылкѣ на вѣче выборныхъ представителей, вмѣсто личной явки. На дѣлѣ же мы видимъ полное паденіе свободы и господство центральной власти надъ областями и отдѣльными поселеніями. Поэтому-то объясненіе Мэна должно быть дополнено, такъ какъ главной причиной регресса было образованіе обширныхъ политическихъ организацій или прямымъ завоеваніемъ одного племени другимъ, или путемъ союза племенъ въ виду защиты отъ завоеваній. Войны порождали необходимость централизаціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ губительно дѣйствовала на прежнюю общественную свободу.

Исторія человѣческаго рода, говоритъ Ланкестеръ, доставляетъ намъ много рѣзкихъ примѣровъ вырожденія. Какъ образцы такихъ народовъ онъ приводитъ нѣкоторыя индѣйскія племена центральной Америки, современныхъ египтянъ и др. Возможность вырожденія заслуживаетъ быть принятою въ соображеніе и по отношенію къ бѣлымъ расамъ Европы. Предаваясь, говоритъ Ланкестеръ, тому немыслящему, безразсудному оптимизму, который выражается допущеніемъ всеобщаго прогресса, какъ чего-то само-собою разумѣющагося и неоспоримаго, мы привыкли смотрѣть на себя какъ на существа, которыя непремѣнно и необходимо всегда шли впередъ, которыя необходимымъ образомъ достигли высшаго и болѣе совершеннаго состоянія сравнительно съ достигнутымъ нашими предками, и которыя несомнѣнно предназначены судьбою прогрессировать все далѣе и далѣе. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, не-

дурно было-бы помнить, что и мы также подлежимъ общимъ законамъ эволюціи; стало быть, и мы можемъ не только прогрессировать, но также и вырождаться. Возможно, что мы всѣ сбились съ пути прогрессивной эволюціи и несемся къ состоянію умственныхъ уткородокъ или асцидій [1].

Оптимистическое воззрѣніе на экономическое состояніе Европы привело нашихъ западниковъ къ мнѣнію, будто капиталистическое производство, — гибельность вліянія котораго на рабочее сословіе всѣмъ извѣстна,—есть необходимая ступень прогрессивнаго развитія. Они стараются доказать, что такія экономическія учрежденія, какъ община и артель, предназначены самою судьбою къ сломкѣ въ числѣ другихъ архаическихъ учрежденій, не смотря на то, что имъ самимъ очевидна польза этихъ экономическихъ формъ для массы народа. Быть можетъ, мнѣніе Ланкестера заставитъ ихъ задать себѣ вопросъ: не является-ли признакомъ вырожденія Европы водруженіе въ ней капиталистическаго производства, уменьшающаго даже ростъ западныхъ расъ [2].

Въ доказательство существованія частнаго регресса (вырожденія) при прогрессированіи общества въ общемъ ходѣ его жизни, мы можемъ привести еще и

---

[1]) Вырожденіе. Глава изъ исторіи развитія. Профес. Э. Рея Ланкестера. Стр. 62—64.

[2]) Тайлоръ въ своей „Антропологіи“ говоритъ, что „въ Англіи фабричная городская жизнь выработала населеніе, имѣющее ростъ на дюймъ или на два меньше противу роста его предковъ, пришедшихъ въ города изъ деревень“.

слѣдующій примѣръ. Ш. Рише говоритъ, что съ XIV столѣтія «вѣрованіе въ дьявола и страхъ передъ его могуществомъ начинаютъ рости, развиваться и, въ концѣ концовъ, безраздѣльно торжествуютъ. Число бѣснующихся множится. Заклинатели расширяютъ кругъ своихъ дѣйствій. Цѣлыя общины воображаютъ себя во власти дьявола. И на этой именно почвѣ возникаютъ грандіозныя фантастическія идеи о ночныхъ сборищахъ колдуній, о шабашѣ. Волшебники и колдуны, эти сообщники сатаны, оказываются повсюду, какъ и самъ сатана. Повсюду зажигаются костры. Въ началѣ эти костры зажигаетъ церковь, но затѣмъ, съ половины XVI вѣка, свѣтское правосудіе смѣняетъ духовное и оказывается не только не мягче, а напротивъ жестче: самое большое количество колдуновъ сжигается именно съ 1550 года по 1600. Этотъ двойной терроръ, терроръ сатанинскаго владычества и терроръ людскаго правосудія, прекращается только въ началѣ XVII вѣка» [1]).

Факты существованія частичнаго регресса, при прогрессированіи общаго хода жизни, слѣдовательно, можно считать достаточно многочисленными. Отсюда логически вытекаетъ для личности невозможность полагаться на благодѣтельное свойство «законовъ исторіи», которые-де устроятъ все къ общему благополучію. Отсюда же слѣдуетъ, что мы не имѣемъ никакого права утверждать, что экономическія формы западно-европейской

[1]) Шарль Рише. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Стр. 323.

жизни суть самыя прогрессивныя формы, только на томъ основаніи, что общій ходъ европейской жизни намъ кажется прогрессивнѣе нашего. Личность должна проанализировать свойство русскихъ и западно-европейскихъ формъ экономической жизни и отдать предпочтеніе той, которая больше удовлетворяетъ ея потребностямъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что вторыя сопутствуются прогрессивными явленіями другихъ сторонъ жизни, а первыя окружены такими общественными явленіями, которыя мы не можемъ не признать очень отставшими отъ соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ.

Поклонники современныхъ формъ прогресса и цивилизаціи, не замѣчающіе ихъ односторонностей, съ удивленіемъ должны остановиться передъ фактомъ увеличенія самоубійствъ съ развитіемъ этой пресловутой цивилизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что самоубійство можетъ служить показателемъ того, что счастье личности отъ современной намъ формы прогресса не только не увеличивается, но уменьшается. Инстинктъ самосохраненія такъ силенъ во всякомъ организмѣ, что нужно перенести въ жизни много горя, чтобы рѣшиться на самоубійство. Многіе утѣшаютъ себя тѣмъ, будто самоубійцы—психически больные люди, у которыхъ рѣшеніе на самоубійство является результатомъ больше ихъ собственной болѣзненной природы, нежели окружающихъ условій. Хотя самый фактъ увеличенія психически больныхъ людей, съ ходомъ прогресса, тоже не особенно рекомендуетъ нашу форму цивилизаціи, но статистика самоубійствъ не оставляетъ намъ и этого

утѣшенія: она доказываетъ, что только пятая часть самоубійцъ можетъ считаться психически больными людьми. Слѣдовательно, остальные четыре пятыхъ— здоровые люди, доведенные до самоубійства несчастіями и горемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что увеличеніе самоубійствъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ указываетъ на уменьшеніе счастья въ нихъ. Поэтому врядъ-ли мы имѣемъ право хвастаться той культурой и цивилизаціей, которая увеличиваетъ только число несчастныхъ среди насъ. Разумѣется, увеличеніе числа самоубійствъ не можетъ служить доказательствомъ противъ прогресса вообще, но оно указываетъ на ненормальность европейскаго прогресса. Наибольшее количество самоубійцъ мы находимъ въ томъ отдѣлѣ, мотивомъ котораго считается нищета. И это вполнѣ понятно: европейскій прогрессъ состоялъ почти исключительно въ развитіи формъ производства; о развитіи же распредѣленія онъ не заботился—отсюда его односторонность и ненормальность. Въ Великобританіи, говоритъ г. Лихачевъ, цифра самоубійствъ начала быстро возвышаться со времени полнаго развитія въ Англіи свободы политической и гражданской и сосредоточенія въ ея рукахъ всемірной торговли. Параллельно росту колоссальныхъ богатствъ, въ Англіи росла нищета и, быть можетъ, распространялась въ извѣстныхъ классахъ быстрѣе, чѣмъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Такое рѣзкое различіе въ благосостояніи классовъ всегда порождаетъ преступленія и самоубійства, вслѣдствіе неудовлетворенности потребностей и вслѣдствіе необходимости болѣе усиленной психической дѣ-

ятельности. Въ Алжирѣ въ первые годы по завоеваніи его французами самоубійства были очень рѣдки среди туземнаго мусульманскаго населенія, но въ послѣдніе годы наклонность къ самоуничтоженію, повидимому, распространяется и тамъ. Особенно интересенъ фактъ, что въ пятидесятыхъ годахъ, въ эпоху преобразованій, процентъ самоубійствъ въ Россіи упалъ и поднялся на прежнюю высоту въ семидесятыхъ годахъ, а теперь ростетъ ежегодно [1]). Слѣдовательно, въ эпоху, когда наше общество старалось реформами въ общественной области поддержать равновѣсіе между прогрессомъ въ производствѣ и распредѣленіи, мы чувствовали себя гораздо счастливѣе, нежели теперь, когда прогрессъ производства совершается безпрепятственно, прогрессъ же распредѣленія пріостановленъ.

Итакъ, повторяемъ, мы вправѣ заключить, что въ общественной жизни всѣхъ народовъ рядомъ съ прогрессивными явленіями идутъ явленія регресса и вырожденія. Единственнымъ судьею, что отнести къ явленіямъ прогрессивнымъ, а что къ регрессивнымъ, должна быть личность человѣка, руководствующаяся своими чувствами, мыслями и желаніями. Никакіе «законы исторіи» не связываютъ дѣятельность этой личности, подчиняющейся только психологическимъ законамъ своего внутренняго развитія. Мнимые «законы исторіи» не способны помѣшать человѣчеству осуществлять свои желанія, хотя, разумѣется, появленіе са-

[1]) «Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи», А. В. Лихачева, стр. 130, 32, 35 и 40.

михъ желаній подчинено извѣстнымъ психологическимъ законамъ. Не «законы исторіи» мѣшали рабамъ освободиться, а ихъ собственная неумѣлость и разрозненность. Если-бы рабство было закономъ исторіи, то мы не видѣли бы народовъ, не имѣвшихъ никогда рабства. Впрочемъ, если бы даже всѣ народы прошли черезъ бѣдствія рабства, то и это не доказывало-бы обязательности рабства для человѣчества. Вѣдь никто не говоритъ, что убійство, воровство, изнасилованіе, клевета существуютъ по «законамъ исторіи»—и слѣдовательно должны существовать безпрепятственно въ извѣстный періодъ исторіи,—только потому, что всѣ эти явленія бываютъ у всѣхъ народовъ. Всѣ эти явленія, подобно рабству, капиталистическому производству и массѣ другихъ, суть явленія регресса и человѣчество поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, борясь съ ними вездѣ и всюду, гдѣ-бы и когда-бы оно ихъ ни встрѣтило. Ссылки на «законы исторіи» обыкновенно дѣлаются только лицемѣрными защитниками этихъ регрессивныхъ явленій.

ГЛАВА I.

Интеллигентный бюрократизмъ и народничество.

«Для каждаго политическаго дѣятеля, говоритъ Спенсеръ, должно быть самымъ первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ, такъ сказать, вопросомъ изъ вопросовъ:—«какой типъ общественнаго строя намѣренъ онъ создать?» Но этотъ-то именно вопросъ практическимъ политикамъ никогда и не приходитъ въ голову [1]). А между тѣмъ нельзя не видѣть, что всякій общественный дѣятель необходимо нуждается въ обоснованіи своей практической дѣятельности на той или другой системѣ принциповъ;—иначе онъ будетъ идти наугадъ, ощупью и подчасъ разрушать лѣвой рукой то, что насаждаетъ правой. Къ сожалѣнію, люди съ систематически построеннымъ міросозерцаніемъ встрѣчаются у насъ гораздо рѣже, чѣмъ это можно было-бы предполагать. Даже выдающіеся публицисты, вродѣ г. Михайловскаго, строютъ свое міросозерцаніе изъ осколковъ различныхъ системъ и этимъ вносятъ путаницу въ

---

[1]) Герб. Спенсеръ. «Грядущее рабство», стр. 31.

практическую общественную дѣятельность. Названный сейчасъ публицистъ весьма враждебно относится къ основному положенію народничества, гласящему, что общественная жизнь народной массы должна подчиняться только «мнѣнію» самаго народа. Возражая противъ этого положенія, онъ съ побѣдоносной (по его мнѣнію) проніей указываетъ на то, что мужикъ не знаетъ, чѣмъ держится земной шаръ въ міровомъ пространствѣ, и думаетъ, что его поддерживаютъ три кита. Почтенный, но нѣсколько легкомысленный публицистъ забываетъ при этомъ, что Моисеи, Солоны, Ликурги, Гракхи и т. п. люди тоже имѣли достаточно нелѣпыя на нашъ взглядъ понятія о землѣ и ея положеніи въ міровомъ пространствѣ, однако, въ области общественныхъ вопросовъ ихъ идеи до сихъ поръ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе. Будемъ надѣяться, что хоть подобные факты заставятъ послѣдователей нашего публициста обратить вниманіе на нелѣпость того соціологическаго положенія, вслѣдствіе котораго г. Михайловскій считаетъ мужика неспособнымъ быть руководителемъ своей собственной общественной жизни только потому, что онъ не получилъ извѣстныхъ школьныхъ познаній. Но рядомъ съ подобною мыслью мы встрѣтимъ у нашего публициста, напримѣръ, и защиту суда присяжныхъ. Извѣстно, что присяжными засѣдателями могутъ быть и люди неграмотные; для того, чтобы имѣть право и даже быть обязанными разрѣшать очень сложныя судебно-общественныя задачи, присяжнымъ засѣдателямъ не нужно держать экзамена изъ космографіи, такъ что многіе изъ людей, судя-

щихъ, напримѣръ, дѣло о банковой растратѣ, навѣрное убѣждены въ томъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ. Въ своей защитѣ суда присяжныхъ г. Михайловскій не вполнѣ основательно доходилъ до того, что желалъ когда-то, чтобы этому суду были подчинены даже дѣла по преступленіямъ печати. Спрашивается: логично-ли требовать подчиненія «мнѣнію» мужика такихъ дѣлъ, о которыхъ онъ дѣйствительно имѣетъ мало понятія, и въ то-же время утверждать, что онъ неспособенъ обойтись безъ интеллигентно-бюрократической палки при устройствѣ своей собственной жизни? Не очевидно-ли, что мнѣніе г. Михайловскаго о судѣ присяжныхъ взято имъ изъ той самой народнической системы общественныхъ принциповъ, надъ которою онъ въ другихъ случаяхъ старается трунить? Будь онъ логичнѣе, онъ замѣтилъ-бы, что его мнѣніе о судѣ присяжныхъ совсѣмъ не вяжется съ его презрѣніемъ къ «мнѣнію» народа и что, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ-бы стоять за судъ коронный, составленный изъ юристовъ-спеціалистовъ. Если-же онъ не пожелалъ-бы сдѣлать этого шага, то долженъ-бы былъ пересмотрѣть тѣ изъ своихъ мнѣній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ признаніемъ общественно-политической правоспособности за невѣжественнымъ крестьянствомъ, не получившимъ никакого школьнаго образованія. Тогда, нужно думать, онъ не сталъ-бы утверждать, что интеллигенція должна имѣть въ виду только интересы народа, а къ его мнѣнію можетъ относиться презрительно. Теперь-же его публицистическая дѣятельность производитъ только хаосъ въ понятіяхъ читателей, считающихъ его авто-

ритетным писателем, и этим самым ослабляет их практическую деятельность.

Хаотическое состояние публицистической мысли не может быть выгодно ни одному направлению, так как следствием его является неуверенность практических общественных деятелей в результатах своего труда. Поэтому следует возможно резче обособлять различныя міросозерцанія друг от друга, и бояться этого обособленія может только то из них, которое не выносит правдиваго освещенія, скрывая под разными красивыми знаменами старый бюрократическо-крепостнический хлам. Мы попытаемся указать разницу, существующую между народничеством, как системой известных общественных принципов, и тем, что мы назовем, пока, «народолюбіем», с которым до сих пор его смешивают.

Если всякій народник — народолюбец, то не всякій народолюбец — народник. Любовь к народу, если верить словесным и печатным заявленіям, сильно распространена в нашей интеллигенціи, но нельзя этого сказать про народничество. Подчас любовь к народу бывает своеобразна; так, например, она часто смахивает на любовь к собакам, лошадям и т. п. В этом случае чувство любви смешано с презреніем, с желаніем покровительствовать и господствовать. Объект любви считается невежественным и безнравственным скотом, не имеющим никакого понятія об истинных своих нуждах и потребностях, но... этот скот, видите-ли, несчастен, а потому нежное сердце интеллигентнаго человека сжимается

отъ тоскливаго чувства и онъ готовъ снизойти къ нему для руководства его мыслью, чувствомъ и дѣятельностью. Такихъ народолюбцевъ у насъ очень и очень много; но—они не народники. Народникъ любитъ народъ не потому только, что онъ несчастенъ, а вообще въ силу способности любить людей; онъ уважаетъ народъ, какъ коллективную единицу, воплощающую въ себѣ относительно высокій, для нашего времени, уровень справедливости и человѣчности. Отдѣльныя личности могутъ быть глупы и безнравственны, но коллективная мысль и чувство народа, въ области общественныхъ вопросовъ, всегда несоизмѣримо выше отдѣльныхъ мнѣній и чувствъ.

Въ основѣ народническаго ученія объ устройствѣ общества лежитъ не только любовь къ народу, но и уваженіе ко всякой человѣческой личности, а слѣдовательно и къ личности крестьянина. Поэтому-то народничество утверждаетъ, что нельзя заботиться объ «интересахъ» народа, не принимая во вниманіе его «мнѣній» объ этихъ «интересахъ». Оно не третируетъ личности крестьянина и не считаетъ себя вправѣ обходиться съ нимъ какъ съ малолѣтнимъ, не имѣющимъ возможности жить самостоятельно, безъ опеки. Поэтому оно признаетъ, что въ числѣ главныхъ «интересовъ» народа находится и потребность руководствоваться въ своей дѣятельности собственнымъ «мнѣніемъ», а не благодѣтельнымъ приказомъ интеллигентнаго руководителя. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы народничество проповѣдывало невмѣшательство интеллигенціи въ жизнь народа; оно лишь утверждаетъ, что

это послѣднее должно выражаться только въ видѣ духовнаго воздѣйствія на «мнѣнія» народа, и отрицаетъ всякое насильственное вторженіе въ народную жизнь. Проповѣдуя подчиненіе хода народной жизни «мнѣнію» народа, народничество вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не желаетъ насильственнаго вторженія народа въ другія сферы жизни. Несомнѣнно, что, напримѣръ жизнь города или интеллигенціи во многомъ отличается отъ жизни народа и признаніе этихъ особенностей требуется ихъ общимъ интересомъ. Насколько нераціонально требовать подчиненія народной жизни интеллигентной опекѣ, настолько-же противно здравому разсудку подчинять интеллигенцію и городъ «мнѣнію» народа. Разумѣется, совмѣстная жизнь народа, горожанъ и интеллигенціи по необходимости во многихъ случаяхъ приводитъ ихъ къ столкновенію «мнѣній» и «интересовъ»: общая сфера интересовъ всѣхъ трехъ группъ, понятно, тоже должна быть подчинена и общему ихъ «мнѣнію». Но чѣмъ больше будетъ самостоятельности въ жизни каждой группы, тѣмъ лучше, ибо каждая изъ нихъ будетъ чувствовать себя свободнѣе и независимѣе. Таково мнѣніе народниковъ.

Перейдемъ теперь къ народолюбцамъ. Многіе изъ нихъ дѣйствительно очень искренно любятъ народъ; къ сожалѣнію, отъ этой любви ему можетъ очень не поздоровиться, такъ какъ она соединена съ полнымъ презрѣніемъ къ его личности и ея правамъ на самоопредѣленіе своей жизни. Подобное отношеніе народолюбцевъ къ народу, очевидно, является остаткомъ крѣпостного права и привычки къ бюрократическимъ воз-

дѣйствіямъ. Сами они, разумѣется, не замѣчаютъ того, что ихъ любовь солоно достанется народу, подобно тому какъ чадолюбивые родители-деспоты не замѣчаютъ, что своимъ насильственнымъ устройствомъ счастья взрослыхъ дѣтей они только губятъ этихъ послѣднихъ. Характерная черта народолюбцевъ — любовь къ народу, соединенная съ полнымъ неуваженіемъ правъ личности крестьянина. Они настолько глубоко презираютъ права этой личности, что даже неспособны замѣчать дѣлаемыхъ ими нарушеній этихъ правъ. Имъ все кажется, что народъ ничего больше не желаетъ, какъ только того, чтобы они устроили его «интересы», не спрашиваясь его самого, забывая, что онъ говоритъ: «За чужой головой ино и легче жить, да—тошнѣе». Они способны нарушать основныя права личности, даже не помышляя о томъ, что̀ они дѣлаютъ, какъ-будто они имѣютъ дѣло не съ людьми, а съ любимыми собаками и кошками. Съ неустрашимостью мѣдныхъ лбовъ, они заявляютъ, что имѣютъ вд виду только «интересы» народа и знать не хотятъ его «мнѣній». Впрочемъ, этою неустрашимостью отличаются только болѣе логичные изъ нихъ; большинство-же, придерживаясь программы народолюбиваго бюрократизма, не выяснило самому себѣ сущности своихъ воззрѣній. Оно по-маниловски мечтаетъ о томъ, что мужикъ съ восторгомъ приметъ мѣры по устроенію его жизни, декретированныя съ интеллигентно-бюрократической высоты. Жизненный опытъ неспособенъ образумить этихъ людей и они не замѣчаютъ фактовъ, доказывающихъ, что сознаніе личнаго достоинства повысилось въ мужикѣ и онъ въ настоящее время, бо-

лѣе чѣмъ когда-либо, не чувствуетъ никакого удовольствія отъ подчиненія своей дѣятельности чужой указкѣ, хотя-бы эта послѣдняя находилась въ рукахъ такъ-называемыхъ «развитыхъ» людей. Нужно думать, что разъ-бы ихъ маниловская иллюзія пала и они увидѣли-бы, что ихъ народолюбивый бюрократизмъ непремѣнно встрѣтитъ сопротивленіе, то отшатнулись-бы отъ програмы, требующей насажденія прогресса въ народной средѣ посредствомъ бюрократической палки. Наше предположеніе мы основываемъ на томъ, что большинство «народолюбцевъ» все-таки любитъ народъ и было-бы неспособно дѣлать его несчастнымъ; нынѣшнее же ихъ отношеніе къ массѣ народа объясняется отчасти остатками крѣпостническихъ воззрѣній, а отчасти слабымъ развитіемъ въ нихъ самихъ чувства личной независимости, что̀ ведетъ къ непониманію важности того блага, въ которомъ они готовы отказать народу ради болѣе быстраго, по ихъ мнѣнію, прогресса общественныхъ формъ. Они, строго говоря, хотятъ продолжать поведеніе нашего бюрократизма въ томъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлилось со времени Петра Великаго, который въ ихъ глазахъ и до сихъ поръ остается героемъ прогресса [1]). По ихъ мнѣнію необходимо под

[1]) По этому поводу намъ вспоминается слѣдующій историческій фактъ. «При Петрѣ Великомъ былъ человѣкъ, имъ весьма любимый, котораго онъ приближалъ къ себѣ. Это—Кикинъ. Кикинъ могъ бы сдѣлать блестящую карьеру (идея новая, внесенная преобразованіемъ). Но Кикинъ упорно держался старины и не разъ возставалъ противъ Петра. Петръ прощалъ его, но наконецъ осудилъ на казнь. Передъ казнью Петръ спросилъ: от-

гонять сверху бюрократическимъ кнутомъ ходъ народной жизни по пути прогресса, иначе невѣжественное крестьянство навѣки останется на мѣстѣ безъ всякаго движенія. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ утверждаетъ: «Если желать, чтобы народъ былъ рѣшающимъ принципомъ, онъ долженъ сначала выйти изъ покрывающей его темноты, и путь къ этому— не мистика и высокомѣрное отношеніе къ народу, а общественная свобода и просвѣщеніе». («Вѣстн. Европы» 1881 г., № 9). Такимъ образомъ, правовой порядокъ мнимаго народолюбца состоитъ только въ общественной свободѣ, которую онъ самъ противопоставляетъ свободѣ общенародной. Г. Пыпинъ напоминаетъ намъ тѣхъ крѣпостниковъ, которые утверждали, что прежде чѣмъ освободить крестьянъ, надо ихъ просвѣтить. По его мнѣнію, общенародное участіе въ дѣлахъ общественнаго устройства будетъ вредно до тѣхъ поръ, «пока народъ не выйдетъ изъ покрывающей его темноты»; а въ ожиданіи этого блаженнаго времени, пусть «общество» само, безъ народа, вершитъ всѣ дѣла.

Народничество и народолюбіе даютъ общественному дѣятелю существенно-различные совѣты, а потому и необходимо различать ихъ другъ отъ друга, такъ какъ смѣ-

---

чего онъ, Кикинъ, человѣкъ умный, противъ него? Кикинъ отвѣчалъ достопамятными словами. Онъ сказалъ Петру: «Умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно». (Сочиненія К. С. Аксакова. Т. I, стр. 213). Нѣсколько измѣняя слова Кикина, народничество тоже можетъ сказать интеллигентному бюрократизму: душа человѣка любитъ просторъ, а отъ тебя ей тѣсно.

шеніе этихъ двухъ программъ можетъ только вносить хаосъ въ практическую дѣятельность. Къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя народниками, смѣшиваютъ народничество съ народолюбіемъ и такимъ образомъ затушевываютъ основное положеніе народничества о необходимости не только любить народъ, но и уважать его «мнѣніе». Доказывая, что основная черта народничества есть «любовь къ народу», они этимъ самымъ зачисляютъ въ его ряды многочисленную группу народолюбивыхъ бюрократовъ и затемняютъ другую характерную черту народничества — уваженіе къ личности крестьянина, а слѣдовательно и признаніе за нимъ права руководствоваться въ своей жизни собственнымъ мнѣніемъ. Не замѣчая основного различія истинныхъ народниковъ отъ народолюбивыхъ бюрократовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ неправильно опредѣляютъ и мѣсто, занимаемое народничесвомъ среди другихъ направленій публицистической мысли. Указывая на народолюбивое направленіе нашей прогрессивной печати въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ, они думаютъ, что этимъ самымъ доказываютъ, что народничество господствуетъ въ нашей прессѣ съ шестидесятыхъ годовъ. Но достаточно присмотрѣться, напримѣръ, къ народолюбію Писарева, чтобы увидѣть разницу нынѣшняго народничества съ этимъ народолюбивымъ направленіемъ. Большинство народолюбцевъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были только представителями народолюбиваго интеллигентнаго бюрократизма, а отнюдь не народниками. Правда, среди нихъ были и первыя ласточки народничества, но и у этихъ

народниковъ не было систематическаго народническаго міросозерцанія, такъ какъ они по преимуществу сосредоточивали свое вниманіе на интересахъ интеллигенціи. Въ ихъ міросозерцаніи народничество было только вкраплено бо̀льшими или меньшими чертами и они подготовили почву нашей публицистической мысли къ выработкѣ болѣе систематическаго народническаго міровоззрѣнія. Заслуги ихъ передъ народничествомъ — громадны, и мы не думаемъ уменьшать ихъ значенія, указывая на фактъ отсутствія у нихъ стройнаго и систематическаго народничества,—ибо въ то время было еще невозможно доработаться до этого, по новости самой задачи для нашихъ публицистовъ.

Но, повторяемъ, существованіе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ зачаточныхъ, такъ-сказать, народниковъ отнюдь не характеризуетъ всего народолюбія этого времени. Общее-же его теченіе ближе къ народолюбію Писарева—типичнаго представителя безсознательнаго и туманнаго интеллигентнаго бюрократизма. Нельзя называть народниками и тѣхъ публицистовъ, у которыхъ мы видимъ только нѣкоторыя разрозненныя черточки народническаго міросозерцанія; иначе намъ придется включить въ число народниковъ всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ и стоитъ за судъ присяжныхъ, такъ какъ несомнѣнно, что этотъ судъ въ основаніи своемъ имѣетъ признаніе преимуществъ народной совѣсти и мысли передъ таковыми-же судей спеціалистовъ, получившихъ юридическое образованіе. Кто желаетъ остановить общественное вниманіе на характерныхъ чертахъ народничества (т. е. желаетъ дать ему возможно большій

ходъ), тотъ долженъ заботиться не о смѣшеніи его съ массой народолюбцевъ, издавна трактующихъ объ «интересахъ» народа съ бюрократическимъ пошибомъ мысли, а о выдѣленіи его изъ этой массы. Народничество и народолюбіе не могутъ идти подъ однимъ знаменемъ, такъ какъ каждое изъ нихъ дастъ общественному дѣятелю свою особую программу дѣятельности. Любовь, соединенная съ уваженіемъ народнаго «мнѣнія», дастъ совсѣмъ иные совѣты, нежели любовь, презирающая личность крестьянина и его «мнѣніе».

Основная идея народолюбія состоитъ въ томъ, что центръ тяжести страны лежитъ въ культурно-интеллигентныхъ классахъ, и что эти классы должны оказывать, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ преимущественное, вліяніе на ходъ социальной жизни. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые второстепенные признаки, которыми «народолюбіе» отличается отъ бюрократизма обыкновеннаго, то можно сказать, что по своей сущности, и именно въ отношеніи къ массѣ народа, они вполнѣ однородны между собою. И тотъ и другой одинаково считаютъ необходимымъ мудрить надъ народомъ, устраивать его жизнь по своему образцу и насильно навязывать ему свои идеалы; вся разница тутъ только въ томъ, что бюрократизмъ дѣлаетъ это просто въ силу власти, а «народолюбіе» прикрывается знаменемъ науки и прогресса, понимаемыхъ имъ, разумѣется, на свой ладъ. Въ этомъ-то основномъ пунктѣ «народолюбіе» и расходится съ такъ-называемымъ народничествомъ.

Основная точка зрѣнія народничества та, что со-

ціальная жизнь, находясь подъ вліяніемъ только культурныхъ классовъ, получаетъ уродливое, искусственное, одностороннее развитіе и направляется на удовлетвореніе потребностей не всей страны, а только однихъ культурно-интеллигентныхъ классовъ. Притомъ-же изобрѣсти путемъ научныхъ изслѣдованій абсолютно-прекрасную общественную форму невозможно, и попытки подобнаго рода уже окончательно отвергнуты соціологіей. Область соціологіи есть по преимуществу область дѣятельности человѣческой личности, въ которой чувства, мысли и желанія людей играютъ главную роль. Достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, насколько она приближается къ какому-то научному идеалу, а тѣмъ, насколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ личностей, составляющихъ данное общество. Самая прекрасная форма будетъ гибельна для общества, если она не соотвѣтствуетъ желаніямъ его членовъ, ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее [1]). Многіе ошибочно думаютъ, что уважать мысль народа — значитъ

[1]) Соціальныя формы должны служить потребностямъ личности, а потому и должны зависѣть отъ взглядовъ ея самой на эти потребности. Въ соціологіи нѣтъ объективныхъ истинъ, а потому выраженіе Тэна: „десять милліоновъ невѣжествъ не составляютъ одного знанія», не можетъ относиться къ ея области. Десять милліоновъ невѣждъ могутъ отвѣтить представителю знанія, что они хотятъ имѣть общественныя формы, вполнѣ соотвѣтствующими ихъ невѣжеству, такъ какъ живутъ для того, чтобы быть довольными своею жизнью, а не для того, чтобы жить несоотвѣтственно своимъ потребностямъ.

подчиняться народу во всемъ, раздѣлять все его міросозерцаніе, вѣрить въ домовыхъ и лѣшихъ, признавать истиной, что земля стоитъ на трехъ китахъ и т. п. Это очевидная нелѣпость. Народничество есть ученіе объ обществѣ, а потому и его построенія касаются только области соціологіи. Этимъ мы не хотимъ сказать, что народная мысль должна признаваться несостоятельной во всемъ, что выходитъ изъ области соціологіи. Напротивъ, многія познанія нашихъ крестьянъ— напримѣръ, агрономическія—гораздо обширнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, но все-таки, когда идетъ рѣчь о народничествѣ, какъ направленіи, то слѣдуетъ помнить, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ собственно область соціологіи, а не что-либо иное.

Мы уже говорили, что уваженіе къ народной мысли въ области соціологіи отнюдь не обусловливаетъ собою полнаго подчиненія большинству меньшинства. Напротивъ, всякое меньшинство должно имѣть право на самостоятельное устройство своихъ дѣлъ, насколько это не идетъ въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями большинства. Вообще не о подчиненіи культурныхъ классовъ народу хлопочутъ народники, а о предоставленіи простора развитію всѣхъ группъ народа, насколько, конечно, это возможно при необходимомъ согласованіи интересовъ всѣхъ во имя обще-народнаго благополучія.

Будучи защитниками истиннаго самоуправленія, народники являются противниками всякаго бюрократизма, въ какой-бы привлекательной формѣ онъ ни являлся. Для нихъ интеллигентный бюрократизмъ—все-

же бюрократизмъ, т. е. отсутствіе самоуправленія, а слѣдовательно и правильныхъ устоевъ для прогрессивнаго развитія общества.

У насъ очень часто говорятъ о заслугахъ бюрократіи. Утверждаютъ, напримѣръ, что Петръ I, насаждая господство бюрократіи на русской землѣ своею табелью о рангахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовалъ образованію замкнутыхъ сословій, демократизировалъ нашу жизнь. Всѣ эти соображенія въ основѣ своей имѣютъ то предположеніе, что, не будь у насъ такой сильной бюрократіи, мы бы, послѣдовавъ примѣру западно-европейскихъ народовъ, допустили на русской землѣ образоваться сильной земельной аристократіи. Но это только предположеніе, и ничего больше. Наоборотъ, мы видимъ, что крупное землевладѣніе даже до сихъ поръ нуждается въ правительственной помощи. Что-же касается прошлаго, то вся исторія его можетъ быть пріурочена къ тѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя имѣли цѣлью поддержать и развить у насъ крупное землевладѣніе. Русская почва совершенно не способствовала развитію поземельной аристократіи съ политическими правами; на ней крѣпко держались только народъ и монархическая власть съ правительственнымъ орудіемъ въ рукахъ, въ видѣ бюрократіи. Бюрократія не спасала народъ отъ развитія поземельной аристократіи, а сама насаждала ее на русской землѣ. Правда, происхожденіе крупнаго землевладѣнія отъ бюрократическихъ мѣропріятій наложило на него извѣстныя ограниченія въ видѣ отсутствія политическаго элемента въ помѣщичьихъ

прерогативахъ; но, не будь стараній бюрократія на пользу поземельной аристократіи, мы не видѣли бы и того, что у насъ есть теперь, ибо несомнѣнно, что не сама жизнь выдвигала эту аристократію, а, наоборотъ, бюрократія прививала ее къ жизни и постоянно заботилась о развитіи этого чахлаго растенія, чуждаго русской почвѣ. Достаточно только вспомнить исторію происхожденія нашего крупнаго землевладѣнія въ окраинахъ, сравнительно недавно перешедшихъ подъ нашу власть, и мы увидимъ, что все оно основано на пожалованіяхъ изъ Москвы и Петербурга. Та-же исторія повторяется теперь въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Оренбургскія и уфимскія расхищенія казенныхъ и башкирскихъ земель, происходящія въ наше время, могутъ быть прекрасной иллюстраціей исторіи нашего крупнаго землевладѣнія. Нѣтъ, бюрократія не спасала насъ отъ золъ западно-европейской жизни, а сама насаждала ихъ на русской землѣ! Она—виновница того, что крестьянину нѣтъ возможности работать только на своей землѣ, а приходится нанимать ее за баснословныя цѣны у землевладѣльцевъ, которымъ земля когда-то досталась при помощи той же бюрократіи. Однимъ словомъ — наша поземельная аристократія есть только продуктъ усилій бюрократіи, а потому и ставить ей въ заслугу отсутствіе политической власти аристократіи нѣтъ никакихъ основаній. Заслуги ея въ этомъ отношеніи—мнимыя. Не надо забывать и того, что бюрократія собственно и вытѣснила у насъ самоуправленіе. Мѣста «излюбленныхъ» людей заняли совсѣмъ не излюбленные чиновники.

Между русскимъ интеллигентнымъ обществомъ и бюрократіей существуетъ старинная родственная связь, которая и сказывается въ любви русскаго интеллигентнаго человѣка къ бюрократическимъ мѣропріятіямъ. Защищаетъ онъ горячо и умѣло принципы самоуправленія, а случится что-нибудь, затрогивающее его за живое, и онъ инстинктивно хватается за привычное, унаслѣдованное отъ отцовъ средство — бюрократизмъ. Да и гдѣ было ему набраться привычекъ, необходимыхъ для самоуправленія! Правда, стремиться къ самоуправленію побуждаетъ естественная наклонность къ самоопредѣленію своихъ поступковъ; но для служенія на пользу общественнаго самоуправленія этого недостаточно. Человѣкъ желаетъ въ этомъ случаѣ самоуправленія для себя, и только въ виду невозможности достичь этого въ одиночку, говоритъ объ обществѣ. Оттого-то онъ такъ легко и переходитъ отъ принциповъ общественнаго самоуправленія къ принципамъ самоуправства.

Такимъ образомъ, русская интеллигенція и русскій бюрократизмъ вполнѣ нераздѣлимы другъ отъ друга въ прошломъ, и только недавно началось это отдѣленіе. По мѣрѣ развитія культурной жизни, оно, конечно, должно усиливаться, такъ какъ это развитіе, и только оно, открываетъ для интеллигентныхъ людей сферы труда, независимыя отъ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно развиваться и стремленіе выдѣлить какъ интеллигенцію, такъ и весь народъ изъ подъ исключительной власти бюрократовъ. Теперь же, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ мало замѣтны стремленія

къ самоуправленію. Къ нему такъ же мало способны наши прогрессисты, какъ и консерваторы. Если прогрессисты говорятъ о самоуправленіи, то подъ этимъ очень часто подразумѣваютъ право интеллигенціи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) на самоуправныя дѣйствія надъ народомъ. На всякомъ шагу вы можете встрѣтить интеллигентныхъ людей, которые во имя науки, будто бы говорящей ихъ устами, требуютъ отъ государства разныхъ мѣропріятій, силою вынуждающихъ общество и чаще всего народъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Прогрессистъ, очень краснорѣчиво разсуждающій о необходимости самоуправленія только потому, что въ его воображеніи понятіе о самоуправленіи сливается съ понятіемъ господства интеллигенціи, тутъ же готовъ силою обуздать стремленіе народа или общества къ истинному самоуправленію. Дѣло идетъ, напримѣръ, о правѣ прихода избирать себѣ религіознаго руководителя и исполнителя тѣхъ духовно-религіозныхъ требъ, въ которыхъ нуждаются члены прихода. Казалось-бы, прогрессистъ долженъ настаивать, чтобы избраніе приходомъ такого руководителя было истиннымъ критеріумомъ для опредѣленія способности этого пастыря къ исполненію своихъ обязанностей. Но попробуйте задать подобный вопросъ, и вы увидите, что большинство прогрессистовъ будутъ искать другого основанія и найдутъ его въ свидѣтельствѣ объ изученіи тѣхъ или другихъ наукъ въ государственныхъ школахъ. Самая большая уступка, которую дѣлаютъ они въ подобныхъ случаяхъ, будетъ состоять въ компромиссѣ между самоуправленіемъ и такъ-

называемыми требованіями науки: прогрессистъ согласится съ правомъ прихода на избраніе священника, но только изъ тѣхъ лицъ, которыя прошли тотъ или другой курсъ наукъ И это будетъ не выраженіе только его желанія, что-де хорошо бы было поступать такъ, а не иначе. Нѣтъ, онъ сейчасъ готовъ прибѣгнуть къ силѣ, къ приказу. Вѣдь онъ дѣйствуетъ во имя блага самого прихода, подъ знаменемъ науки; а если приходъ этого не понимаетъ, такъ вѣдь и дѣти тоже не понимаютъ цѣлесообразности тѣхъ приказаній, съ которыми къ нимъ обращаются любящіе родители. Этотъ послѣдній аргументъ, заимствованный изъ арсенала консервативныхъ пищалей и самопаловъ, приводится какъ самый неопровержимый: только-де человѣкъ науки способенъ понимать истинныя потребности общества и тѣ мѣры, которыя ведутъ къ ихъ удовлетворенію, а потому онъ не только можетъ, но и долженъ командовать, не спрашивая на то согласія общества. Очевидно, что подобные прогрессисты, говоря о самоуправленіи, подразумѣваютъ подъ этимъ только замѣну одной бюрократіи другою, болѣе интеллигентною. Не будучи въ состояніи сами по себѣ завоевать желанный постъ, они хотятъ, чтобы общество и народъ помогли имъ въ этомъ дѣлѣ, а послѣ этого все останется по старому: общество и народъ будутъ повиноваться, а интеллигенція подъ знаменемъ науки — командовать. Какимъ образомъ можетъ быть достигнутъ этотъ упрощенный идеалъ самоуправленія — прогрессисты не говорятъ. Они просто надѣются на установленіе подобныхъ порядковъ, ибо повиноваться интеллигенціи

«не только за страхъ, но и за совѣсть» сама наука повелѣваетъ.

Принято думать, что бюрократизмъ является только консервативнымъ дѣятелемъ въ обществѣ. Но достаточно вспомнить, что во Франціи революціонный конвентъ создалъ такую могучую бюрократическую машину, какой не бывало въ другихъ государствахъ, чтобы понять, что бюрократизмъ есть орудіе управленія, служащее всякому правительству, будь оно республиканское или монархическое. Съ другой стороны, многіе изъ самодержцевъ обходились безъ бюрократіи и управляли своими народами посредствомъ выборныхъ, земскихъ людей. Всѣмъ извѣстна попытка подобнаго управленія, сдѣланная Іоанномъ Грознымъ; народъ нашъ не забылъ этой попытки, и въ его памяти личность Грознаго не является въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, какъ можно было-бы предполагать по его кровавой борьбѣ съ боярской и новгородской крамолой. Такимъ образомъ бюрократизмъ нисколько не связанъ съ какимъ-нибудь однимъ образомъ правленія, и бюрократія является слугою всякаго рода правительствъ. За нее, какъ за удобное орудіе, привыкли хвататься всякія партіи, начиная съ ретроградной и кончая буржуазно-либеральной и интеллигентно-соціалистической. Г. Катковъ, напримѣръ, проповѣдуя усиленіе власти бюрократіи ради усиленія будто-бы консервативныхъ элементовъ, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ изъ нашихъ интеллигентныхъ-соціалистовъ, которые думали навязать русскому народу коммунальную жизнь бюрократическими декретами сверху. Какъ, по мнѣнію г. Каткова, институтъ консерватив-

ныхъ урядниковъ является необходимымъ орудіемъ управленія, точно такъ-же и по мнѣнію нѣкоторыхъ соціалистовъ необходимо организовать нѣчто вродѣ соціалистическихъ урядниковъ, которые-бы силою внушали народу, какъ ему жить, чтобы быть счастливымъ. Буржуазно-либеральные элементы съ своей стороны не прочь воспользоваться силою бюрократіи для расчищенія мѣста капиталистическому производству въ Россіи, а потому и стараются о подчиненіи этой силы своему вліянію.

Къ сожалѣнію, нужно признать тотъ фактъ, что русская интеллигенція вообще склонна къ бюрократизму. Бюрократія и интеллигенція до 60-хъ годовъ были связаны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ; независимыхъ отъ бюрократіи интеллигентныхъ профессій почти не существовало. Да и вообще у насъ пріобрѣтеніе знаній имѣетъ въ большинствѣ случаевъ цѣлью только полученіе «диплома легкохлѣбія», какъ выразился одинъ расколоучитель, обличавшій интеллигенцію. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что наша интеллигенція въ большинствѣ своемъ придерживается мнѣній, которыя мы назвали «интеллигентнымъ бюрократизмомъ». Разница только та, что г. Катковъ желаетъ насадить на русской почвѣ посредствомъ урядника такія учрежденія, которыя измыслилъ онъ, г. Катковъ, а г. Лавровъ, изо всѣхъ силъ стараясь этому помѣшать, утверждаетъ, что урядникъ долженъ насаждать учрежденія, которыя считаетъ наилучшими онъ, г. Лавровъ.

Общая основа, связующая консервативныхъ, буржуазно-либеральныхъ и нѣкоторыхъ прогрессивныхъ публицистовъ въ одну группу «интеллегентныхъ, или

иначе, просвѣщенныхъ бюрократовъ», состоитъ въ томъ, что всѣ они относятся презрительно къ «мнѣнію» народа и берутъ подъ свое покровительство только его «интересы». Намъ уже приходилось говорить о той наивной уловкѣ, къ которой прибѣгаютъ «просвѣщенные бюрократы» для оправданія резонности подобнаго взгляда, именно—что будто бы «мнѣнія» народа свидѣтельствуютъ о его «отсталости, дикости теоретическихъ воззрѣній на окружающее и грубости нравовъ». Эти господа не хотятъ понять, что дѣйствовать въ «интересахъ» народа, не уважая его мнѣній—невозможно. Мужикъ говоритъ: «хоть щей горшокъ, да самъ большой», выражая этимъ, что потребность въ самоопредѣленіи своей судьбы составляетъ его главнѣйшій интересъ; а разные гг. бюрократы рѣшаютъ, что мужикъ—дикъ, невѣжественъ и что поэтому они вправѣ лишить его лучшаго блага жизни и заставить плясать по своей дудкѣ. Они, видите-ли, потому не могутъ не вмѣшиваться въ жизнь русской общины, что тамъ есть кулачество, варварская расправа мужей съ женами и родителей съ дѣтьми, а также сожиганіе вѣдьмъ, знахарство, пьянство и т. п. Но развѣ народъ не вправѣ отвѣтить интеллигенціи: «врачу, исцѣлися самъ; въ твоей средѣ тоже есть и кулачество, и знахарство, и пьянство еще большее, нежели у насъ; есть также и варварская расправа мужей съ женами и родителей съ дѣтьми». И какъ много уголовныхъ процессовъ могъ-бы напомнить этотъ оплевываемый народъ въ доказательство истины своихъ словъ! Опираясь на эти факты, крестьянинъ тоже могъ-бы потребовать, чтобы нашу

интеллигенцію отдали ему подъ начало для исправленія ея нравовъ, не менѣе въ сущности порочныхъ, хотя по формѣ и менѣе грубыхъ. Но что сказали-бы гг. «интеллигентные бюрократы», если-бы кто-нибудь, съ цѣлью отъучить интеллигенцію отъ пьянства, отдалъ ее подъ власть какихъ-нибудь приставовъ трезвости, которые заглядывали-бы къ Борелю, Дюссо и въ Метрополь, съ цѣлью начальственнаго воздѣйствія на интеллигенцію? Сколько громоносныхъ рѣчей было-бы произнесено о поруганіи правъ личности, по поводу подобнаго распоряженія! А между тѣмъ когда дѣло идетъ о правахъ личности крестьянина, то тутъ оказывается, что эти-то самыя права и требуютъ начальственнаго воздѣйствія со стороны гг. просвѣщенныхъ бюрократовъ. Иначе-де мужикъ перебьетъ женъ и дѣтей, въ качествѣ вѣдьмъ сожжетъ старухъ, а самъ умретъ отъ пьянства и лекарствъ знахарей [1]).

[1]) Съ понятіемъ о знахарствѣ, говоритъ г. Слюнинъ, авторъ книги «Матерьялы для изученія народной медицины въ Россіи", всегда соединялось что-то нелѣпое, уродливое, фантастическое; дѣйствительно, трудно понять, почему народъ главную боль лечитъ присыпкой изъ девяти зеренъ перцу и девяти шариковъ овечьяго помету; но мнѣ кажется, что изъ-за этой смѣшной стороны всегда упускали существенное, доказательствомъ чему служитъ значительное число фармакологическихъ препаратовъ, будто-бы открытыхъ учеными, тогда какъ въ дѣйствительности эти препараты почти въ такой-же формѣ первоначально составляли достояніе народа, стоили жизни не одной сотнѣ людей». «Такое отношеніе врачей къ народной мудрости, выработанной вѣковымъ опытомъ и наблюденіями, продолжаетъ онъ, болѣе чѣмъ несправедливо». Желая лично пополнить недостатокъ

Такимъ образомъ «просвѣщенный бюрократизмъ» является только мнимымъ защитникомъ народныхъ «интересовъ», такъ какъ несомнѣнно, что въ числѣ этихъ послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ права лич-

---

знанiи народной медицины, г. Слюнинъ въ каникулярное время занялся собиранiемъ свѣдѣнiй о ней; при этомъ оказалось, что въ разныхъ мѣстахъ существуютъ народныя аптеки и цѣлая писанная литература, происхожденiе которой иногда восходитъ до цвѣтущей эпохи арабскаго просвѣщенiя. Предварительныя изслѣдованiя его показали, что фармакологiя и внутренняя терапiя могутъ почерпнуть нѣчто новое для себя въ тѣхъ средствахъ, которыя употребляются народомъ.

На основанiи медицинскихъ изслѣдованiй, г-нъ Костюринъ утверждаетъ, что «русская паровая баня, уже не говоря о содержанiи тѣла въ чистотѣ, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ вѣковымъ убѣжденiемъ нашего народа, и могучее терапевтическое средство». (Русскiя бани и дѣйствiе ихъ на организмъ человѣка. Д-ра С. Ц. Костюрина).

Вообще, можно было бы многое сказать въ пользу народной медицины. Еще недавно наши врачи заимствовали изъ нея два лекарства: ландышъ—отъ сердцебiенiя, и таракановъ—отъ водянки. Кромѣ того, развѣ хина и кокаинъ не заимствованы изъ народной медицины американскихъ индѣйцевъ? Медицина наша тѣмъ и хороша, что она, такъ сказать, впитала въ себя всѣ болѣе или менѣе ей извѣстныя средства народной медицины.

Врачи упрекаютъ крестьянъ въ недовѣрiи къ себѣ, а въ особенности къ госпиталямъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что сами врачи много способствуютъ недовѣрiю народа къ ихъ особамъ. Много-ли въ самомъ дѣлѣ наберется на Руси такихъ добросовѣстныхъ врачей, которые со вниманiемъ отнесутся къ болѣзни бѣдняка, твердо помня тѣ гигiеническiя и экономическiя условiя, въ которыя онъ поставленъ? Не тонутъ-ли усилiя этихъ врачей въ морѣ равнодушiя и недобросовѣстности большинства ихъ товарищей? Нельзя упрекать народъ за то, что онъ судитъ на основанiи многочис-

ности крестьянина, и игнорировать эти права, хотя-бы даже ради болѣе скораго улучшенія нравовъ, никто не вправѣ. Иначе «интеллигентные бюрократы» должны были-бы признать, что кто-нибудь

ленныхъ фактовъ равнодушія и недобросовѣстности, на которые ему приходится наталкиваться въ своихъ отношеніяхъ къ ученой медицинѣ. «Намъ вполнѣ понятенъ, говоритъ одинъ изъ добросовѣстныхъ врачей интеллигенціи, страхъ простыхъ людей къ госпиталямъ. Мнѣ случалось замѣчать, что страхъ этотъ доходитъ иногда до ненависти, при чемъ крестьяне совершенно справедливо обвиняютъ больницы въ томъ, что люди въ нихъ нерѣдко умираютъ послѣ самыхъ несложныхъ хирургическихъ операцій. Объ этомъ едва-ли станетъ спорять какой-нибудь врачъ, которому приходилось дѣлать операціи не только въ больницахъ, но и въ хатахъ крестьянъ". («Дѣло» 1879 г., № 5, ст. С. Подолинскаго). Оказывается, что сами спеціалисты медицинской науки вполнѣ признаютъ справедливость недовѣрія простого народа къ нынѣшней медицинѣ, въ лицѣ современныхъ ея жрецовъ. Въ то-же время тѣ-же добросовѣстные врачи, ближе ознакомясь съ дѣятельностью народныхъ лекарей и лекарокъ, утверждаютъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ г. Подолинскій: «О томъ, какъ именно лечатъ бабки, могу сказать лишь весьма немного, потому что онѣ обыкновенно держатъ свои способы леченія въ строгой тайнѣ. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы онѣ лечили только травами и ваннами. Напротивъ, онѣ пользуются самыми сильными средствами врачебной фармакопеи. Ртуть, ляписъ, синій камень, маточные рожки—одни изъ главныхъ лекарствъ въ ихъ рукахъ и часто бываетъ не мало зла отъ неумѣнія крестьянъ соразмѣрить дозы этихъ сильныхъ средствъ. Нерѣдко, впрочемъ, врачеваніе бабокъ оказываетъ и большую пользу. Мнѣ случалось видѣть людей, вылеченныхъ бабками отъ застарѣлаго сифилиса». Искусство „костоправокъ» признаютъ и врачи. Такъ г. Чистяковъ говоритъ, что «костоправки, въ самомъ дѣлѣ, повидимому, дѣйствуютъ съ

считая себя выше ихъ, напримѣръ, въ нравственномъ отношеніи, вправѣ насильно подчинять и ихъ своей власти, съ цѣлью улучшенія ихъ нравовъ.

успѣхомъ». (О сифилисѣ въ крестьянскомъ населеніи. Д-ра М. А. Чистякова, стр. 21).

Всякій врачъ знаетъ, насколько сильно вліяетъ на ходъ болѣзни довѣріе или недовѣріе больного къ врачу; этимъ вліяніемъ, нужно предположить, сильно пользуются народные врачи, и вырывать насильно у народа это могущественное психическое средство къ выздоровленію, не замѣняя его другимъ вліяніемъ, было-бы и жестоко, и глупо. Запрещеніе лечить народнымъ врачамъ имѣло-бы хоть тѣнь основанія въ томъ случаѣ, если бы интеллигенція могла предложить ему взамѣнъ своихъ ученыхъ врачей. Но возможно-ли это? Число этихъ послѣднихъ такъ не велико, что не хватаетъ даже для удовлетворенія потребностей лицъ, пользующихся извѣстнымъ достаткомъ и могущихъ довольно щедро оплачивать ихъ услуги. Что-же станетъ дѣлать крестьянинъ, который не въ состояніи ни добраться къ доктору, живущему подчасъ очень далеко, ни оплатить его услугъ? Ему остается только болѣть при самыхъ скверныхъ условіяхъ, безъ надежды на какую-бы то ни было врачебную помощь. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ надѣяться, что наши ученые мужи бросятъ свои теплыя мѣста среди культурнаго слоя и отправятся въ деревни лечить мужиковъ за коврижку хлѣба, да за пятокъ яицъ. Такого казуса, конечно, не случится, а слѣдовательно наши деревни еще долго будутъ ждать визитовъ нашихъ врачей. Вполнѣ неразумно и несправедливо дозволять лечить только людямъ, получившимъ дипломъ, не имѣя въ то-же время этихъ дипломныхъ врачей въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребностей всего народа.

Указываютъ на ошибки въ знахарскомъ леченіи. Но вѣдь при обсужденіи вопроса надо имѣть въ виду общую картину народной медицины; иначе, вѣдь легко забраковать и нашу интел-

Мы должны особенно подчеркнуть то, что въ разногласіи между «просвѣщеннымъ бюрократизмомъ» и «народничествомъ» по вопросу о вліяніи интеллигенціи на народъ рѣчь идетъ не о духовномъ вліяніи и воздѣйствіи, а о насильственномъ устройствѣ общественнаго управленія съ игнорированіемъ «мнѣнія» народа. Народничество отнюдь не стоитъ за воздержаніе отъ духовнаго вліянія интеллигенціи; оно только требуетъ, чтобы права личности крестьянина были вполнѣ обезпечены отъ насильственныхъ вліяній интеллигентную. Безобразій вѣдь у нея, по отношенію къ народу, пожалуй не меньше, если не больше, чѣмъ у знахарей. Такъ, напримѣръ, недавно, въ Харьковѣ начался процессъ по обвиненію администраціи и врачей (во главѣ со старшимъ докторомъ) губернской земской больницы по отдѣленію умалишенныхъ. Профессоръ Крыловъ, производившій, по порученію прокуратуры, вскрытіе семи труповъ умалишенныхъ, констатировалъ пять переломовъ реберъ и два обжога кипяткомъ. Онъ представилъ, какъ сообщаютъ газеты, полную картину господствующихъ въ больницѣ безобразій. И развѣ это единичный фактъ!? Народъ недаромъ боится больницъ! Въ тишинѣ госпитальной жизни производятся опыты, быть можетъ и полезные для будущихъ больныхъ, но весьма вредные для существующихъ. Или быть можетъ и здѣсь народъ обязанъ вынимать для интеллегенціи каштаны изъ огня? Авторъ этой книги, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, слышалъ о госпитальныхъ научныхъ опытахъ гг. врачей, способныхъ возмутить всякаго, кто способенъ возмущаться за обиды другихъ. Правда, интеллигенція, зная, что надъ нею этихъ опытовъ не производятъ, относится къ нимъ даже благосклонно, такъ какъ они-де нужны для счастья будущихъ поколѣній, но думаемъ, что мнѣніе ея сильно-бы измѣнилось, если-бы опыты производились и надъ ней.

лигенціи. Что же касается умственнаго и нравственнаго вліянія этой послѣдней, то никто изъ народниковъ и не споритъ, что лучшая часть интеллигенціи могла-бы многому научить крестьянина. Но пусть она подходитъ къ нему не съ палкой, а съ уваженіемъ къ его человѣческимъ правамъ, памятуя, что эти права народу дороже, нежели что-нибудь другое.

Многіе изъ защитниковъ «просвѣщеннаго бюрократизма» указываютъ на то, что общественный прогрессъ будетъ совершаться гораздо быстрѣе, если заправлять общественнымъ дѣломъ будетъ интеллигенція, а не самъ народъ. Но тутъ прежде всего является вопросъ: прогрессъ-ли существуетъ для человѣка, или человѣкъ для прогресса? Если мы рѣшимъ, что прогрессъ существуетъ для человѣка, какъ это дѣлаютъ народники, то намъ будетъ понятно, что мы прежде всего должны заботиться о самомъ человѣкѣ и не добывать мнимаго прогресса путемъ попранія правъ большинства личностей, а слѣдовательно и ихъ счастья. Счастье личности—вотъ истинная цѣль всякаго общественнаго дѣятеля. Что ведетъ къ этому счастью, то только и можно назвать прогрессомъ. Намъ могутъ возразить, что попраніе правъ существующаго поколѣнія ради болѣе быстраго хода общественнаго прогресса вполнѣ раціонально, ибо этимъ достигается болѣе интенсивное счастье будущаго поколѣнія. Но при такой постановкѣ вопроса, игнорированіе счастья живущихъ поколѣній никогда не прекратится, такъ какъ слѣдущее за нами поколѣніе тоже должно быть принесено въ жертву за нимъ слѣдующему и т. д. Слѣдовательно, разсуждая подобнымъ

образомъ, мы обратимъ въ ничто самую цѣль общественнаго прогресса, — счастье личности. Очевидно, что мы прежде всего должны заботиться о счастьи существующаго поколѣнія, а никакъ не жертвовать имъ въ пользу какой-то фикціи «будущихъ поколѣній», такъ какъ, если каждое живущее поколѣніе принесетъ себя въ жертву, то, въ общемъ, этимъ самымъ они превратятъ нашу земную жизнь въ безконечный рядъ жертвъ, и цѣлью общественнаго прогресса окажется не счастье людей, а счастье только фиктивнаго послѣдняго поколѣнія, которое одно пожнетъ плоды всего процесса развитія. Мы не имѣемъ никакого основанія предпочитать будущія поколѣнія настоящему и должны прежде всего стремиться къ удовлетворенію потребностей современныхъ поколѣній, достигая этимъ путемъ улучшенія жизни и нашихъ потомковъ. Разумѣется, говоря о томъ, что никто не вправѣ жертвовать интересами современнаго поколѣнія въ пользу нашихъ будущихъ наслѣдниковъ, мы хотимъ только сказать, что никто не вправѣ распоряжаться чужою судьбою; своими-же личными интересами имѣетъ право жертвовать всякій общественный дѣятель, если это доставляетъ ему удовольствіе. Подобныхъ людей мы всѣ называемъ высоконравственными и они въ дѣйствительности являются таковыми до тѣхъ поръ, пока жертвуютъ только собою. Но разъ они захотѣли-бы силою заставить свое поколѣніе послѣдовать ихъ примѣру, то этимъ самымъ вступили-бы на безсмысленный путь, такъ какъ стали-бы предпочитать счастье будущаго поколѣнія счастью современнаго. Такъ поступили, напримѣръ, якобинцы (во время «великой» французской

революціи, въ концѣ прошлаго столѣтія), считая себя защитниками народныхъ интересовъ, понимаемыхъ ими, разумѣется, на свой ладъ. А между тѣмъ по существу дѣла якобинизмъ мало чѣмъ отличается отъ тираніи. Во имя свободы, горсть энергичныхъ, страстныхъ, способныхъ на самопожертвованіе людей стала господствовать надъ массою народонаселенія; казнями и тюрьмами грозили всѣмъ тѣмъ, кто иначе понималъ принципы свободы, нежели эти фанатики бюрократическаго насажденія принциповъ вольности. Огромное большинство гильотинированныхъ, говоритъ Мишле, какъ то доказываютъ составленные списки, принадлежало къ народнымъ классамъ [1]). Гильотина стала пропогандировать свободу и безпощадно уничтожать всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ рядахъ ея противниковъ. Ряды же эти состояли не только изъ членовъ прежней монархической партіи, а изъ тѣхъ истинныхъ защитниковъ свободы народовъ, которые не видятъ большой разницы между насиліемъ, идущимъ будто-бы подъ знаменемъ свободы, и тѣмъ насиліемъ, которое прикрывается другими принципами. Для нихъ всякое насиліе надъ народомъ,— будетъ ли оно совершаться во имя свободы или другого принципа, — всегда является только насиліемъ и ничѣмъ больше, т. е. попраніемъ тѣхъ принциповъ свободы, во имя которыхъ совершаются эти насилія. Таковъ, напримѣръ, былъ казненный якобинцами Геберъ съ своими единомышленниками.

---

[1]) Исторія XIX вѣка. Директорія. Т. I. Происхожденіе Бонапарта. Соч. Мишле.

Бонапартизмъ есть только логическое развитіе тѣхъ же принциповъ насилія, которыхъ держался якобинизмъ. Правда, якобинцы насиловали общественное мнѣніе, ради того, что они называли свободой, но для общества вѣдь это являлось только въ видѣ насилія. Подъ страхомъ попасть въ число «заподозрѣнныхъ», французскіе граждане должны были нехотя слѣдовать тому, что приказывается свыше гг. якобинцами. Полное господство якобинцевъ надъ обществомъ пріучало это послѣднее не къ свободѣ, а къ подчиненію бюрократическому произволу. Революціей якобинскаго оттѣнка была не только поддержана, но еще и усилена бюрократическая машина Франціи. Не свободѣ сослужили службу ея мнимые апостолы, а насилію, бюрократизму, Наполеону. Во время революціи, благодаря якобинцамъ, этимъ бюрократамъ свободы, Франція не жила на свободѣ, не дышала вольной грудью, а изнывала отъ постояннаго страха и подчиненія кучкѣ людей, вздумавшихъ свободу насаждать тираніей. И ихъ тиранія была тѣмъ тяжеле и безпощаднѣе, что вытекала не изъ чисто эгоистическихъ инстинктовъ стяжанія, а была основана на желаніи добра людямъ: къ сожалѣнію, непомѣрная горделивость помѣшала имъ идти путемъ уваженія къ коллективной мысли народа и толкнула на путь бюрократическаго насажденія свободы. Эгоистическіе тираны бываютъ гораздо сноснѣе для народа именно потому, что ихъ эгоизмъ очень часто побуждаетъ дѣлать уступки народному мнѣнію; якобинцы же, вообразивъ себя носителями принциповъ свободы и будучи готовы на самопожертвованіе ради этихъ принциповъ, не дѣлали никакихъ усту-

нокъ, такъ какъ это было бы съ ихъ точки зрѣнія только слабостью Оттого-то они съ такою легкостью проливали кровь французскаго народа. Нечего удивляться, что французы, пріученные якобинцами трепетать передъ властью, легко подчинились власти Бонапарта.

И такъ, цѣлью всякаго общественнаго дѣятеля должно быть только счастье людей, а не мнимый «прогрессъ». Заботясь только объ этомъ послѣднемъ и игнорируя счастье современныхъ людей, мы теряемъ почву подъ ногами и начинаемъ витать въ области фикцій, гибельныхъ для людского счастья. А между тѣмъ, истиннымъ общественнымъ прогрессомъ и можно считать только такой, который увеличиваетъ количество счастья на землѣ. Глубоко ошибаются тѣ, которые отдѣляютъ прогрессъ отъ увеличенія счастья современныхъ поколѣній и думаютъ усилить прогрессъ путемъ игнорированія народнаго «мнѣнія» и попранія, слѣдовательно, его личныхъ правъ, т. е. путемъ уменьшенія его счастья. Подобный прогрессъ будетъ только тормазомъ истиннаго прогресса, такъ какъ его заманчивая для бюрократическаго ума внѣшность скрываетъ подъ собою рабство и разложеніе.

Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и то, что исторія намъ доказываетъ полную неосуществимость попытокъ меньшинства общества на господство надъ большинствомъ, во имя будто бы наиболѣе быстраго прогресса. Примѣромъ можетъ служить англійская революція въ половинѣ XVII вѣка. Фиктивнымъ девизомъ ея было: «Послѣ Бога народъ есть первый источникъ законной власти». Но на самомъ дѣлѣ происходило со-

всѣмъ другое. Большинство народа стояло за королевскую власть и только меньшинство его, фанатизированное своими религіозными воззрѣніями, требовало республики. «Королевская власть была уничтожена, говоритъ Гейссеръ, но монархическіе элементы остались. Республиканское правленіе было введено, но оно не имѣло основы для себя въ расположеніи и настроеніи народа. Кромвель долженъ былъ управлять при содѣйствіи меньшей части народа, представителями которыхъ были 50,000 «святыхъ». Поэтому «онъ мало-по-малу отдаляется отъ своей собственной партіи, все яснѣе и яснѣе усматривая самъ ея несостоятельность». Кромвель «былъ человѣкъ, который могъ лично отрѣшиться отъ узкихъ воззрѣній своей партіи, но эту самую партію нельзя было склонить ни на какой компромиссъ. Для республики не было элементовъ въ націи, а королемъ онъ быть не могъ». Этого не дозволила бы его армія «святыхъ»; «они стояли на переднемъ планѣ, показывали ему страшный призракъ обезглавленнаго короля и стараго демократическаго знамени». «Король, говорили они, есть тиранъ, мы не хотимъ короля». Господство «святыхъ» надъ англійскимъ народомъ кончилось тѣмъ, что «при ликованіи народа, при безмолвномъ озлобленіи индепендентовъ былъ призванъ Карлъ II въ Англію; умершее туловище парламента снова воскресло и утвердило возстановленіе Стюартовъ» [1]).

Идеи «просвѣщеннаго бюрократизма» глубоко укоренены въ нашей интеллигенціи и являются прямымъ наслѣд-

[1]) Гейссеръ. Исторія реформаціи. Стр. 693—717.

ствомъ крѣпостнаго права, отразившагося на міросозерцаніи даже тѣхъ, кто горячо способствовалъ его уничтоженію. Вотъ почему указаніе на необходимость уваженія къ народному «мнѣнію» было встрѣчено многими изъ нашей интеллигенціи какъ нѣчто парадоксальное, и они всѣми силами старались скомпрометировать народничество въ глазахъ общества. Они именно представляли это послѣднее врагомъ прогресса, высшаго образованія, науки и т. п. Но въ основѣ народничества лежатъ такія нравственныя истины, которыя признаются непреложными даже его врагами; поэтому всѣ усилія «просвѣщенныхъ бюрократовъ» могутъ повести только къ временному недоразумѣнію и хаотическому состоянію публицистики. Можно надѣяться, что нынѣшнее смѣшеніе языковъ быстро пройдетъ и каждое направленіе займетъ должное мѣсто. Тогда выяснится, что декретированный сверху прогрессъ, проповѣдуемый прогрессивной фракціей «интеллигентнаго бюрократизма», есть только послѣдній остатокъ крѣпостныхъ временъ, стремящійся удержать наше общественное развитіе въ прежней бюрократической колеѣ.

Проповѣдники «просвѣщеннаго бюрократизма», получивъ возможность осуществлять свою программу на практикѣ, мало чѣмъ будутъ отличаться отъ лихой памяти инквизиторовъ. Правда, содержаніе, насильно вталкиваемое ими въ народную жизнь, было-бы совершенно иное, нежели оно было у инквизиторовъ; но ихъ поведеніе относительно человѣческой личности вполнѣ тождественно. Бокль считаетъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что «огромное большинство лицъ, воздвигавшихъ гоне-

нія за религію, были люди съ самыми чистыми намѣреніями, съ самою высокою и безукоризненною нравственностью» [1]); если, прибавимъ мы уже отъ себя, не считать необходимымъ условіемъ «безукоризненной нравственности» уваженіе къ человѣческой личности, къ ея правамъ на свободу дѣйствій, пока эти дѣйствія не нарушаютъ правъ другой личности. Инквизиторы, подобно нынѣшнимъ проповѣдникамъ «интеллигентнаго бюрократизма», были людьми искренно, повидимому, стремящимися къ счастью людей, «мнѣніе» и совѣсть которыхъ они насиловали. Будучи убѣждены, что они, просвѣщенные божественнымъ свѣтомъ, не могутъ и не должны равнодушно смотрѣть, какъ непросвѣщенные этимъ свѣтомъ еретики будутъ погибать въ вѣчномъ адскомъ огнѣ, — инквизиторы сначала готовы были довольствоваться словомъ и убѣжденіемъ для наставленія на путь истины; но, какъ извѣстно, невѣжество любитъ свои непросвѣщенныя идеи и готово отстаивать ихъ до послѣдней крайности. И вотъ просвѣщенные инквизиторы рѣшили спасти невѣжественныхъ еретиковъ противъ ихъ воли—силою; не бѣда, если при этомъ прійдется поджарить пятки или содрать полоску кожи у этихъ невѣждъ,—вѣдь иначе они попадутъ въ вѣчныя муки, безконечно мучительнѣйшія, нежели тѣ земныя непріятности, которыя имъ прійдется перенести отъ своихъ просвѣтителей.

Тотъ, кто поглубже вдумается въ программу дѣйствій инквизиторовъ и сравнитъ ее съ программой дѣй-

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I, стр. 207.

ствій нашихъ соціалистическихъ, радикальныхъ, либеральныхъ и иныхъ бюрократовъ,—тотъ увидитъ полную тождественность ихъ отношеній къ человѣческой личности. Вся разница между ними заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой кодексъ истинъ, который и считаетъ непреложнымъ. Соціалистическій бюрократъ навѣрное будетъ весьма обиженъ сравненіемъ съ инквизиторомъ и станетъ указывать, что-де инквизиторы совершенно не понимали въ чемъ состоитъ истинное благо человѣчества, а онъ-де, если и готовъ насиловать «мнѣніе» и «совѣсть» народа, то только потому, что обладаетъ несомнѣнной истиной. При этомъ, разумѣется, этотъ наивный мыслитель забываетъ, что и инквизиторъ не только не менѣе, а, пожалуй, еще болѣе былъ увѣренъ въ спасительности своихъ истинъ для человѣчества. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ былъ вправѣ не уважать свободу личности? Зачѣмъ же нападать на инквизиторовъ, когда вы сами, гг. интеллигентные бюрократы, дѣйствуете такъ-же?! Правда, врядъ ли вы будете употреблять для распространенія вашихъ просвѣщенныхъ идей поджариваніе на медленномъ огнѣ и т. п.; но вѣдь суть дѣла отъ этого не измѣнится и разъ вы рѣшили просвѣщать кого-либо силою, то должны приготовиться къ сопротивленію, а слѣдовательно и къ наказанію, за это невѣжественное дѣйствіе, всѣхъ, нежелающихъ вашего просвѣщенія.

Публицисты просвѣщеннаго бюрократизма стараются выставить публицистовъ народничества врагами интеллигенціи, стремящимися уничтожить ее въ самомъ корнѣ.

По нашему мнѣнію, это — клевета, недостойная даже опроверженія. Дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, быть или не быть интеллигенціи — подобнаго глупаго вопроса народничество никогда и не думало возбуждать — а лишь о томъ, чей взглядъ правильнѣе и сообразнѣе съ народными пользами: народниковъ-ли, утверждающихъ, что естественная роль интеллигенціи состоитъ въ воздѣйствіи на народъ, исключительно умственномъ и нравственномъ, которое не должно опираться на политическое господство интеллигенціи надъ народомъ, — или-же интеллигентныхъ бюрократовъ, требующихъ вооруженія интеллигенціи бюрократической палкой, безъ помощи которой, по ихъ мнѣнію, прогрессъ будетъ двигаться черезчуръ медленно.

Прежде всего мы должны рѣшить вопросъ: что такое интеллигенція? Какими признаками отличаются люди, которые обыкновенно зачисляются въ разрядъ интеллигентныхъ? Наиболѣе общимъ и даже единственнымъ признакомъ является здѣсь умственный трудъ. Всякій, кто живетъ не физическимъ трудомъ, а умственнымъ, зачисляетъ себя въ интеллигенцію, и имѣетъ полное правое на это. Есть мнѣніе, причисляющее къ интеллигенціи только литераторовъ и ученыхъ. Но почему-же, спрашивается, сотрудника какой-нибудь мелкой газетки можно включать въ ряды интеллигенціи, а учителя, инженера, священника — нѣтъ? Если интеллигентность измѣрять количествомъ знаній, то вѣдь многіе десятки тысячъ людей, не состоящихъ въ цехѣ ученыхъ и литераторовъ, окажутся знающими гораздо болѣе,

чѣмъ присяжные литераторы и ученые [1]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ согласному и съ обыденнымъ взглядомъ — къ интеллигенціи необходимо отнести всѣхъ умственныхъ работниковъ, т. е. руководителей народа во всѣхъ сферахъ его жизни: религіозной, умственной, нравственной, промышленной, торговой, военной и т. д., и т. д. Слѣдовательно, въ интеллигенцію имѣютъ право быть зачисленными нетолько литераторы и ученые, а и проповѣдники всякаго рода идей, учителя, лица духовнаго званія, военные, промышленники, сельскіе хозяева, торговцы, наконецъ чиновники и администраторы. Разумѣется, въ обществѣ всегда найдутся такія группы лицъ, которыя трудно зачислить въ ту или другую категорію, такъ какъ они составляютъ нѣчто среднее: не то умственныхъ, не то физическихъ работниковъ. Но существованіе подобныхъ группъ не можетъ быть выставляемо какъ аргументъ противъ классифицированія членовъ общества въ двѣ главныя, основныя группы, подобно тому какъ въ біологіи существованіе органическихъ формъ жизни, составляющихъ промежуточную ступень между растеніями и животными, не служитъ аргументомъ противъ раздѣленія всей органической жизни на два отдѣла: растительный и животный.

Характерная черта всякаго интеллигентнаго человѣка состоитъ въ обладаніи извѣстнымъ родомъ знанія,

---

[1]) «Опасное мнѣніе, говоритъ Риль, будто при обученіи другого можно и самому научиться, породило безчисленныхъ незрѣлыхъ писакъ». (Гражданское общество. В. Г. Риля. Стр. 347).

необходимымъ почему-либо обществу. Будетъ-ли это священникъ, адвокатъ или чиновникъ, онъ прежде всего обладатель знанія, которымъ и пользуется общество, вознаграждая его добровольными приношеніями, гонораромъ или жалованьемъ. Какъ извѣстно, пріобрѣтеніе знанія не ведетъ за собою непремѣнно и нравственнаго развитія. Когда-то ученые люди были настолько наивны, что вѣрили въ нравственное усовершенствованіе путемъ пріобрѣтенія знанія. Они не задавались вопросомъ: какая-же существуетъ связь между умѣньемъ строить мосты и увеличеніемъ симпатіи къ людямъ? На какомъ основаніи можно предполагать, что изученіе строительной механики или анатоміи разовьетъ въ человѣкѣ уваженіе къ чужой личности? Въ настоящее время лучшіе европейскіе мыслители вполнѣ отвергли этотъ наивный предразсудокъ и возвратились къ обыденному взгляду, всегда указывавшему на существованіе ученыхъ негодяевъ и невѣжественныхъ святыхъ людей.

Принявъ за фактъ, что пріобрѣтеніе знаній не дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ, мы должны будемъ прійти къ выводу, что средній уровень нравственности интеллигентныхъ людей никакимъ образомъ не можетъ быть выше общенароднаго. Если-же вспомнить, что нашъ народъ воспитывается на мірскихъ порядкахъ, а интеллигенція живетъ обособленными семьями, связанными только формально, то мы придемъ къ заключенію, что у народа уровень нравственности долженъ быть нетолько не ниже, но даже выше. Извѣстно, что мірскіе порядки гораздо больше упражняютъ соціальныя и

нравственныя чувства, нежели интеллигентная жизнь, при которой люди поставлены другъ къ другу гораздо враждебнѣе, а слѣдовательно и менѣе имѣютъ случаевъ къ развитію симпатіи и любви другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что интеллигенція сильно злоупотребляетъ выгодами своего нынѣшняго привилегированнаго положенія. Большинство ея членовъ заботится гораздо больше о себѣ, чѣмъ о другихъ, и если-бы она имѣла въ рукахъ политическую власть, то и ее стала-бы употреблять въ свою пользу. Интеллигентные бюрократы, требуя подчиненія народа политической власти интеллигенціи, не могутъ не понимать, что эта послѣдняя (называемая ими очень часто «обществомъ», въ отличіе отъ народа) сдѣлаетъ изъ политики орудіе для упроченія своего экономическаго господства, какъ это и было на Западѣ. Отстаивая необходимость господства интеллигенціи надъ народомъ, они увѣряютъ, что эта послѣдняя будетъ дѣйствовать безкорыстно; когда-же имъ указываютъ, что большинство интеллигенціи всегда дѣйствовало эгоистично и только меньшинство ея стояло за общенародные интересы, то они начинаютъ ссылаться на освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Но эта ссылка не выдерживаетъ никакой критики. Не говоря уже о томъ, что самое закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интеллигенціи, совѣтовавшей московскимъ царямъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ во имя насажденія порядка и экономическаго довольства среди народонаселенія—но и самымъ освобожденіемъ своимъ народъ обязанъ вовсе не интеллигенціи, какъ утверждаютъ интеллигентные бюрократы.

Они забываютъ прежде всего, что тутъ кое-что значила страстная жажда свободы со стороны самихъ крѣпостныхъ, а затѣмъ—что настроеніе большинства членовъ губернскихъ комитетовъ было вполнѣ эгоистично и сдерживалось только велѣніемъ самодержца, опиравшагося въ этомъ случаѣ на желаніе народа и сочувствіе меньшинства интеллигенціи. Еслибы дѣло было предоставлено на волю всей интеллигенціи, то хотя освобожденіе и совершилось бы подъ давленіемъ снизу, но, во всякомъ случаѣ, безъ надѣла и въ менѣе энергичной формѣ. Вообще исторія освобожденія крестьянъ можетъ служить яркимъ доказательствомъ эгоистичности большинства интеллигенціи.

На этомъ основаніи мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что политическое господство интеллигенціи надъ народомъ могло-бы только ухудшить положеніе этого послѣдняго [1]). Съ другой стороны, для правильнаго

[1]) Факты вполнѣ подтверждаютъ это. Г. Приклонскій, въ книгѣ своей „Народная жизнь на Сѣверѣ“, указываетъ на то, что благосостоянію крестьянъ особенно вредятъ цивилизаторскія наклонности интеллигентнаго чиновничества. Это послѣднее, во имя будто-бы европейской науки, старается понудить крестьянъ перейти отъ подсѣчнаго хозяйства къ болѣе интенсивной трехпольной системѣ и стѣсняетъ право дѣлать подсѣки въ необозримыхъ сѣверныхъ лѣсахъ, считающихся казенною собственностью. А между тѣмъ, говоритъ авторъ, подсѣчное хозяйство представляетъ неизбѣжную ступень, которой земледѣліе никакъ не можетъ миновать при прогрессивномъ переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ фазамъ развитія. Крестьянинъ, не имѣя возможности вести земледѣльческое хозяйство на постоянныхъ пашняхъ, рвется въ лѣсъ разрабатывать подсѣки, а интеллигентный человѣкъ «воспре-

исполненія своихъ общественныхъ функцій интеллигенція отнюдь не нуждается въ этомъ политическомъ господствѣ: дѣятельность инженера, ветеринара, профессора, минера нисколько не улучшилась-бы оттого, что въ ихъ руки попала-бы власть надъ народомъ, а скорѣе даже наоборотъ. Дѣло въ томъ, что при этомъ каждый, по свойственной людямъ слабости, старался-бы не столько о расширеніи своего умственнаго и нравственнаго вліянія, сколько о проведеніи своихъ плановъ чисто бюрократическимъ путемъ. Исторія именно и доказываетъ намъ, что вооруженіе интеллигенціи по-

щаетъ ему рубить лѣсъ и «приказываетъ» воздѣлывать постоянныя пашни. Крестьянинъ, думая, что «баринъ дуритъ», не хочетъ слушать приказаній и воспрещеній интеллигентнаго человѣка, а тотъ, въ свою очередь, думаетъ, что «крестьянинъ—круглый невѣжда», котораго никакими хорошими словами нельзя вразумить, и отсылаетъ крестьянина къ мировому судьѣ для наказанія. Малоземелье, отсюда — разоренье и нищета, а въ концѣ концовъ голодовка, — вотъ неизбѣжный, по мнѣнію г. Приклонскаго, результатъ, къ которому ведетъ искусственное стѣсненіе и преслѣдованіе подсѣчнаго хозяйства. Кто слѣдилъ за газетными корреспонденціями съ сѣвера, тотъ, говоритъ авторъ, конечно, замѣтилъ, что въ послѣдніе годы въ нихъ чаще и чаще встрѣчаются указанія на борьбу крестьянъ съ лѣснымъ начальствомъ изъ-за обладанія подсѣками. Эта борьба ведется на огромномъ пространствѣ, обнимая губерніи Архангельскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодскую, Костромскую, Вятскую, Пермскую. Корреспондентъ одной петербургской газеты изъ Пермской губерніи съ самодовольнымъ торжествомъ разсказываетъ, что онъ, въ качествѣ мирового судьи, разорилъ штрафами нѣсколько волостей, но за то отучилъ крестьянъ отъ подсѣчнаго хозяйства, внушивъ имъ уваженіе къ закону и правамъ казны на землю.

литической силой только деморализируетъ ее и сбиваетъ на бюрократическій путь воздѣйствія на общество. Къ сожалѣнію, «просвѣщенный бюрократизмъ» старается игнорировать вредъ, происходящій отъ извращенія естественной дѣятельности интеллигенціи при захватѣ ею политической власти надъ массами народа, а когда на это указываетъ народничество, старающееся удержать интеллигенцію въ предѣлахъ ея функціи, то онъ прибѣгаетъ къ клеветѣ и утверждаетъ, будто народники требуютъ уничтоженія самой интеллигенціи.

Что касается того меньшинства интеллигенціи, которое старается служить интересамъ всего общества' т. е. главнымъ образомъ интересамъ народа, то его дѣятельность, при политическомъ господствѣ всей вообще интеллигенціи надъ народомъ, была-бы съужена и доведена до минимума. Дѣло въ томъ, что, будучи меньшинствомъ въ интеллигенціи, оно не могло-бы имѣть вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и его народолюбивыя попытки разбивались-бы объ эгоистическія вожделѣнія большинства. Съ точки зрѣнія этого меньшинства, гораздо цѣлесообразнѣе то положеніе дѣлъ, при которомъ народъ независимъ отъ интеллигенціи вообще, такъ какъ при этомъ нравственное и умственное вліяніе меньшинства на ходъ общественной жизни можетъ только усилиться. Такъ какъ мы предполагаемъ, что это меньшинство, руководясь альтруистическими чувствами, готово работать исключительно только на пользу народа, то понятно, что его народническія идеи, если они соотвѣтствуютъ народнымъ потребностямъ, скорѣе могутъ осуществляться тогда, когда

ходъ общественныхъ дѣлъ зависитъ отъ самого народа, нежели тогда, когда имъ стала-бы заправлять вообще интеллигенція, т. е. ея эгоистическое большинство. Намъ, пожалуй, возразятъ, что защитниками господства интеллигенціи надъ народомъ могутъ оказаться люди нетолько того пошиба, при которомъ хлопочутъ о господствѣ интеллигентнаго большинства, но и съ другимъ, болѣе народолюбивымъ характеромъ, при которомъ стараются о господствѣ только народолюбиваго меньшинства. Но тутъ прежде всего является вопросъ: возможно-ли предполагать практическую осуществимость проектовъ о господствѣ альтруистическаго меньшинства интеллигенціи надъ эгоистическимъ большинствомъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ народомъ? По нашему мнѣнію, подобные проекты должны быть отнесены къ области чистыхъ химеръ, и притомъ химеръ очень вредныхъ, пріучающихъ людей къ мысли о насиліи надъ личностью. Что-же касается до практической осуществимости подобныхъ теорій, то о ней не можетъ быть и рѣчи, нетолько потому, что ни большинство интеллигенціи, ни народъ не потерпѣли-бы этого, но и потому, что у насъ нѣтъ никакого критерія для отдѣленія альтруиста отъ эгоиста. Разъ-бы дѣло клонилось къ тому, что, сверхъ всякого чаянія, альтруистическое меньшинство получило бы надежду на господство, то сейчасъ-же въ его рядахъ очутилась-бы масса всякихъ проходимцевъ, честолюбцевъ и эгоистовъ, которые-бы и успѣли испортить все дѣло. Разумѣется, для людей, вѣрящихъ, что высшее образованіе даетъ нетолько знанія, но и дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ людей

высоконравственными, не существуетъ подобнаго затрудненія и они готовы мѣрить нравственность людей дипломами учебныхъ заведеній; но подобный способъ отдѣленія альтруистовъ отъ эгоистовъ не можетъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ людей, не потерявшихъ здраваго смысла. А разъ мы не имѣемъ возможности выдѣлать альтруистическихъ общественныхъ дѣятелей изъ массы эгоистовъ, то было-бы вполнѣ безсмысленно основывать общественный порядокъ на господствѣ альтруистическаго меньшинства.

Впрочемъ, для болѣе полнаго выясненія вопроса, предположимъ на минуту, что господство альтруистическаго меньшинства надъ обществомъ практически осуществимо, и посмотримъ, каковы могутъ быть его результаты. Народолюбивое меньшинство можетъ задаться двумя цѣлями: или дѣйствовать согласно народному мнѣнію, то-есть осуществлять его желанія и идти по указываемому имъ самимъ пути; или же не обращать вниманія на народныя мнѣнія и желанія, а дѣйствовать согласно с в о е м у пониманію народныхъ интересовъ. Въ первомъ случаѣ интеллигенція, очевидно, ломилась-бы въ отворенную дверь, и было-бы гораздо цѣлесообразнѣе предоставить самому народу осуществлять свои желанія и мысли; захватывать-же господство надъ народомъ съ цѣлью только осуществить его желанія и мысли—было-бы вполнѣ безсмысленно, тѣмъ болѣе, что всякое насиліе вноситъ деморализацію какъ въ управляемыя, такъ и въ управляющія группы. Счастье-же народа при этомъ только уменьшилось-бы, такъ какъ одно изъ главныхъ благъ человѣка состоитъ

въ независимости и свободѣ отъ насилія. Во второмъ случаѣ,—т. е. тогда, когда меньшинство интеллигенціи пожелало-бы устраивать народную жизнь согласно своимъ идеямъ и своему пониманію народныхъ интересовъ—оно, въ глазахъ народа, ничѣмъ-бы не отличалось отъ бюрократовъ, предписывающихъ народу жить такъ, а не этакъ, причемъ онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи у него этого требуютъ, и подчиняется предписаніямъ только потому, что не имѣетъ возможности не исполнять ихъ. Подобный образъ дѣйствій меньшинства интеллигенціи былъ-бы гибеленъ для общественнаго прогресса, такъ какъ истинное развитіе общественной жизни и ея формъ не поддается насилію. Насильно подчиняя жизнь народа своимъ идеямъ, интеллигенція вмѣстѣ съ тѣмъ нарушала-бы основное благо всякой личности (а слѣдовательно и личности крестьянина), состоящее въ правѣ на свободное опредѣленіе своихъ дѣйствій и своей жизни. Она, такимъ образомъ, являлась бы, въ глазахъ народа, въ видѣ тирана, компрометируя вмѣстѣ съ тѣмъ и себя, и свои завѣтныя, быть можетъ, вполнѣ правильныя идеи.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что господство альтруистическаго меньшинства интеллигенціи надъ народомъ и эгоистическимъ большинствомъ интеллигенціи не только практически неосуществимо, но и будучи осуществлено явилось-бы только элементомъ разложенія и вражды, а не факторомъ прогресса и любви. Потому-то это меньшинство должно понять, что его стремленія помочь осуществленію народнаго блага должны быть ограничены только умственнымъ и прав-

ственнымъ воздѣйствіемъ на народъ; насиліемъ оно тутъ ничего не сдѣлаетъ, а только еще больше отвратитъ отъ себя народъ. И такъ какъ это умственное и нравственное воздѣйствіе будетъ легче при томъ положеніи дѣлъ, когда народъ будетъ самъ опредѣлять свою жизнь, нежели тогда, когда надъ нимъ будетъ господствовать интеллигенція (т. е. большинство ея), то ради расширенія своего вліянія, меньшинство интеллигенціи и должно отстаивать независимость народной жизни. Слѣдовательно, не о «самоупраздненіи» интеллигенціи хлопочутъ народники, какъ говорятъ ихъ враги, а наоборотъ — о расширеніи вліянія альтруистической части интеллигенціи, хотя и ограничиваютъ это вліяніе вполнѣ духовной областью, не признавая цѣлесообразности насилія въ подобныхъ дѣлахъ.

Проекты подчиненія общества и народа господству альтруистическаго меньшинства исходятъ не только изъ прогрессивнаго лагеря, въ истинномъ смыслѣ этого слова, а и изъ дебрей мистическаго идеализма. Г. Влад. Соловьевъ, въ книгѣ своей «Критика отвлеченныхъ началъ», проектируетъ устройство «свободной теократіи», въ основаніи которой лежитъ господство альтруистическаго меньшинства [1]). По словамъ г. Соловьева, «единеніе существъ, опредѣляемое безусловнымъ или божественнымъ началомъ въ человѣкѣ, основанное психологически на чувствѣ любви и осуществляющее собою

---

[1]) Страницы, касающіяся г. Соловьева, взяты изъ нашей книги «Основы народничества».

положительную часть общей нравственной формулы,— образуетъ общество мистическое и религіозное, т. е. церковь». Въ церкви господствуетъ полное единство всѣхъ въ безусловной любви. Но еслибы между всѣми не было никакого различія, то и любви не на чемъ или не въ чемъ было-бы проявляться; единство было-бы пустымъ и мертвымъ безразличіемъ. А потому въ церкви люди раздѣляются на множество ступеней, смотря по ихъ нравственному достоинству. Чѣмъ болѣе усвоилъ человѣкъ идею, тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть вліяніе на другихъ; иначе сказать, степенью идеальности должна опредѣляться степень значенія и власти лица. Объемъ правъ долженъ соотвѣтствовать высотѣ внутренняго достоинства. Одно и то-же начало любви, примѣняясь къ существамъ, стоящимъ на различныхъ ступеняхъ развитія, по необходимости становится различнымъ. Любовь, сохраняя свое существенное тождество, тѣмъ не менѣе въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи должна принимать тотъ или другой видъ, соотвѣтствующій относительному состоянію того, къ кому она примѣняется, т. е. соотвѣтствовать степени развитія каждаго. «Такъ что неравные неравное и получаютъ; но неравенство воздѣйствія, обусловленное неравенствомъ дѣйствія, есть возстановленное равенство или справедливость. Такимъ образомъ, распредѣленіе добра (въ силу любви) между всѣми, по необходимости, сообразуется (въ силу справедливости) съ относительнымъ качествомъ каждаго, а это значитъ, что «справедливость есть необходимая форма любви». Любовь посредствомъ справедливости должна быть реали-

зована въ пользѣ, а потому дѣятельность, исходящая изъ любви и принимающая форму справедливости, воплощается и въ матеріяльной пользѣ. Но такъ какъ матеріяльное благосостояніе не есть само по себѣ цѣль, а только условіе и средство, то, по мнѣнію г. Соловьева, очевидно, что идея любви не требуетъ, чтобы каждому доставлялось возможно наибольшее экономическое благосостояніе. *Разъ существуетъ неравенство личнаго достоинства и значенія, то равенство богатства было-бы при этомъ несправедливо*, такъ какъ «богатство есть необходимое средство для полной реализаціи личнаго достоинства и значенія». Также несправедливо было-бы, если-бы лицо, обладающее высшимъ внутреннимъ достоинствомъ, а потому и высшимъ значеніемъ, въ нормальномъ обществѣ принуждено было заниматься физическимъ трудомъ наравнѣ съ другими. Справедливость требуетъ, чтобы трудъ и богатство были распредѣлены въ обществѣ соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію его членовъ. Нашъ философъ увѣряетъ, что, при предлагаемомъ имъ порядкѣ вещей, возможность эксплуатаціи труда капиталомъ устранится, благодаря тому, что обладателями капитала являются въ нормальномъ обществѣ лучшіе люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и слѣдовательно не могущіе злоупотреблять своими преимуществами [1]).

---

[1]) Владиміра Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. Стр. 172, 187, 190, 192, 193—199.

Въ основаніи дѣтски-наивнаго плана общественной реформы г. Соловьева лежитъ понятіе о нравственномъ аристократизмѣ. Нравственная аристократія не можетъ быть родовой, а потому сейчасъ же является вопросъ: кто будетъ распредѣлять человѣчество на нравственные ранги, соотвѣтственно которымъ будетъ распредѣляться и матеріальное благосостояніе. Не произойдетъ-ли при этомъ такихъ смутъ, какихъ не видало еще до сихъ поръ человѣчество? Вѣдь отъ этого разпредѣленія зависитъ не только матеріальное благосостояніе, но и всѣ нравственные интересы человѣка. Разъ будетъ извѣстно, что добродѣтель награждается чинами и капиталами,—не сдѣлаются-ли самыми добродѣтельными именно тѣ проходимцы, тѣ ловкіе люди, которые и теперь не остаются въ накладѣ? Вѣдь въ концѣ концовъ самому обществу прійдется разбирать, кто въ какомъ чинѣ добродѣтели долженъ состоять, а тутъ-то и будетъ лафа проходимцамъ. Если мы видимъ жестокую борьбу между честолюбцами изъ-за одной власти, то какова же будетъ борьба изъ-за той же власти, да еще съ прибавкой славы добродѣтельнаго человѣка и капиталовъ Кромѣ того, не будетъ-ли толпа заподозрѣвать свою нравственную аристократію въ честолюбіи и корыстолюбіи; легко быть добродѣтельнымъ, когда за это вознаграждаютъ и деньгами, и чинами. «Положи душу за други своя», говоритъ намъ наше нравственное чувство, а вмѣсто того, нравственный аристократъ преспокойно будетъ пользоваться тѣмъ, чего нѣтъ у другихъ. Не явятся-ли поэтому передъ толпою люди, которые скажутъ: «Смотрите на насъ, мы

не хуже вашей нравственной аристократіи, но не желаемъ за это никакихъ матеріальныхъ вознагражденій; для насъ достаточно и того, что мы будемъ имѣть на васъ нравственное вліяніе и будемъ двигать по пути добродѣтели». Не посчитаетъ-ли толпа этихъ людей истинной нравственной аристократіей, такъ какъ будетъ ясно, что они не корыстолюбивы? Но можетъ быть г. Соловьевъ возразитъ, что и его нравственная аристократія докажетъ свое безсребренничество тѣмъ, что будетъ употреблять капиталы не въ свою пользу, а для другихъ; но въ такомъ случаѣ ихъ лучшее матеріальное благосостояніе сдѣлается фиктивнымъ. Незачѣмъ въ такомъ случаѣ было говорить о правѣ добродѣтельнаго человѣка на лучшій кусокъ мяса, на лучшую квартиру и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что даже нынѣшнее наше нравственное чувство требуетъ, чтобы добродѣтель не искала себѣ наградъ, а довольствовалась тѣмъ наслажденіемъ, которое даетъ намъ исполненіе нашихъ нравственныхъ потребностей.

Г. Соловьевъ увѣряетъ, что капиталы въ его «свободной теократіи» не будутъ служить орудіемъ эксплуатаціи, такъ какъ ими будутъ владѣть нравственные аристократы. Но мы должны спросить у него: какъ попадутъ капиталы въ руки этихъ аристократовъ? Куда дѣнутся тѣ капиталы, которые будутъ въ рукахъ у другихъ людей, способныхъ пользоваться ими во вредъ другимъ? Если это перемѣщеніе будетъ сдѣлано самимъ обществомъ, то не захочетъ-ли оно оставить ихъ въ своихъ рукахъ? Или можетъ быть онъ думаетъ, что самый ходъ вещей приведетъ къ тому, что капиталы ока-

жутся въ рукахъ добродѣтельныхъ людей? Кромѣ того, разъ капиталы будутъ употребляться только на пользу другихъ, то этимъ самымъ они теряютъ характеръ личной собственности и дѣлаются какъ бы общественнымъ достояніемъ. Если у нравственнаго обладателя капиталовъ будетъ сынъ низшаго нравственнаго ранга, то получаетъ-ли онъ этотъ капиталъ или нѣтъ? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: да и нѣтъ. Въ первомъ случаѣ капиталъ попадаетъ въ ненадежныя, способныя къ эксплуатаціи руки; во второмъ, капиталъ теряетъ вполнѣ характеръ личной собственности, и обладатели капиталовъ скорѣе могутъ считаться общественными слугами, нежели собственниками. А такъ какъ г. Соловьевъ увѣрилъ насъ, что капиталы будутъ въ рукахъ только у добродѣтельныхъ людей, то остается предположить, что на нашъ вопросъ онъ долженъ отвѣтить словомъ: нѣтъ, т. е. отвергнуть возможность частныхъ капиталистовъ въ своей «свободной теократіи». Это, что называется, начать за здравіе, а кончить за упокой.

Какъ извѣстно, теоріи замѣнить общественное и народное мнѣніе диктаторствомъ науки и ученыхъ появлялись уже издавна; примѣромъ могутъ служить Платонъ, Сенъ-Симонъ и др. Фальшь всѣхъ этихъ теорій заключается въ томъ, что онѣ признаютъ въ соціологіи существованіе объективныхъ истинъ, существующихъ помимо признанія ихъ человѣкомъ. На дѣлѣ-же въ соціологіи постоянно существуютъ самыя противоположныя теоріи, и говорить о ней, какъ о силѣ, дающей однообразныя рѣшенія—значитъ дѣлать крупную

ошибку. Не говоря уже о томъ, что наука, какъ говоритъ Фр. Ланге, часто ради денегъ и почестей, позволяла злоупотреблять собой для того, чтобы поддерживать отжившія силы, и служила хищническому интересу указаніемъ на прошлое великолѣпіе и историческое пріобрѣтеніе общевредныхъ правъ» [1]). Намъ придется всегда отыскивать такую общественную силу, которой мы предоставимъ выборъ, что̀ считать истиной, изъ многочисленныхъ теорій, господствующихъ въ наукѣ. Лучшіе умы и справедливѣйшія сердца признали, что этотъ выборъ только и можно предоставить обществу и народу, а никакъ не отдѣльнымъ лицамъ.

Г. Лихтанскій, въ нашей литературѣ, является наиболѣе систематическимъ защитникомъ диктаторства науки въ общественной жизни. Онъ стремится доказать, что соціологія, какъ наука, можетъ отыскивать помимо общественнаго и народнаго мнѣнія то, что является «жизненно-истиннымъ» для каждаго общественнаго строя [2]). Но всѣ попытки отыскать жизненно-истинное въ сферѣ общественныхъ вопросовъ помимо общественнаго и общенароднаго мнѣнія — совершенно безплодны уже именно потому, что всѣ эти добытыя истины окажутся безжизненными, не имѣя возможности воплотиться въ жизнь. Жизненно-истинными онѣ становятся только тогда, когда дѣлаются достояніемъ общественнаго и об-

---

[1]) Исторія матеріализма... Фр. Альб. Ланге. Т. II, стр. 151.

[2]) Основанія научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ. К. Л. Лихтанскаго. (Авторъ, очевидно, полякъ, незнающій русскаго языка, а потому книга написана просто невозможнымъ языкомъ).

щенароднаго мнѣнія. Таковъ уже своеобразный характеръ общественныхъ истинъ. Истины естествознанія существуютъ помимо того, признаетъ-ли ихъ человѣчество или нѣтъ; такъ, напримѣръ, земля вертѣлась и вертится, хотя объ этомъ мы и не знали прежде. Въ области соціологіи совершенно не то; напримѣръ, истина, что слѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя, лишь настолько осуществляется въ жизни, насколько человѣчество считаетъ ее истиной. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ закрывать глаза на эту существенную разницу двухъ сферъ истины!

Исходя изъ того принципа, что жизненно-истинное существуетъ помимо общественнаго и общенароднаго мнѣнія, г. Лихтанскій приходитъ къ заключенію, что мы вправѣ насильно устраивать и просвѣщать всякаго рода дикарей. Это заключеніе довольно логично, хотя и не ново. При этомъ авторъ забываетъ, что «всякій хочетъ жить по своему», какъ говорили представители племени Сіу президенту Гранту въ 1870 г. [1]). Просвѣщенный деспотизмъ и бюрократія издавна дѣйствуютъ именемъ общественныхъ истинъ, въ созданіи которыхъ ни общество, ни народъ не участвовали Правда, г. Лихтанскій, очевидно, желалъ-бы внести въ эту программу нѣкоторыя поправки. Насколько мы его поняли, эти поправки должны состоять въ томъ, чтобы бюрократія насаждала только «жизненно-истинное», которое откроетъ наука. Но тутъ является вопросъ: кто-же будетъ вы-

---

[1]) Очерки первобытной экономич. культуры. Н. И. Зибера. Стр. 220.

бирать изъ многихъ научныхъ теченій то, которое должно считаться «жизненно-истиннымъ»? Очевидно, что выборъ будетъ предоставленъ или самой бюрократіи или какому-нибудь ареопагу ученыхъ мужей, составленному по мысли той-же бюрократіи, вродѣ академіи наукъ Исторія подобныхъ ученыхъ учрежденій доказываетъ намъ, что истинѣ труднѣе проникнуть въ нихъ, нежели въ публику вообще. За примѣромъ ходить недалеко: въ то время, когда ученіе Дарвина производило на публику громадное впечатлѣніе, французская академія наукъ закрывала для него свои двери. Какъ извѣстно, теперь научныя заслуги Дарвина признаны уже почти всѣми. Оказывается, что общество чутче къ истинѣ, нежели ученые ареопаги,—и это еще въ вопросахъ, мало затрогивающихъ личные интересы. Каковы-же будутъ рѣшенія ученаго ареопага, если съ этими рѣшеніями будутъ связаны, напримѣръ, матеріальныя выгоды! Г. Лохтанскій не понимаетъ того, что самый короткій путь отъ науки къ жизни лежитъ черезъ общественное и общенародное мнѣніе, а не черезъ ученую бюрократію. Вотъ какъ описываетъ бывшій профессоръ Дюрингъ порядки въ нѣмецкихъ университетахъ: «Времена, когда человѣкъ дѣлается зрѣлымъ, для профессуры варіируются. Для профессорскихъ сынковъ зрѣлость наступаетъ очень рано, часто на 20-мъ году и безъ слушателей; у профессорскихъ зятьевъ зрѣлость, тоже независимо отъ слушателей, начинается смотря по обстоятельствамъ,—то признается авансомъ въ видѣ задатка, до свадьбы, то безъ

кредита, уже тотчасъ послѣ свадьбы» [1]). О связи нашей исторической науки съ крѣпостными порядками свидѣтельствуетъ историкъ Забѣлинъ. «Изумительная идея, говоритъ онъ, о добровольномъ призваніи самовластія, — и именно самовластія, а не простого порядка, на извѣстной почвѣ принимала большое участіе, если не въ развитіи, то въ оправданіи внутреннихъ крѣпостныхъ отношеній государства на всѣхъ путяхъ его дѣйствій. Изобрѣтенное исторіею глупое младенчество народа давало людямъ, почитавшимъ себя возрастными, широкое основаніе и, такъ сказать, философскую точку опоры поступать съ народомъ какъ съ младенцемъ, держать его вѣчно въ люлькѣ, то-есть въ границахъ безотвѣтнаго владычества надъ нимъ и вѣчно водить его на помочахъ. Въ особенной силѣ это ученіе, какъ мы замѣтили, поддерживалось нѣмецкими феодальными идеями, приходившими просвѣщать и преобразовывать нашу варварскую страну» [2]). «Если авторъ почему-либо лично заинтересованъ тѣмъ, что онъ намѣренъ изображать, говоритъ Шопенгауэръ, тогда не ждите добра отъ его произведенія» [3]). Въ видѣ иллюстраціи можемъ указать на брошюру «Грядущее рабство» Герб. Спенсера, хотя и извѣстнаго философа, но все-таки не съумѣвшаго отрѣшиться отъ сословныхъ тенденцій.

Но, быть можетъ, научныя открытія жизненно-истин-

---

[1]) Типы современной философской мысли въ Германіи. П. Милославскаго. Стр. 198 и 199.

[2]) Исторія русской жизни. Ив. Забѣлина. Часть II, стр. 94.

[3]) Шопенгауеръ. (Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. Издав. В. В. Чуйко). Стр. 71.

наго будутъ считаться таковыми не по признанію ученаго бюрократа или ученаго ареопага, а вообще всего ученаго міра? Тогда возникаетъ вопросъ: что считать ученымъ міромъ? Единственный отвѣтъ: группу людей, имѣющихъ отъ государства ученые дипломы; иначе, очевидно, всякій можетъ записать себя въ ученые. Но евангельскіе фарисеи и книжники, тормазящіе дѣло распространенія христіанства, могутъ вполнѣ доказать намъ, что истина не всегда находитъ себѣ мѣсто среди ученыхъ. Буржуазность современной интеллигенціи — несомнѣнный фактъ; предоставить ей неприкосновенное право на власть надъ обществомъ и народомъ — это значитъ дать буржуазное направленіе нашимъ складывающимся общественнымъ формамъ. Кромѣ того, дипломная интеллигенція настолько немногочисленна, что сама не въ силахъ поставить себя властодержцемъ народа, а потому на практикѣ, въ жизни, всѣ подобныя поползновенія оканчиваются тѣмъ, что понятіе «интеллигенція» расширяется, поглощая нетолько такъ-называемые «высшіе классы», но и всѣхъ тѣхъ, которые заимствовали у нихъ внѣшній лоскъ образованія.

Можно думать, что г. Лахтанскій, смотря съ точки зрѣнія своей туманной «жизненной истины», тоже не хочетъ господства подобной интеллигенціи. Такъ, онъ говоритъ: «притязанія интеллигенціи на правительственное верховенство и вообще на плоды человѣческаго труда—такъ-же неосновательны, какъ подобныя-же претензіи нижняго слоя». По его мнѣнію, государственная жизнь должна складываться подъ вліяніемъ двухъ силъ: правительственной опеки и сейма, парламента. О томъ-

же, каковы должны быть взаимныя ихъ отношенія, опредѣляетъ опять никто иной, какъ та-же «жизненная истина». Правительственная опека, по мнѣнію г. Лихтанскаго, является обыкновенно защитницей слабыхъ и угнетенныхъ; сеймъ-же и парламентъ состоитъ изъ представителей, избранныхъ подъ давленіемъ интеллигенціи, а потому и беретъ подъ свое покровительство сильныхъ и преуспѣвающихъ. Нечего удивляться, что народъ, продолжаетъ нашъ авторъ, становится подъ знамя правительственной опеки и противъ сейма. Но и правительственная опека можетъ попасть тоже въ крайность, - вотъ тутъ-то и необходимъ сеймъ, какъ сила, исправляющая односторонность правительственной опеки. Сеймъ, по мысли г. Лихтанскаго, состоитъ не изъ представителей всего народонаселенія, а только изъ болѣе достойныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, чѣмъ можно измѣрять достоинство личностей, а потому его выходки противъ политической равноправности личности могутъ быть сведены и на то, чтобы достоинство личности измѣрялось имуществомъ. Еслибы мы имѣли какой-нибудь этикометръ (инструментъ для измѣренія нравственности человѣка), то всѣ разсужденія г. Лихтанскаго имѣли-бы реальный смыслъ, — теперь-же намъ прійдется мѣрять достоинство личности или ея имуществомъ, или школьнымъ дипломомъ.

Вообще соціологическія понятія нашего автора крайне туманны. Всѣ вопросы онъ предоставляетъ рѣшать наукѣ, не опредѣляя тѣхъ силъ, которыя на дѣлѣ будутъ рѣшать, что научно и что нѣтъ. Онъ не желаетъ, чтобы это рѣшеніе было предоставлено самому обще-

ству и народу, а между тѣмъ не указываетъ никакого другого практическаго пути. «Историческое прошедшее, говоритъ онъ, совершенно право, предпочитая критеріи, доставляемые собирательностью и событіями, критеріямъ, доставляемымъ псевдоучеными рѣшеніями. Но при настоящемъ уровнѣ знаній, ошибки науки на этой почвѣ не могутъ быть слишкомъ грубы». Г. Лихтанскій упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что намъ прежде всего прійдется рѣшать вопросъ: какое изъ предлагаемыхъ рѣшеній мы должны считать научнымъ. Вѣдь соціологія не есть собраніе общепризнанныхъ истинъ, а полна научныхъ теченій, идущихъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Кого намъ считать истиннымъ представителемъ науки: Маркса или Бастіа? Маркса или Прудона? Спенсера или Конта? и т. д., и т. д. Необходимо опредѣлить: кто собственно будетъ рѣшать вопросъ, что говоритъ н а у к а, о томъ или другомъ общественномъ явленіи. Такъ какъ этотъ вопросъ, по мнѣнію г. Лихтанскаго, не можетъ быть рѣшенъ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ, то его должны рѣшить какія-нибудь отдѣльныя группы народонаселенія. Тутъ необходимо будетъ прибѣгнуть къ академикамъ и т. п. ученымъ людямъ, имѣющимъ узаконенные дипломы, подтверждающіе ихъ притязанія на ученость. Но, извѣстно, что «самыя жестокія преслѣдованія геніальнымъ людямъ приходится испытывать именно отъ ученыхъ академиковъ, которые въ борьбѣ противъ генія, обусловливаемой тщеславіемъ, пускаютъ въ ходъ свою «ученость», а также обаяніе ихъ авторитета, по преимуществу признаваемаго за ними, какъ дюжинными людьми, пра-

вящими классами, тоже по большей части состоящими изъ дюжинныхъ людей» [1]). Такимъ образомъ, ближайшій путь (какъ мы уже говорили), для воплощенія геніальной мысли въ жизнь не лежитъ черезъ признаніе ее учеными мужами, а черезъ признаніе самимъ обществомъ и народомъ.

Жоли старается доказать, что для толпы будетъ выгодно подчиниться руководству геніевъ. Онъ убѣждаетъ, что демократія не должна съ подозрительностью относиться къ геніальнымъ людямъ, такъ-какъ тиранія посредственности для нея опаснѣе владычества генія [2]). Съ этимъ, сдѣлавъ нѣкоторыя оговорки, нельзя не согласиться особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что тиранія посредственности, мало разсчитывая на собственное внутреннее превосходство и силу убѣжденія, вынуждена (чаще, чѣмъ это случается съ геніями) прибѣгать для своего торжества къ ложному блеску, насилію и хитрости. Но спрашивается: неужели-же человѣчество должно идти только по этимъ двумъ путямъ и не можетъ избрать третьяго, на которомъ оно не встрѣтитъ ни тираніи посредственностей, ни тираніи геніевъ? Жоли говоритъ, что идеалъ общественнаго состоянія будетъ достигнутъ только тогда, когда общественное устройство, подготовляя новыхъ геніевъ и содѣйствуя ихъ усиліямъ, въ то-же время съумѣетъ во-время удержать ихъ отъ увлеченій. Этимъ самымъ онъ признаетъ право общества не подчиняться никакимъ

---

[1]) Ц. Ломбразо. Геніальность и помѣшательство. Стр. 27.

[2]) Г. Жоли. Психологія великихъ людей.

геніямъ, такъ-какъ въ концѣ концовъ рѣшающій голосъ принадлежитъ только ему одному. Впрочемъ, нашъ авторъ не выражается ясно объ этомъ предметѣ и задаетъ вопросъ: почему демократія должна непремѣнно ревниво относиться ко всякому генію? На это можно отвѣтить словами Паскаля, которыми восхищается и Жоли: великій человѣкъ не бываетъ великимъ во всемъ и во всякое время; его геній проникаетъ собою далеко не все, что онъ дѣлаетъ; если его голова и поднимается далеко выше нашихъ, за то его ноги стоятъ такъ-же низко, какъ ноги самыхъ малыхъ изъ насъ [1]). Признавъ эту истину, Жоли долженъ былъ-бы понять право демократіи на самый строгій контроль надъ геніями, такъ-какъ иначе вмѣстѣ съ добромъ они вносили бы въ человѣческую жизнь массу зла. Да, наконецъ, этотъ контроль нуженъ и для самаго признанія геніальности человѣка, иначе всякій хвастунъ и самозванецъ могъ-бы требовать себѣ права руководить мыслью и дѣлами человѣчества. Необходимо признать, что право геніевъ на руководительство должно быть основано только на ихъ умѣньи убѣдить человѣчество въ справедливости своихъ мыслей и дѣйствій; тиранія-же геніевъ, хотя она и выгоднѣе тираніи посредственностей, никогда не можетъ быть оправдана, разъ мы признаемъ истину, такъ картинно выраженную Паскалемъ.

Ломброзо говоритъ, что «ученые съ древнѣйшихъ временъ отличаются тщеславіемъ и въ этомъ отноше-

---

[1]) Мысли Паскаля. Спб. 1843 года. Стр. 212.

ніи представляютъ большое сходство съ мономаніаками, страдающими горделивымъ помѣшательствомъ» [1]). Только «горделивымъ помѣшательствомъ» и можно объяснить стремленіе многихъ ученыхъ насиловать совѣсть и мысль народа. «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею»—за учеными тянутся и ученые бюрократы, какъ ученики первыхъ. Они кичатся той ничтожной крупицей знанія, какую имъ удалось вдолбить въ себя, и вопятъ: «Народъ невѣжественъ, народъ дикъ, народъ такой-сякой; а вы, народники, еще хотите, чтобы онъ самъ опредѣлялъ тѣ общественныя формы, въ которыхъ ему приходится жить! Нѣтъ, не бывать этому! Мы, во имя народныхъ-же интересовъ, устроимъ все по своимъ просвѣщеннымъ воззрѣніямъ; мы естественные опекуны и радѣтели народа». Эти самозванные опекуны, разумѣется, не настолько педалски, чтобы не понимать, что народъ не пойдетъ добровольно за своими просвѣтителями, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, невѣжественъ и дикъ. По свойственной всѣмъ народамъ привычкѣ, онъ захочетъ жить своимъ умомъ и по своей совѣсти,—это доказываетъ тысячелѣтняя исторія мужика, который сохранилъ за собою такую, напримѣръ, долю самоуправленія, о которой культурнымъ классамъ и не снилось. Недаромъ ретроградные агитаторы, стремясь разрушить общинное самоуправленіе, толковали о существованіи на Руси многихъ сотенъ тысячъ «маленькихъ республикъ». Разумѣется, ретрограды сильно привирали; имъ претило самое существо-

[1]) Ц. Ломброзо. Геніальность и помѣшательство. Стр. 20.

ваніе общественныхъ клѣточекъ, жизнь которыхъ опредѣлялась не приказомъ чиновника, а коллективнымъ рѣшеніемъ членовъ этой клѣточки. Въ своемъ стремленіи подчинить все и вся бюрократической машинѣ ретрограды натолкнулись на препятствіе — общинное самоуправленіе, и стали вопить объ опасностяхъ его. Къ счастью, здравый смыслъ практиковъ государственнаго дѣла не былъ затуманенъ этими ретроградными криками, основанными на чисто-теоретическихъ соображеніяхъ, и государство продолжало, сравнительно, мало вторгаться во внутреннюю жизнь общины. Въ то время какъ жизнь культурныхъ классовъ подчинена томамъ свода законовъ, впитавшихъ въ себя начала римскаго права, гражданская жизнь крестьянъ регулируется ихъ собственными обычаями, т. е. народнымъ мнѣніемъ. Правда, общинная самостоятельность не настолько широка, какъ-бы слѣдовало, но все-таки самобытность крестьянской жизни нельзя и сравнивать съ самобытностью культурныхъ классовъ, жизнь которыхъ, можно сказать, вполнѣ регулируется бюрократическими воздѣйствіями. Нельзя упускать изъ виду, что «каждый изъ крестьянъ вскормился и выросъ, окруженный атмосферою равенства съ своими собратами» [1]).

Вмѣсто того, чтобы способствовать укрѣпленію идеи о необходимости общиннаго самоуправленія, недоумки «просвѣщеннаго бюрократизма» кричатъ только о дикости и невѣжествѣ крестьянской массы и стремятся

[1]) Сельская община въ Олонецкой губерніи. Ал Л — нъ. Отечест. Записки за 1874 г. № 2, стр. 232.

подчинить ее своимъ «просвѣщеннымъ» воззрѣніямъ. Болѣе логичные изъ нихъ понимаютъ, что разъ они считаютъ массу дикой и невѣжественной, то ждать отъ нея добровольнаго подчиненія ихъ «гуманнымъ и просвѣщеннымъ» взглядамъ было-бы нелѣпо, а потому и сочиняютъ проекты объ устройствѣ насильственнаго подчиненія. Но есть множество и такихъ, которые не задумываются надъ этимъ роковымъ вопросомъ и готовы думать, что мужикъ будетъ ослѣпленъ ихъ гуманностью и просвѣщеніемъ и не замедлитъ воскликнуть: «идите править и володѣть мною!» Близорукость этихъ Маниловыхъ просвѣщеннаго бюрократизма ясна для всякаго, въ практической жизни сталкивавшагося съ людьми вообще и съ русскимъ крестьяниномъ въ частности. Еслибы дѣло шло только о духовномъ воздѣйствіи просвѣщенныхъ людей на крестьянскую массу, то, разумѣется, никто ничего-бы не имѣлъ противъ этого. Даже напротивъ: каждый истинный защитникъ народныхъ интересовъ постоянно занятъ мыслью о развитіи народнаго міросозерцанія, объ улучшеніи его нравственности. Понимая, что насильственными мѣропріятіями здѣсь ничего не подѣлаешь, онъ тѣмъ не менѣе никогда не отказывается отъ критики народнаго міросозерцанія и распространенія результатовъ ея среди крестьянства; но народникъ долженъ дѣйствовать только путемъ распространенія идей, примѣромъ и тому подобными вполнѣ духовными средствами и отвергать всякое насиліе, какъ позорное орудіе, не могущее служить улучшенію народной совѣсти и только деморализирующее ее, такъ какъ человѣкъ, руководствующійся

не собственнымъ мнѣніемъ, а чужимъ приказомъ, ставится въ положеніе безсловеснаго скота.

Впрочемъ, народники отвергаютъ насильственное внесеніе цивилизаціи и просвѣщенія въ среду крестьянъ нетолько потому, что гнушаются насиліемъ надъ чужою совѣстью, мыслью и волею, но и на томъ основаніи, что считаютъ такой способъ дѣйствія вполнѣ нецѣлесообразнымъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что самая лучшая общественная форма быстро выродится, разъ она не соотвѣтсвуетъ чувствамъ и мысли тѣхъ людей, которые живутъ въ ней. Примѣровъ подобнаго явленія исторія человѣческихъ обществъ представляетъ немало. А потому всякое насильственное улучшеніе общественной формы ведетъ только къ остановкѣ ея естественнаго прогрессивнаго развитія, такъ какъ развращаетъ общественную мысль и совѣсть употребленіемъ такого совсѣмъ не прогрессивнаго средства, какъ насиліе. И такъ, если мы предположимъ даже такой случай, въ которомъ просвѣщенный бюрократизмъ будетъ насильственно улучшать общественную форму, то и тогда онъ нанесетъ только вредъ народу. Но кто гарантируетъ намъ, что просвѣщенный бюрократизмъ будетъ ее улучшать, а не портить? Развѣ мы не видимъ, какъ на Западѣ, во имя ученій агрономической науки, старались скучивать землю въ крупные участки, создавъ такимъ образомъ сельскій пролетаріатъ? Извѣстно, что юридическія и экономическія науки имѣютъ тенденцію служить самому сильному элементу каждаго даннаго общества, а потому и вводятъ очень часто эгоистическія вожделенія сильныхъ въ научный принципъ. Исторія

политико-экономическихъ ученій можетъ быть прекрасной иллюстраціей этого положенія.

Ставя общественныя формы въ зависимость отъ народнаго міросозерцанія, народники вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что мнѣнію народа должны быть подчинены только тѣ формы, въ которыхъ онъ живетъ самъ и о которыхъ, слѣдовательно, онъ думаетъ и имѣетъ свое особое мнѣніе. Такъ какъ народъ подраздѣляется на группы: крестьянъ и горожанъ, то понятно, что каждая изъ нихъ должна вполнѣ самостоятельно опредѣлять судьбу своихъ общественныхъ порядковъ. Городъ и деревня во многомъ отличаются другъ отъ друга, и было-бы нелѣпо подчинять, напримѣръ, городъ міросозерцанію села и наоборотъ. Кромѣ народа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ существуетъ и такъ называемый культурно-интеллигентный слой общества. Строгое примѣненіе народническаго принципа не только не требуетъ подчиненія жизни этого класса народному міросозерцанію, а наоборотъ, указываетъ на то, что и здѣсь необходимо примѣнять тотъ-же народническій принципъ о зависимости общественной формы отъ мнѣнія людей въ ней сгруппировавшихся. Права культурно-интеллигентнаго слоя на самостоятельное опредѣленіе своей судьбы и жизни не могутъ быть меньше правъ другихъ общественныхъ группъ: крестьянъ и горожанъ. А потому интересы, напримѣръ, высшаго образованія, о которомъ народъ не имѣетъ никакого понятія, должны стоять въ зависимости отъ міросозерца-

нія не народа, а интеллигенціи. Правда, народъ вправѣ отказаться въ этомъ случаѣ отъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ на дѣло, о которомъ онъ не имѣетъ никакого понятія; но мы уже указывали въ книгѣ своей «Основы народничества», что дѣло высшаго образованія можетъ быть устроено помимо всякихъ матеріальныхъ жертвъ со стороны народа, при чемъ интересы этого образованія нетолько не пострадаютъ, а даже выиграютъ.

Слѣдовательно, народническій принципъ требуетъ, чтобы всѣ общественныя группы вполнѣ самостоятельно опредѣляли свою жизнь. Но такъ какъ они живутъ въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, то возникаетъ сфера жизненныхъ отношеній, общая для всѣхъ ихъ. Существованіе этой «общей» жизненной сферы породило государство, какъ центръ единенія всѣхъ, ради общаго блага. Дѣятельность государства должна, слѣдовательно, опредѣляться равнодѣйствующей всѣхъ сталкивающихся въ немъ общественныхъ силъ. И такъ какъ народъ является самой многочисленной общественной группой, то его интересы должны преобладать и въ государственной дѣятельности. Но государство не должно вмѣшиваться въ спеціальныя сферы жизни какъ народа, такъ и интеллигентнаго класса, а завѣдывать только общей для нихъ сферой. Нечего и говорить, что вопросы, предстоящіе рѣшенію государства, недоступны «народному мнѣнію» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова такъ какъ народъ очень часто совершенно и не знаетъ о томъ или другомъ изъ нихъ. Таковы, напримѣръ, вопросы о желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, банкахъ и т. п.

Народъ не можетъ имѣть и не имѣетъ никакого мнѣнія по этимъ вопросамъ изъ «общей» сферы жизни, а потому, какъ мы уже говорили, они и подлежатъ рѣшенію государства. А такъ какъ дѣятельность государства должна опредѣляться равнодѣйствующей сталкивающихся общественныхъ силъ, то и вышеупомянутые вопросы должны будутъ идти по этой равнодѣйствующей и не могутъ быть рѣшены на основаніи народнаго мнѣнія, котораго въ этомъ случаѣ, пока, совершенно не имѣется. Отъ устройства государства, отъ преобладанія въ немъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ будетъ зависѣть, въ чьихъ интересахъ оно будетъ дѣйствовать. У насъ народъ не имѣетъ непосредственнаго вліянія на государственную дѣятельность и защитниками его интересовъ являются отчасти само государство, отчасти литература. А потому, имѣя въ виду только будущее устройство «общей» сферы жизни, напомнимъ слова Монтескье: «народъ удивительно способенъ для избранія тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить нѣкоторую часть своей власти» [1]).

Такъ какъ по вопросамъ «общей» сферы жизни народъ весьма часто не имѣетъ своего коллективнаго мнѣнія, то понятно, что въ настоящее время народники не могутъ по многимъ вопросамъ опираться на народное мнѣніе и должны рѣшать ихъ, имѣя въ виду только защиту народныхъ интересовъ. Вопросы «общей» сферы не ждутъ, а потому было-бы нелѣпо отказываться отъ

[1]) О существѣ законовъ. Твореніе Г. Монтескье. Изданіе Василія Сопикова. Москва. 1809 г. Часть I. Стр. 19.

ихъ рѣшенія только потому, что мы не знаемъ мнѣнія о нихъ народа, тѣмъ болѣе что развѣ только въ отдаленномъ будущемъ можно надѣяться имѣть коллективное мнѣніе народа о вопросахъ «общей» сферы. Если принять во вниманіе, что у насъ не существуетъ организаціи народнаго мнѣнія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, то будетъ понятно, почему въ настоящее время, въ вопросахъ «общей» сферы, народники стараются только о томъ, чтобы направить дѣятельность государства въ интересахъ народа, руководствуясь при этомъ только собственнымъ пониманіемъ этихъ интересовъ. Представители просвѣщеннаго бюрократизма усматриваютъ въ этомъ непослѣдовательность. Очевидно, эти господа не могутъ смекнуть, что народники не имѣютъ возможности требовать осуществленія въ жизни мнѣнія народа по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ этого мнѣнія не существуетъ. Или, быть можетъ, они думаютъ, что разъ мы вправѣ, принимая во вниманіе нашъ государственный строй, самостоятельно устроять дѣла, о которыхъ народъ не имѣетъ своего мнѣнія, то вправѣ также силой заставить его жить по нашему росписанію? По нашему-же мнѣнію, если народники, по необходимости, и берутся рѣшать тѣ дѣла «общей» сферы жизни, которыя оказались не подъ силу народному мнѣнію то изъ этого не слѣдуетъ, что интеллигенція вправѣ рѣшать и такія дѣла, о которыхъ существуетъ очень опредѣленное мнѣніе. Держаться иного возрѣнія—это значитъ, въ дѣйствительности, быть приверженцемъ бюрократическаго режима, сущность котораго нисколько не измѣняется отъ болѣе возвышенной формы этого режима,

при которой бюрократія будетъ состоять изъ людей, дѣйствующихъ не по традиціямъ, а по послѣднимъ словамъ науки. А такъ какъ мы убѣждены, что истинный общественный прогрессъ только подрывается внесеніемъ въ жизнь бюрократическаго принципа (въ какой-бы обольстительной и заманчивой формѣ онъ ни представлялся намъ въ данную минуту), то и полагаемъ, что государство должно слѣдовать по пути, указываемому народно-общественнымъ мнѣніемъ, а отнюдь не вопреки ему, хотя-бы его дѣйствія при этомъ и шли вразрѣзъ, какъ съ нашимъ личнымъ убѣжденіемъ, такъ и съ тѣмъ, что проповѣдуетъ наука. Мы оставляемъ за собою только право критиковать народно-общественное мнѣніе и стараться дать ему другое направленіе; но государство, повторяемъ, должно давать общественнымъ вопросамъ только то направленіе, которое соотвѣтствуетъ народно-общественному мнѣнію. А потому, въ настоящее время, когда наша интеллигенція, можно сказать, до мозга костей проникнута бюрократическими замашками, главная обязанность людей, защищающихъ интересы народа, должна состоять въ ясной постановкѣ той истины, что главный интересъ народа состоитъ въ возможности жить по своей волѣ, хотя-бы интеллигенція была увѣрена, что при этомъ народъ будетъ хуже ѣсть, пить и одѣваться. Мы должны, наконецъ, понять, что для народа его духовныя потребности выше матеріальныхъ, какъ и для насъ, и что его стремленіе имѣть экономическую независимость нельзя объяснять только въ матеріальномъ смыслѣ. Пусть наши противники сознаютъ только то, что независимость (какъ юридическая, такъ и экономиче-

ская) есть главное и основное благо личности, и они поймутъ тогда, что наша проповѣдь передъ правящими классами о необходимости принимать во вниманіе народное мнѣніе есть логически необходимый выводъ для всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ только счастья большинства людей и не примѣшиваетъ къ этому какихъ-либо посторонних, хотя-бы и не личныхъ, цѣлей.

Народники никогда не отказывались имѣть свои мнѣнія по вопросамъ, о которыхъ существуетъ и народное мнѣніе. Но одно дѣло — высказывать свое мнѣніе съ цѣлью критики народнаго мнѣнія, и другое дѣло — стараться насильно навязать народу строй жизни, сообразный не съ его понятіями, а съ нашими. Въ этомъ-то пунктѣ и лежитъ пропасть, раздѣляющая народничество отъ просвѣщеннаго бюрократизма.

Наша интеллигенція, воспитанная въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по одному государственному шаблону, и выросшая на почвѣ привиллегированности и достаточности, имѣвшихъ у насъ тоже характеръ всероссійскаго однообразія, — невольно наклонна разсматривать нашу жизнь, какъ одно цѣлое, не имѣющее никакихъ подраздѣленій. А между тѣмъ, при маломальски внимательномъ разсмотрѣніи ея, мы можемъ замѣтить, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ теченій: интеллигентно-всероссійско-городскаго и деревенско-областнаго. До сихъ поръ государственная жизнь русскаго народа находилась почти подъ исключительнымъ вліяніемъ перваго теченія, — второе-же жило своею жизнью, не пытаясь имѣть вліяніе на офиціальныя формы русской общественности. Разумѣется, что дере-

венско-областной типъ нашей жизни вліялъ на складъ понятій и чувствъ всероссійско-городскаго, но вліяніе это было скрытое и незамѣтное, тѣмъ болѣе, что деревенско-областной типъ не имѣетъ того однообразнаго характера, которымъ обладаетъ всероссійско-городской, а раздѣленъ на нѣсколько подтиповъ съ областными видоизмѣненіями въ понятіяхъ и чувствахъ. Когда мы говоримъ о почти исключительномъ вліяніи въ нашей оффиціальной жизни всероссійско-городскаго типа, мы этимъ не хотимъ сказать, что онъ злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, работая больше для себя, нежели для деревни, хотя это тоже можно считать вполнѣ справедливымъ,—въ настоящее время мы указываемъ только на то, что, даже заботясь о деревенско-областной жизни, онъ смотрѣлъ на нее исключительно съ точки зрѣнія своего пониманія хода жизни, игнорируя то обстоятельство, что всероссійско-городская жизнь во многомъ отличается отъ деревенско-областной. Благодаря этому, наши гражданскіе законы, напримѣръ, совершенно неприложимы во многихъ отношеніяхъ къ деревенской жизни и способны внести въ нее только путаницу, нарушая ея понятія о справедливости. Въ деревняхъ, гдѣ грамотность составляетъ только рѣдкое исключеніе, всегда допускается доказывать фактъ денежнаго займа свидѣтелями; если принять во вниманіе, что деревенскіе жители близко знаютъ другъ друга и что рѣшеніе производитъ или сельскій сходъ, или судъ стариковъ и т. п., то будетъ понятно, что изъ этого не произойдетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій! Но если бы всероссійско-городскіе обыватели вздумали подражать деревнѣ, то

это произвело-бы страшную неурядицу въ ихъ денежныхъ дѣлахъ: всякаго рода дѣятелямъ, въ родѣ Юханцевыхъ, Рыковыхъ и т. п., не нужно было-бы подвергать себя риску идти въ Сибирь за растрату чужаго имущества,—они могли-бы составлять компаніи для свидѣтельствованія другъ за друга и такимъ образомъ обирать кого вздумаютъ. Условія всероссійско-городской жизни совершенно не допускаютъ возможности признавать показанія свидѣтелей за доказательство займа, именно потому, что группа людей, ее составляющая, через-чуръ обширна и живетъ обособленной, разрозненной жизнью. Поэтому въ всероссійско-городской жизни необходимо развивается извѣстный формализмъ, который, будучи примѣненъ къ деревнѣ, только напрасно стѣсняетъ ея простую жизнь, не требующую этихъ ухищреній.

Деревенская жизнь сложилась у насъ, какъ и вездѣ, нѣсколько иначе, чѣмъ городская. Вслѣдствіе этого, то, что, по мнѣнію горожанина, является только простымъ воровствомъ (напримѣръ, конокрадство), въ глазахъ деревенскаго жителя приравнивается къ грабежу и вообще очень тяжкому преступленію. Точно такъ-же взглядъ на землевладѣніе у горожанина во многомъ отличается отъ воззрѣній на этотъ-же предметъ у деревенскаго жителя. Вообще жизнь деревенская настолько отличается отъ городской, что порождаетъ совсѣмъ особый строй мыслей. Понятно, что горожанину бываетъ непріятно встрѣтиться, наприм., на судѣ съ выраженіемъ деревенскаго взгляда на жизнь, и наоборотъ: деревенскій житель ворчитъ на горожанина за его непониманіе тре-

бованій жизни. И такъ какъ въ настоящее время городъ является господствующимъ надъ деревней, то понятно, что государство старается освободить горожанъ (т. е. главнымъ образомъ интеллигенцію) отъ давленія деревенскаго взгляда на преступленія и проступки. Еслибы дѣло шло объ установленіи дѣйствительно идеальнаго суда, то необходимо было-бы прежде всего позаботиться о раздѣленіи суда присяжныхъ на два разряда: деревенскій и городской. Врядъ-ли кто будетъ оспаривать, что городскія дѣла бываютъ подчасъ настолько мало извѣстны деревнѣ, что было-бы справедливѣе предоставить ихъ рѣшеніе исключительно присяжнымъ засѣдателямъ изъ горожанъ; но въ то-же время нѣтъ никакого основанія утверждать, что горожане не стоятъ въ точно такомъ-же отношеніи къ деревенской жизни, а потому слѣдовало-бы и деревню освободить отъ давленія городскихъ взглядовъ на преступленія. Обѣ стороны отъ этого только выиграли-бы, такъ какъ знаніе жизни есть необходимое условіе правильнаго приговора суда присяжныхъ, а теперь его-то и можетъ не оказываться въ приговорахъ присяжныхъ. Самый высокій уровень нравственности присяжныхъ еще не гарантируетъ правильнаго приговора, — имъ необходимо быть знакомыми съ типомъ той жизни, о явленіяхъ которой они должны судить. Ошибаются тѣ, кто думаетъ помочь горю какимъ-либо другимъ путемъ. Для присяжнаго засѣдателя знаніе жизни настолько же важно, какъ и добросовѣстность; безъ знанія жизни онъ, при всей своей добросовѣстности, можетъ давать ошибочные приговоры. Но «знаніе жизни» необходимо отличать отъ тѣхъ те-

оретическихъ познаній, которыя даются школой. Человѣкъ можетъ не имѣть никакихъ теоретическихъ познаній и быть прекраснымъ судьей совѣсти, если у него есть знаніе жизни; наоборотъ, человѣкъ, обладающій дипломомъ зрѣлости, можетъ совершенно не имѣть знанія жизни, и слѣдовательно, дипломъ никакъ не гарантируетъ правильности его взгляда на преступленіе.

Различіе условій деревенской и всероссійско-городской жизни отражается не только на гражданскихъ отношеніяхъ, но и на общественныхъ учрежденіяхъ обоихъ типовъ. Какъ извѣстно, общественными дѣлами въ деревняхъ завѣдуютъ всѣ взрослые мужчины, собирающіеся въ сельскій сходъ; при этомъ, рѣшенія постановляются обыкновенно по единогласному рѣшенію, такъ какъ сходъ до тѣхъ поръ будетъ «галдѣть», т. е. выяснять спорный вопросъ, пока онъ не станетъ для всѣхъ очевиднымъ. Сила общественнаго мнѣнія, которое въ концѣ концовъ выясняется въ спорѣ, заставляетъ несогласныхъ примыкать къ общему рѣшенію. Возможно-ли что-нибудь подобное въ городѣ? Очевидно, нѣтъ. Участіе городскихъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ мыслимо только въ формѣ выбора представителей, которые и завѣдуютъ городскими текущими общественными нуждами. То-же самое необходимо сказать и про судебныя учрежденія,—въ городѣ совершенно немыслимо такое судебное учрежденіе, какъ судъ сельскаго схода.

Многіе въ своихъ поискахъ за идеальными общественными учрежденіями думаютъ отыскать такую ихъ форму, которая годилась-бы вообще при всѣхъ условіяхъ жизни, не отличая деревенской отъ городской.

По нашему мнѣнію, это громадная ошибка. Условія всероссійско-городской жизни настолько отличаются отъ деревенско-областной, что всякій, не принимающій ихъ во вниманіе, непремѣнно будетъ навязывать одной изъ нихъ годное только для другой. Истинная-же задача состоитъ въ томъ, чтобы предоставить каждой изъ нихъ идти своимъ путемъ. Необходимо только найти возможность опредѣлить связывающія ихъ звѣнья такъ, чтобы это не стѣсняло свободнаго развитія ихъ обѣихъ. Пусть каждая изъ нихъ будетъ наиболѣе свободна въ своей области, — компромиссъ-же между требованіями этихъ жизней долженъ господствовать только тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются другъ съ другомъ. Практическое опредѣленіе этого modus vivendi городской и сельской жизни составляетъ довольно трудную задачу, но работа въ этомъ направленіи настолько плодотворна, что сторицею вознаградитъ всякія затраты.

Интеллигентный бюрократизмъ стремится вообще къ подведенію жизни подъ одинъ шаблонъ, уничтожая всякого рода ея разнообразія съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Онъ не можетъ терпѣть, чтобы между нимъ и личностью стояла какая-либо сила, способная сдерживать его неразумные порывы, а потому и стремится, такъ сказать, пульверизировать общество, раздробляя его на отдѣльныя личности и не допуская ихъ организоваться въ какіе-либо союзы. Только тогда онъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, когда имѣетъ дѣло съ отдѣльными личностями, не организованными ни въ какой другой союзъ, кромѣ государственнаго, во главѣ котораго думаетъ всегда быть просвѣщенный

бюрократъ. Поэтому-то онъ является всегда противникомъ всякого рода общественныхъ организацій, которыя мы, за неимѣніемъ лучшаго термина, назовемъ сословіями. Чтò мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ выяснится изъ самого изложенія нашихъ мыслей объ этомъ вопросѣ.

Несовершенства существующаго раздѣленія на сословія не должны-бы приводить насъ къ мысли объ уничтоженіи дѣленія на сослов'я, а только о преобразованіи ихъ соотвѣтственно новымъ историческимъ обстоятельствамъ. Нечего и говорить, что дѣленіе на сословія не предполагаетъ господства какого-либо одного изъ нихъ надъ другимъ, такъ какъ это было бы противно духу нашего времени.

Принципъ равенства не состоитъ въ томъ, чтобы люди были объединены только единственно въ формѣ государства и не имѣли-бы права составлять изъ себя естественныя группы по занятіямъ и интересамъ. Наоборотъ, стремленіе личности къ равенству только и можетъ осуществиться при союзѣ ее съ однородными личностями для защиты своихъ правъ отъ всѣхъ другихъ группъ, которыя пожелали-бы ихъ нарушить. Правда, эти естественно возникающіе союзы мало по малу могутъ вырождаться и стѣснять личность,—тогда-то и наступаетъ время вражды къ сословному раздѣленію. Но историческій опытъ намъ доказалъ, что мы не вправѣ эту вражду возводить въ принципъ, отвергающій всякое сословное раздѣленіе, такъ какъ, за уничтоженіемъ прежняго раздѣленія на сословія, возникали новыя подраздѣленія на группы, которыя мало-

по-малу добивались отъ государства новыхъ юридическихъ нормъ, освящавшихъ ихъ существованіе.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ западной Европѣ, благодаря борьбѣ съ привиллегированнымъ сословіемъ,—дворянствомъ,—возникло стремленіе совершенно уничтожить всякое сословное дѣленіе. Во Франціи, напримѣръ, закономъ были запрещены всякіе союзы гражданъ и государство явилось чуть-ли не единственной общественной формой, ихъ объединяющей. Такъ какъ всякаго рода цехи и ремесленные союзы были запрещены, то этимъ самымъ силы личности, въ ея борьбѣ съ капиталомъ, были ослаблены и она безъ труда была подчинена капиталистическому производству. Будь у ремесленниковъ извѣстнаго рода организація, капиталъ не могъ бы такъ деспотически овладѣть ими, какъ это случилось въ Западной Европѣ; опираясь на коллективную силу, личность, если-бы и подпала подъ власть капитала, то могла-бы выторговать себѣ большую долю въ производствѣ страны. Рабочее сословіе скоро это поняло и стало стремиться къ новой сословной организаціи, имѣвшей цѣлью защитить личность отъ давленія капитала коллективными усиліями цѣлаго сословія. Только въ Англіи оно успѣло кое-какъ организоваться, хотя еще до сихъ поръ не получило для себя санкціи отъ государства,—очевидно потому, что не успѣло охватить всего рабочаго населенія страны. Но уже и теперь рабочее населеніе Англіи, организованное въ рабочіе союзы, производитъ давленіе на ходъ дѣлъ страны. Этого-бы не было, если-бы рабочіе не развили въ себѣ, такъ сказать, сословнаго патріотизма, который очень

часто требуетъ отъ личности извѣстныхъ жертвъ. Мы, такимъ образомъ, присутствуемъ при кристализаціи новаго сословія въ Англіи, которое въ концѣ концовъ добьется для себя отъ государства извѣстныхъ юридическихъ учрежденій, узаконяющихъ его дѣятельность, нынѣ держащуюся только на основаніи общественнаго мнѣнія рабочихъ классовъ.

Кромѣ того, уничтоженіе сословныхъ организацій (вытекавшее изъ желанія отдѣлаться отъ тѣхъ формъ его, которыя дѣйствительно къ извѣстному времени обветшали и должны были-бы, при правильномъ ходѣ дѣла, быть замѣнены другими) привело къ чрезмѣрному господству западно-европейскаго государства надъ личностью. При сословной организаціи личность могла съ большимъ успѣхомъ вліять на государство: это вполнѣ доказывается нынѣшней практикой рабочихъ союзовъ Англіи. Извѣстно, что только тѣ интересы хорошо защищены, которые больше и лучше заявляютъ о себѣ; рабочее-же сословіе, состоя изъ людей поглощенныхъ трудомъ и не имѣющихъ времени заниматься политикой, было-бы всегда обойдено, если-бы не имѣло во главѣ своей организаціи представителей, бдительно наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ съ цѣлью воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ на пользу всего сословія. Уничтоженіе сословныхъ организацій увеличиваетъ давленіе государства и общественной организаціи на личность еще и потому, что сосредоточиваетъ въ нихъ всѣ тѣ общественныя функціи, которыя прежде принадлежали сословной организаціи. Для выясненія практическаго значенія подобнаго явле-

нія представимъ себѣ уничтоженіе сословной организаціи нашихъ крестьянскихъ обществъ. При этомъ уничтоженіи, функціи власти, нынче находящіяся въ рукахъ выборныхъ представителей сословія, перейдутъ къ общей администраціи, а это во всякомъ случаѣ нежелательно. Это послѣднее доказывается тѣмъ, что государство допустило рядомъ съ существованіемъ общихъ судебныхъ учрежденій и существованіе сословныхъ судовъ, напримѣръ, офицерскихъ, крестьянскихъ.

Не объ уничтоженіи сословій должны мы стараться въ настоящее время, а о преобразованіи ихъ соотвѣтственно новому экономическому строю и новымъ нравственнымъ потребностямъ нашего общества. Главнымъ спорнымъ пунктомъ въ вопросѣ о сословіяхъ обыкновенно является существованіе дворянства. Нельзя не видѣть того факта, что у насъ никто не вѣритъ ни въ умственное, ни въ нравственное превосходство родовой аристократіи. Это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ именно въ наше время особенно распространена вѣра въ біологическую наслѣдственность физическихъ и душевныхъ качествъ. Но, очевидно, общество не считаетъ и никогда не считало самый корень, произведшій на свѣтъ русское дворянство, чѣмъ то особеннымъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. А потому и потомки этого корня не имѣютъ въ нашей жизни того значенія, какое, напримѣръ, имѣетъ или, правильнѣе сказать, имѣла аристократія въ Англіи. Впрочемъ, могущественное значеніе дворянства не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ господствуетъ самодержавная власть, такъ какъ аристократія всегда стремилась и всегда бу-

детъ стремиться ограничить эту власть. Къ счастію, въ Россіи всѣ попытки аристократическаго дворянства добиться политически самостоятельной власти были легко обузданы самодержавной властью, всегда въ этихъ случаяхъ опиравшейся на народныя симпатіи.

Ради справедливости государство должно заботиться не объ усиленіи сословія, обладающаго и безъ его помощи силой, достаточной для преобладанія надъ другими сословіями, а о такой организаціи остальныхъ сословій, которая-бы позволила имъ выдержать безъ пораженія экономическую борьбу съ владѣющими львиною долею орудій производства. Поэтому-то мы должны заботиться не о дезорганизаціи крестьянскаго сословія, которая необходимо-бы привела крестьянъ къ полному экономическому подчиненію крупнымъ землевладѣльцамъ, а о большей сообразности этой организаціи съ существующимъ и нарождающимся экономическимъ и политическимъ строемъ. Издавна наше крестьянское сословіе организовано въ такъ называемые «міры», сельскія общества, громады, станицы и т. п. Дальнѣйшее объединеніе крестьянскаго сословія, его міровъ, громадъ и станицъ—дѣло будущаго, дѣло дальнѣйшаго развитія крестьянскаго сословія.

Насколько сословная организація сельско-хозяйственнаго крестьянства необходима для огражденія его отъ давленія сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, настолько-же нуждаются въ сословной организаціи и рабочіе фабрикъ и заводовъ. Существующія для этой цѣли организаціи — ремесленные цехи, — отжили свой

вѣкъ и можно сказать совсѣмъ не ограждаютъ рабочаго отъ полнаго произвола работодателя. Такъ какъ русскій капитализмъ есть только сколокъ съ западно-европейскаго, то намъ не будетъ безполезнымъ присмотрѣться и къ тѣмъ рабочимъ организаціямъ, которыя выработаны рабочимъ сословіемъ запада въ его экономической борьбѣ съ капитализмомъ. А что организація рабочаго сословія необходима, это доказывается и прежнимъ историческимъ опытомъ: вѣдь никогда оно не оставалось въ такомъ неорганизованномъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ нынче. Прежде для этой цѣли служили цехи, теперь они оказываются недостаточными, но изъ этого не слѣдуетъ, что рабочее сословіе фабрикъ и заводовъ должно оставаться въ своемъ хаотическомъ безпорядкѣ. Да это было-бы и не безопасно. Если само государство не возьметъ на себя иниціативу организаціи рабочаго сословія, то вѣдь нельзя сомнѣваться, что въ концѣ концовъ это сословіе само будетъ дѣлать попытки создать эту организацію; встрѣтивъ-же препятствіе со стороны государства или хозяевъ, оно начнетъ организоваться втайнѣ, какъ это и было въ Англіи. Тайныя-же организаціи, принося мало пользы рабочему сословію, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ безпокоить самый общественный порядокъ. Кромѣ того, мы видимъ, что промышленное сословіе работодателей склонно къ совокупному дѣйствію въ своихъ отношеніяхъ къ рабочему сословію. Такъ, мало-по-малу оно объединяется путемъ съѣздовъ промышленниковъ и совокупнаго обсужденія нуждъ той или другой отрасли промышленности и промышленности вообще. Эти пер-

вопачальныя попытки къ организація со стороны работодателей по справедливости должны вызывать заботы государства о противовѣсѣ путемъ организаціи рабочаго сословія.

Процессъ образованія интеллигентнаго сословія начался не особенно давно, хотя интеллигентные люди существовали издавна. Духовная интеллигенція, напримѣръ, существуетъ у каждаго народа съ самаго его рожденія; врачи—тоже. Но только недавно, благодаря массѣ научныхъ открытій, создавшихъ цѣлый переворотъ не только въ торгово-промышленной жизни общества, но и даже въ такихъ ея областяхъ, какъ военная,—значеніе и кругъ интеллигентныхъ людей расширились до небывалыхъ прежде размѣровъ. Въ наше время интеллигенція, какъ обладательница научныхъ свѣдѣній, значеніе которыхъ въ увеличеніи производства страны и громадно, и всѣмъ видимо, получила большое вліяніе на всѣ остальныя сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось и вліяніе теоретическаго знанія, отъ котораго стоятъ въ зависимости прикладныя науки. Представители какъ теоретическаго знанія, такъ и всякаго рода техническихъ научныхъ свѣдѣній составляютъ интеллигентный классъ. Сюда принадлежатъ: и офицеръ, организующій боевыя колонны и ведущій ихъ на непріятеля по правиламъ военной тактики; и техникъ, устраивающій мыловаренный заводъ; и священникъ, проповѣдующій богословскія истины; и учитель, разсказывающій деревенскимъ мальчишкамъ о томъ, что земля есть шаръ; и профессоръ философіи, трактующій вопросъ о пространствѣ и вре-

мени; и государственный мужъ, морщащій чело въ думахъ надъ тѣмъ, какъ-бы осчастливить насъ, обывателей, изданіемъ геніальнаго приказанія. Вообще, про людей собравшихся въ интеллигентномъ классѣ, можно сказать: что хотя они вышли и не изъ одного корня, но все-таки у нихъ есть одинъ связующій элементъ: забота объ увеличеніи количества и значенія знанія въ обществѣ. Знаніе даетъ имъ и хлѣбъ, и общественную силу, а потому естественно, что они должны заботиться о знаніи, т. е. наукѣ. Въ заботѣ о своей кормилицѣ они прежде всего приходятъ къ мысли, что всякое дѣло легче дѣлается общими усиліями и совокупными стремленіями, — такъ рождается мысль о съѣздахъ врачей, учителей, статистиковъ и т. д., и т. д. Эти же съѣзды, равно какъ и всякія ученыя общества, очевидно, являются первичными ячейками зарождающагося интеллигентнаго сословія. Этому сословію, подобно всѣмъ остальнымъ, прійдется отстаивать свои интересы отъ покушеній другихъ сословій. И такъ какъ главной заботой интеллигентнаго сословія должно быть безпрепятственное развитіе науки, дающей ему и достатокъ, и извѣстнаго рода власть надъ умами, то свобода научной критики, какъ залогъ безпрепятственнаго развитія науки, будетъ всегда главной заботой сословной организаціи. Она имѣетъ право отстаивать ее для себя, такъ какъ отнимать это право у нея было-бы также несправедливо, какъ отнять землю у крестьянскаго сословія. Затѣмъ, разумѣется, на интеллигентномъ сословіи будетъ лежать забота объ организаціи всѣхъ тѣхъ ученыхъ и учительскихъ учрежденій,

которыя необходимы для развитія и распространенія знанія.

Многіе изъ усердныхъ не по разуму приверженцевъ интеллигентнаго сословія требуютъ для него преобладающаго юридическаго значенія въ жизни страны. Пока дѣло идетъ о вліяніи интеллигенціи естественнымъ путемъ проявленія силы знанія, до тѣхъ поръ никто не вправѣ ничего сказать противъ этого вліянія. Но вооружать знаніе юридическими привиллегіями, это значитъ ослаблять нравственное вліяніе знанія и возбуждать въ людяхъ вражду къ нему, какъ вторгающемуся въ жизнь съ палкой въ рукахъ. Кромѣ того, историческій опытъ указываетъ намъ, что представители знанія, вооружившись юридическими привиллегіями, быстро теряютъ способность владѣть умственнымъ оружіемъ и, застывая на извѣстной стадіи научной мысли, мѣшаютъ ея развитію. И такъ какъ юридическія привиллегіи даютъ имъ общественную власть, то и эта власть употребляется на служеніе старымъ теоріямъ, не выдержавшимъ критики болѣе позднихъ теорій, лучше вооруженныхъ уже по тому самому, что онѣ родились на свѣтъ позднѣе. Исторія ученыхъ академій вполнѣ доказываетъ, что онѣ служили-бы тормазомъ для развитія знанія, разъ-бы отъ нихъ зависѣло декретировать вопросы объ истинѣ и лжи въ наукѣ. Поэтому даже съ чисто экономической точки зрѣнія интеллигентнаго сословія было-бы вредно стремиться къ его юридическому преобладанію надъ всѣми остальными сословіями, такъ какъ это предполагаетъ извѣстную скованность индивидуальныхъ силъ этого сословія юридическими нормами,—

вѣдь всякій принципъ предполагаетъ единичность сознанія и воли, а для того, чтобы достичь этого, пришлось бы насильно задавливать научную критику и намъ бы до сихъ поръ, пожалуй, врачи пускали кровь при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, такъ какъ всякая критика кровопусканія не могла-бы имѣть мѣста, разъ оно уже было декретировано интеллигентной властью. Наука и знаніе не могутъ процвѣтать безъ свободы критики, а эта послѣдняя предполагаетъ полное отсутствіе принужденія въ ихъ области.

Мы можемъ формулировать все сказанное выше такъ: государство не должно быть единственной формой общественной связи для личности; такъ какъ граждане государства имѣютъ разнообразныя занятія и интересы, то союзы ихъ по занятіямъ и интересамъ, извѣстныя подъ именемъ сословій, вполнѣ необходимы, и естественно нарождаются и еще долго будутъ нарождаться; не допускать же этихъ организацій, это значитъ — отдавать слабаго на произволъ сильнаго, ибо сословія и возникаютъ на почвѣ взаимной охраны. Существующая же въ нашемъ обществѣ враждебность къ сословности объясняется желаніемъ избавиться отъ разлагающихся привилегированныхъ сословій.

«Истинное самоуправленіе, говорили мы въ книгѣ своей «Основы народничества» расцвѣтетъ на русской землѣ только тогда, когда въ немъ приметъ участіе весь народъ, многія сотни лѣтъ практиковавшій въ своей жизни его принципы». «Община наша, строго говоря,

вѣдь есть ничто иное, какъ маленькое государство со всеобщей подачей голосовъ,—не похожей, впрочемъ, на французскую. Въ нашей общинѣ—не въ укоръ будь сказано французамъ — всякій сочленъ твердо знаетъ нужды свои и своихъ» [1]). Намъ приходилось уже сравнивать земство—представителя самоуправленія нашихъ культурныхъ классовъ, съ «міромъ» — представителемъ крестьянскаго самоуправленія, и мы пришли къ тому заключенію, что «міръ» самоуправляется на болѣе справедливыхъ началахъ, нежели земство, хотя они оба существуютъ рядомъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ [2]). Способность нашего народа къ самоуправленію можно усмотрѣть во всѣхъ его привычкахъ и дѣйствіяхъ. Потребность въ немъ сказывается и въ томъ, что онъ удѣляетъ ему большую долю вниманія при созданіи тѣхъ идеальныхъ образцовъ практической жизни, которыми онъ отъ времени до времени утѣшаетъ свою скорбь и которые очень часто побуждаютъ его странствовать и отыскивать такъ называемое «Бѣловодье». Это «Бѣловодье»—земной рай русскаго крестьянина. Тамъ нѣтъ ни убійствъ, ни воровства, ибо нѣтъ бѣдности; тамъ нѣтъ ни налоговъ, ни чиновниковъ, такъ какъ жители его не подчинены никакому государству. Эта самоуправляющаяся община, которая существовала не только въ воображеніи крестьянъ, но и дѣйствительно обитала среди горъ Алтая, можетъ служить образцомъ того

---

[1]) Сельская община въ Олонецкой губерніи. Ал. Л—ъ. Отечеств. Записки за 1874 г., № 2, стр. 123.

[2]) Объ этомъ см. «Основы народничества». І. Юзова. Стр. 237—248.

самоуправленія, которое желалъ-бы имѣть русскій народъ. Очевидно, что характернѣйшей его чертой является децентрализація И это вполнѣ понятно. Самоуправленіе собственно и существуетъ только въ мелкихъ общинахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга. Самоуправленіе при посредствѣ выборныхъ, необходимо развивающееся вслѣдствіе тѣсныхъ связей, завязывающихся между общинами, теряетъ характеръ истиннаго самоуправленія и приближается къ типу бюрократическаго, хотя все-таки оно всегда несравненно выше этого послѣдняго. Децентрализованное самоуправленіе должно быть идеаломъ практической жизни, а потому и должно ограничиваться только при очевидной необходимости уступить часть его правъ централизованному самоуправленію, т. е управленію черезъ выборныхъ. Органы центральнаго самоуправленія должны доводить до minimum'а свое вмѣшательство въ жизнь отдѣльныхъ общинъ, стараясь давать наибольшій просторъ ихъ желаніямъ и дѣйствіямъ. «Народу, говоритъ Спенсеръ, лучше тамъ, гдѣ онъ отдаленъ отъ центра управленія,—гдѣ административные агенты не могутъ такъ легко настигать его» [1]). Практика опредѣлитъ уже, какая доля власти надъ отдѣльными общинами можетъ быть предоставлена этимъ органамъ. Здѣсь мы говоримъ только о направленіи, которымъ слѣдуетъ идти, чтобы удовлетворить желаніямъ народа. Интеллигенція должна только сознать ту непреложную истину, что ея понятія о самоуправленіи

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій. Изданіе журнала «Мысль». Стр. 27.

ниже народныхъ, а потому и не удовлетворятъ его потребностямъ. Если она желаетъ работать на пользу всего народа, то должна, по возможности, задавливать въ себѣ бюрократическія наклонности къ насильному регулированію народной жизни. Она должна твердо помнить, что народъ всегда оказывалъ бо̀льшее сопротивленіе вмѣшательству въ его жизнь, чѣмъ сама она [1]).

[1]) Что насильственное вмѣшательство интеллигенціи въ народное самоуправленіе бываетъ только вредно, можно видѣть изъ слѣдующаго историческаго примѣра, сообщеннаго г. Аксаковымъ въ 8 № «Руси» за 1884 г. Дѣло было въ началѣ 50-хъ годовъ. Авторъ, будучи на службѣ, имѣлъ возможность изслѣдовать на мѣстѣ слѣдующій случай изъ городскаго самоуправленія.

«Въ городѣ Мологѣ оказалось, что въ Екатерининской Грамотѣ жители усмотрѣли прежде всего статью, разрѣшающую «обывателямъ»,—независимо отъ городскихъ доходовъ, опредѣляемыхъ Грамотой и имѣющихъ законное назначеніе,—дѣлать межъ собою добровольную складчину, которую и расходовать по произволу, не отдавая въ томъ никому отчета. На этомъ основаніи, на другой же день полученія Грамоты, жители, собравшись, составили приговоръ (мы отыскали его въ городскомъ архивѣ) о томъ, чтобы вести одновременно два самоуправленія: одно — казенное, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое — настоящее, свое, подъ контролемъ самого общества, для чего тотчасъ-же по добровольной раскладкѣ собрать особую сумму. Такъ и было сдѣлано, безъ всякаго вѣдома начальства, — такъ и велось до половины сороковыхъ годовъ, въ теченіи почти 60 лѣтъ! Собранная складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостиный дворъ, приносившій значительные барыши. Оффиціальный городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше 4,000 р. дохода и столько же расхода, чему составлялись формальныя смѣты, которыя тщательно разсматривались и утверждались губернскимъ прав-

Прикрывая свое вмѣшательство наукою, интеллигенція только возбудитъ въ народѣ ненависть къ ней, чего, вѣроятно, не желаютъ и сами бюрократы отъ науки. Пусть же они не судятъ о народѣ по своимъ личнымъ наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ цѣлаго ряда поколѣній и воспитаннымъ бюрократическою средою; пусть не мѣряютъ потребности народа потребностями отдѣльной его части, въ которой эти потребности атрофированы ея историческими судьбами. Крестьяне, жившіе въ условіяхъ «мірского» самоуправленія, несомнѣнно

леніемъ. Неоффиціальный городъ имѣлъ дохода свыше 20,000 р.; расходовались они по приговорамъ городского общества, которое составляло изъ себя то законную «Общую Городскую Думу», то— незаконное вѣче. Доходы и расходы записывались тщательно въ особыя книги, которыя мы сами видѣли; видѣли также изъ нихъ, что деньги отдавались иногда взаймы изъ высокихъ процентовъ. Благодаря этому тайному самоуправленію, городъ, сравнительно съ прочими, процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи; въ немъ построено было два каменныхъ дома для училищъ; выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ и даже одной загородной; пожарный обозъ былъ исправнѣе чѣмъ гдѣ либо. Губернаторъ Баратынскій, до свѣдѣнія котораго въ 1844 или 45 дошло о существованіи какихъ-то, не представляемыхъ на ревизію приходо-расходныхъ книгъ, потребовалъ ихъ къ себѣ, но получилъ отъ городского головы отказъ, уволилъ его за это отъ службы, предалъ суду, наложилъ на незаконнорожденное городское имущество запрещеніе, представилъ министерству; министерство передало вопросъ объ имуществѣ на разсмотрѣніе гражданскаго суда, который рѣшилъ отнять его у неоффиціальнаго городского общества и передать въ собственность казеннаго города. Однимъ словомъ, тайному, свободному самоуправленію положенъ былъ конецъ; городъ остался при самоуправленіи оффиціальномъ и—пришелъ въ упадокъ».

должны были развить въ себѣ потребность къ самоуправленію въ большей степени, нежели помѣщикъ, чиновникъ, священникъ и купецъ, которые жили индивидуальною, сравнительно, жизнью и испорчены, кромѣ того, вѣковыми привычками командованія надъ подобными себѣ людьми». Сравнивая русскую жизнь съ западной, г. Блокъ утверждаетъ, что русскій мужикъ не успѣлъ выработать въ себѣ глубокіе рабскіе инстинкты, на которыхъ донынѣ держались всѣ историческія цивилизаціи. Политическое рабство всосалось въ кровь и плоть западныхъ «гражданъ», привыкшихъ возлагать огромныя надежды на свое «государство» и разсматривать его какъ неизсякаемый источникъ разныхъ жизненныхъ благъ—преимущественно въ смыслѣ «хлѣба и зрѣлищъ». Они часто бывали недовольны предержащими властями, но именно потому, что вѣчно ожидали и требовали отъ нихъ какого-то высшаго покровительства или по крайней мѣрѣ содѣйствія своимъ стремленіямъ. Между тѣмъ русскій обыватель, пріученный обходиться въ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, хозяйственныхъ и духовныхъ, одними собственными средствами, относившійся къ своимъ «господамъ» и къ разнымъ ихъ затѣямъ съ довольно ѣдкою ироніей, подчинялся всякому начальству только какъ необходимой принудительной силѣ. При такомъ взглядѣ на государство онъ не терялъ своей нравственной независимости, не становился «рабомъ въ душѣ» даже тогда, говоритъ г. Блокъ, когда его связывали по рукамъ и по ногамъ, чтобы принести въ жертву на алтарѣ далекой государственности. Поэтому-то бюрократія, такъ популярная

въ западной Европѣ, не могла проникнуть въ глубину русской народной жизни. По мнѣнію нашего автора, главными разсадниками бюрократизма и милитаризма у насъ являлись нѣкоторыя окраины Россіи, напоминавшія — по своему историческому прошлому и по характеру своего общественнаго устройства — или патріархальную Азію, или феодально-буржуазную Европу [1]).

Въ заключеніе повторимъ сказанное нами въ «Основахъ народничества»:

«Лучшая» часть интеллигенціи должна помочь крестьянамъ избавиться отъ вреднаго вліянія самой интеллигенціи, — это первое и самое важное ея дѣло. Но для этого необходимо, чтобы «лучшіе» элементы интеллигенціи могли опереться на самихъ крестьянъ, т. е. необходима полнѣйшая самостоятельность крестьянъ отъ интеллигентно-культурнаго слоя. Разъ крестьянская жизнь будетъ отдана подъ опеку интеллигенціи вообще, то этимъ самымъ она будетъ направляться не тѣмъ меньшинствомъ ея, которое благожелательно крестьянскому дѣлу, а «образованными и достаточными классами». Поэтому-то, только при полной независимости крестьянской жизни отъ руководства интеллигенціи вообще, мы можемъ надѣяться на то, что меньшинство интеллигенціи сдѣлается, благодаря нравственному своему вліянію, руководителемъ крестьянской жизни, имѣя въ виду только благо всего общества.

Къ сожалѣнію, многіе не уяснили себѣ этихъ истинъ и, имѣя въ виду какъ можно думать, вліяніе меньшин-

---

[1]) А. Л. Блокъ. Политическая литература въ Россіи и о Россіи. Вступленіе въ курсъ русскаго государственнаго права.

ства благожелательной народу интеллигенціи, говорятъ о необходимости вліянія интеллигенціи вообще, что можетъ повести совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Повторяемъ, только полная независимость крестьянской жизни отъ юридическаго и экономическаго вліянія интеллигенціи вообще дастъ просторъ благожелательному для крестьянъ нравственному вліянію меньшинства интеллигенціи. На этомъ основаніи мы и желали бы ограниченія какъ юридическаго, такъ и экономическаго вліянія интеллигенціи надъ крестьянствомъ».

Глава II.

Борьба западничества съ націонализмомъ.

Вѣковой споръ двухъ направленій нашей литературы не затихаетъ и въ наше время. Одно уже это обстоятельство доказываетъ, что оба они носятъ въ себѣ извѣстную долю истины. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ мало распространена мысль о необходимости синтетическаго примиренія этихъ двухъ односторонне-истинныхъ направленій въ третьемъ, которое заключало-бы въ себѣ только то, что было истиннаго въ обоихъ, отбросивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ увлеченія и ошибки. Правда, въ настоящее время трудно встрѣтить такого крайняго западника, какъ Чаадаевъ, и такого односторонняго націоналиста, какъ Кирѣевскій, но и до сихъ поръ большинство писателей склоняется на ту или другую сторону, не умѣя найти синтеза между этими направленіями. Причиной этого отчасти является и полемическій жаръ, обуревающій оба направленія и заставляющій усматривать въ противникѣ только односторонности, упуская изъ виду правдивую сторону ученія.

Примѣромъ подобнаго отношенія къ спору западни-

чества съ націонализмомъ можетъ служить и книга г. Алексѣя Веселовскаго [1]. Несмотря на то, что авторъ этой книги иногда старается взглянуть на дѣло не съ партіонной, а съ болѣе широкой точки зрѣнія,—это ему не удается, и въ концѣ концовъ его трудъ является одностороннимъ адвокатствомъ западничества. Онъ закрываетъ глаза при встрѣчѣ съ фактами вреднаго вліянія западничества и старается доказать, что оно вело только къ прогрессу русской общественной жизни, всѣ-же ретроградныя попытки связаны у него съ идеей націонализма. Въ своихъ стараніяхъ авторъ доходитъ до повторенія одной изъ колоссальнѣйшихъ ошибокъ западничества, будто-бы мысль объ освобожденіи крестьянъ проникла къ намъ съ запада. Право, намъ даже трудно понять, какимъ путемъ можно было прійти къ мысли о необходимости заимствованія элементарныхъ понятій о свободѣ личности у западно-европейскихъ народовъ, въ то время какъ многіе періоды исторіи нашего народа задолго раньше были отмѣчены сильными движеніями, именно по поводу исканія народомъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Или наши крестьяне тоже вычитали изъ западныхъ книжекъ мысль о своемъ правѣ на свободу? Если-же все наше крестьянство сознавало свое право на свбоду, то зачѣмъ-же интеллигенціи было необходимо заимствовать мысль объ освобожденіи съ Запада, когда она могла найти ее дома? Понятно, что, даже оградившись китайской стѣною отъ западныхъ

---

[1] Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Алексѣя Веселовскаго.

вліяній, мы все-таки пришли бы къ мысли объ освобожденіи крестьянъ, такъ какъ этого требовало само крестьянство. Г. Славатинскій говоритъ, что до освобожденія крестьянъ нашъ государственный строй стоялъ на «пороховой почвѣ» [1]). Извѣстно, что число убійствъ помѣщиковъ въ 1848 году поднялось до небывалыхъ размѣровъ [2]). Безчисленные факты доказываютъ, что чувство и мысль всего народа были противъ крѣпостнаго права. Неужели-же при такихъ обстоятельствахъ было необходимо нашей интеллигенціи заимствовать мысль о свободѣ съ Запада?

Зачѣмъ-же западники ставятъ на счетъ западныхъ вліяній то, что было вполнѣ самобытнымъ продуктомъ русской жизни? По нашему мнѣнію, происходитъ это отъ чрезмѣрнаго преувеличенія вліянія интеллигенціи въ жизни нашего народа. Народъ, по мнѣнію западниковъ, есть только человѣческій матеріалъ, безформенный и безсмысленный, который только подъ руками интеллигенціи превращается въ культурное общество. Разумѣется, что съ этой крайней формулировкой теперь согласятся только немногіе западники, но, въ сущности, воззрѣнія каждаго изъ нихъ составляютъ большее или меньшее приближеніе къ этой крайности, поставленной знаменемъ западничества самимъ Чаадаевымъ въ его «Философскомъ письмѣ». Скептически относясь къ народу съ высоты своего книжно-барскаго величія, они не замѣчали лучшихъ сторонъ нашего крестьянскаго быта

---

[1]) А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права.

[2]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Т. III.

и относились къ мужику какъ къ невѣждѣ и холопу. Они вѣрили въ то, что крестьянинъ—холопъ въ душѣ и что нужно употребить вліяніе Вольтера или Руссо для истребленія въ немъ этого рабскаго духа. Неудивительно, что Чаадаевъ, по словамъ г. Веселовскаго, ждалъ всего отъ сильной власти, которая смогла-бы побудить массу русскаго народа усвоить иные идеалы и слиться съ западомъ.

Наша интеллигенція, выростая на дворянско-чиновничьей почвѣ, была изолирована отъ народа обоюдной сословной враждой, а потому и смотрѣла на него съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Какъ извѣстно, необходима была для русской народной общины рекомендація нѣмца Гакстгаузена, чтобы на нее обратила вниманіе русская интеллигенція. Понятно, что и мысль о холопствѣ русскаго мужика приходилась по сердцу барско-чиновничьей интеллигенціи. Лучшіе члены ея, т. е. тѣ, кто не допускалъ справедливости крѣпостнаго права, выростая въ барско-чиновничьей атмосферѣ, съ дѣтства впитывали предразсудки своей среды, въ томъ числѣ и вѣру въ холопство крестьянъ. Вслѣдствіе этого они приходили къ мысли лечить крестьянина отъ холопства путемъ передачи ему книжной мудрости, такъ какъ сами вычитали мысль о свободѣ изъ западныхъ книжекъ. А въ это время крестьяне говорили: «Сколько рабовъ, столько враговъ»; «ваше благородіе чортъ зародилъ, а насъ грѣшныхъ Господь спосоздалъ»; «мы и тамъ служить будемъ на баръ: они будутъ въ смолѣ кипѣть, а мы станемъ дрова подкладывать» [1]).

[1]) Пословицы русскаго народа. В. Даля.

О свойствахъ вліянія западно-европейскихъ ученыхъ на русскихъ людей, по поводу мысли объ освобожденіи крестьянъ, можно судить изъ того факта, что большинство изъ нихъ доказывало необходимость постепеннаго освобожденія, которому должно предшествовать духовное освобожденіе, посредствомъ просвѣщенія. Такого мнѣнія былъ и знаменитый Руссо. По мнѣнію Вольтера, помѣщики «должны быть приглашены къ дѣлу освобожденія, а не обязаны»[1]). Какъ извѣстно, наши крестьяне въ то-же самое время требовали полнаго освобожденія и надѣла не только пахатною землею, лѣсами и лугами, но и рѣками, озерами, рудниками, необходимыми для крестьянскаго промысла. Спрашивается: нуждалась-ли Россія въ западномъ вліяніи въ этомъ случаѣ, или она могла вполнѣ самобытно рѣшить крестьянскій вопросъ? Было-бы лучше, еслибы наша интеллигенція больше прислушалась къ мнѣнію своего народа, нежели къ глубокомысленнымъ соображеніямъ Руссо о необходимости прежде просвѣтить, а потомъ освободить. Самобытное рѣшеніе, основанное на національныхъ, т. е. народныхъ воззрѣніяхъ, было-бы гораздо

---

[1]) Наши екатерининскіе вельможи недаромъ считались «вольтерьянцами». Этотъ вольтерьянизмъ характеризуется слѣдующимъ мнѣніемъ Вольтера: Въ людской толпѣ составленной изъ «глупцовъ» и пересыпанной педантами, всегда имѣется «маленькое отдѣльное стадо, называемое хорошимъ обществомъ; это маленькое стадо, будучи богато, хорошо воспитано, образовано и учтиво, представляетъ собою какъ-бы цвѣтъ человѣческаго рода; для него трудились и трудятся самые великіе люди, оно же раздаетъ славу и извѣстность (Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ип. Тэна. Стр. 252).

прогрессивнѣе тѣхъ, какія мы могли заимствовать у западно-европейскихъ ученыхъ. А потому намъ кажутся нѣсколько странными восторги г. Веселовскаго по поводу вліянія нѣмецкой науки на извѣстнаго Полѣнова, который въ 1766 году подавалъ проектъ освобожденія крестьянъ съ нѣкоторымъ надѣленіемъ ихъ землею. Нашъ авторъ, очевидно, забылъ, что Полѣнову не зачѣмъ было ѣздить заграницу и погружаться въ нѣмецкую книжную мудрость для того, чтобы придти къ мысли, имъ высказанной. Крестьянское воззрѣніе на этотъ предметъ было высказано въ подложныхъ манифестахъ Пугачева. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ думать, что этотъ донской казакъ являлся какимъ-то пророкомъ новыхъ истинъ; онъ объявлялъ только о тѣхъ льготахъ, которыхъ крестьянство ждало съ нетерпѣніемъ,—съ тѣмъ, чтобы привлечь массу на свою сторону. Въ манифестѣ, помѣченномъ 31 іюля 1774 года, Пугачевъ «жалуетъ» «всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою и вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и безъ оброку» и т. д. [1]). Крестьянское-же воззрѣніе на земельную собственность

---

[1]) Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта Я. К. Грота. Стр. 53.

проявлялось и въ ученіяхъ раскольничьихъ наставниковъ и учителей. Такъ, основатель странничества Евфимій какъ доказательство того, что Петръ—антихристъ, привелъ во второй половинѣ прошлаго вѣка слѣдующее:

«Не явственнѣ-ли таковое антихриста одержаніе являетъ быти въ первую опись народную, егда первый императоръ описалъ всѣхъ человѣкъ и раздѣлилъ на разные чины... имъ же разможивъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ». «Всѣ державы при имѣніяхъ своихъ, сице устави императоръ комуждо глаголати: свое. Сей же глаголъ Св. Златоустъ проклятымъ и скернымъ нарицаетъ: глаголъ мое рече отъ дьявола введеся. Все бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ». «Егда бо по описи раздроби народъ на разные чины и землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ кому много, кому мало, иному-же и ничесоже давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ» [1]).

Культурный слой приписалъ себѣ идею освобожденія, не замѣчая, что крестьянство вообще и крѣпостные крестьяне въ частности никогда не считали крѣпостное право справедливымъ учрежденіемъ. Но такъ какъ крестьянство, какъ общественная сила, сталкиваясь съ другой общественной силой, культурными классами, оказывалось слабѣе, то и равнодѣйствующая, по которой совершалось развитіе нашихъ общественныхъ формъ, была не въ пользу уничтоженія крѣпост-

---

[1]) Политическія воззрѣнія старовѣрія. І Юзова. («Русская Мысль» 1882 г., № 5, стр. 205).

наго состоянія. Когда-же усилились, съ одной стороны, интенсивность требованій освобожденія со стороны крѣпостныхъ, съ другой — нравственное чувство извѣстной части культурнаго слоя, то произошла такая группировка общественныхъ силъ, при которой равнодѣйствующая оказалась въ пользу освобожденія.

Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что было-бы гораздо лучше, если-бы наша барско-чиновничья интеллигенція прошлаго столѣтія прислушалась къ голосу русскаго народа и повела развитіе русскаго общественнаго организма самобытнымъ путемъ, вмѣсто того, чтобы увлекаться освободительными компромиссами западноевропейскихъ ученыхъ, презирая вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народный умъ, такъ и народное чувство. Западники, вродѣ Чаадаева, внушая презрѣніе къ народнымъ общественнымъ воззрѣніямъ, совершали, по нашему глубокому убѣжденію, соціальное преступленіе и были однимъ изъ самыхъ вреднѣйшихъ тормазовъ нашего общественнаго развитія, несмотря на весь свой наружный либерализмъ. Они были кость отъ кости и плоть отъ плоти бюрократизма и, работая на господство интеллигенціи надъ народомъ, въ сущности работали на господство бюрократизма. Въ нашей тогдашней жизни не было элементовъ для упроченія господства интеллигентной буржуазіи, на которую работали западные либералы, а потому наши подражатели этимъ либераламъ своимъ презрѣніемъ къ мысли непросвѣщенной массы только укрѣпляли мысль о необходимости «просвѣщеннаго бюрократизма», который, впрочемъ, понимался ими различно.

Невольно приходитъ въ голову вопросъ: чѣмъ-же

объясняется ошибка г Веселовскаго и другихъ западниковъ, утверждающихъ, что только вліяніе Запада внесло въ нашу жизнь освободительную струю? Тутъ очевидно вліяетъ профессія этихъ лицъ, состоящая, большею частью, въ углубленіи въ книжную мудрость: — зарываясь въ книги, они только черезъ эти книги видятъ свѣтъ, а потому и игнорируютъ самую жизнь. Не встрѣчая въ книгахъ XVIII столѣтія мыслей о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею и натолкнувшись, напримѣръ, на проектъ Полѣнова, они, съ непонятною для насъ поспѣшностью, готовы приписать этому послѣднему открытіе этой мысли. Усматривая-же изъ біографіи автора, что онъ былъ знакомъ съ западной наукой, они уже не сомнѣваются приписать появленіе этой мысли западнымъ вліяніямъ. Послѣ этого они считаютъ себя вправѣ заключить, что не будь этого вліянія, не было-бы у насъ и мысли объ освобожденіи Какое имъ дѣло до того, что въ то-же самое время весь русскій народъ требовалъ еще болѣе коренныхъ реформъ? Мысль народа для нихъ не существуетъ, они знаютъ только книги, а разъ въ этихъ книгахъ не появлялось мысли объ освобожденіи, то слѣдовательно ее и не было, заключаютъ они. При этомъ они, разумѣется, игнорируютъ нетолько устную народную словесность, но и ту народную литературу, которая не имѣла чести попасть въ оффиціально-книжную литературу. Съузивъ, такимъ образомъ, народную мысль до рамокъ книжной литературы (не надо забывать, что въ прежнее время народная мысль гораздо меньше отражалась въ книжной литературѣ, чѣмъ теперь), они, ничтоже сумняшеся,

считаютъ не существующими въ данное время всѣ тѣ мысли, которыя не попали въ книги, и, наоборотъ, считаютъ господствующими въ цѣломъ народѣ тѣ мнѣнія, которыя господствуютъ въ книгахъ. Отсюда полнѣйшее непониманіе истиннаго развитія народной общественной мысли и коверканіе исторіи мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Благодаря тому-же обстоятельству, наши западники не замѣчаютъ, что западничество вело у насъ нетолько къ позаимствованію освободительныхъ началъ жизни, но и къ пересадкѣ цѣлаго ряда стѣснительныхъ мѣропріятій, предпринимавшихся западными правительствами въ виду дѣйствительной, вполнѣ реальной опасности, которой у насъ часто не бывало. У насъ эти стѣснительныя западническія мѣропріятія очень часто бываютъ сдѣланными, такъ сказать, про запасъ, въ виду возможныхъ будущихъ опасностей, и являются больше изъ подражанія, нежели изъ дѣйствительныхъ потребностей государства. Къ удивленію, наши западники совершенно не замѣчаютъ тѣхъ регрессивныхъ мѣръ, которыя мы заимствуемъ съ Запада, и думаютъ, что нами оттуда берется только освободительная струя мысли. Это тоже объясняется тѣмъ, что регрессивныя позаимствованія прямо берутся изъ жизни западно-европейскихъ народовъ, а не изъ книгъ; а такъ какъ наши западники фиксируютъ свое вниманіе по преимуществу на книгахъ, то и готовы приписать регрессивныя мѣры самобытническому мышленію.

Коренная ошибка г. Веселовскаго состоитъ въ томъ, что онъ не различаетъ вліянія западничества на лите-

ратуру отъ вліянія его на общественную жизнь. По его мнѣнію, разъ будетъ доказано благотворное дѣйствіе западной литературы на нашу, этимъ самымъ доказывается и благотворное дѣйствіе западничества на общественную жизнь. Но въ дѣйствительности это было не такъ. Насколько западная литература способствовала развитію нашей, настолько-же вмѣстѣ съ тѣмъ наше западничество вредило развитію нашей общественной жизни. Нельзя смѣшивать развитія литературы, которая до сихъ поръ является достояніемъ незначительнаго меньшинства, съ развитіемъ общественной жизни, зависящимъ отъ положенія всѣхъ членовъ общества. Для всякаго понятно, что развитіе, напримѣръ, живописи можетъ совпадать съ общественнымъ регрессомъ, но не всякій признаетъ, что то-же явленіе повторяется очень часто и съ литературой. Причиной этого бываетъ обоготвореніе книжной мудрости, считающейся источникомъ всякаго рода прогресса, въ томъ числѣ и общественнаго — что̀, къ сожалѣнію, не всегда случается, именно потому, что эта книжная мудрость, будучи достояніемъ меньшинства бываетъ причиной непомѣрной претензіи этого меньшинства на господствующее руководство жизнью большинства.

Что касается вліянія западничества на нашу литературу, то благотворное его дѣйствіе несомнѣнно. Этимъ мы не хотимъ сказать, что наша литература должна остаться навсегда въ томъ ученическомъ положеніи, въ которое ее поставили историческія обстоятельства. Наоборотъ, она всѣми силами должна стараться выйти изъ этого положенія и занять равноправное между другими

литературами мѣсто. Но ей необходимо пройти искусъ ученичества для того, чтобы въ концѣ-концовъ стать вполнѣ самостоятельной, т. е. самобытной. Послѣ этого наступитъ періодъ равноправнаго обмѣна мыслей, въ которомъ нуждаются всѣ народы такъ-же, какъ и отдѣльные люди, не теряя при этомъ нисколько въ своемъ самобытномъ процессѣ мышленія. Этотъ періодъ, отчасти, уже наступилъ.

Посмотримъ теперь. каково было вліяніе нашего западничества на общественную жизнь. Прежде всего кидается въ глаза тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наши государственные люди стали западничать, т. е. просвѣщаться всякаго рода западными порядками, въ томъ числѣ и наукой,—они вмѣстѣ съ тѣмъ стали презрительнѣе относиться къ мнѣніямъ невѣжественной массы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе ранній періодъ нашей исторіи государственные люди были болѣе склонны выслушивать мнѣніе «земли», чѣмъ впослѣдствіи. По нашему мнѣнію, объясняется это тѣмъ, что у нихъ самомнѣніе было не такъ развито, какъ у ихъ преемниковъ. Еле грамотный воевода или бояринъ, засѣдавшій въ боярской думѣ, былъ болѣе способенъ уважать мысль народа, нежели такъ называемый просвѣщенный сановникъ XVIII столѣтія. Типичнѣйшимъ западникомъ можно считать Петра Великаго, который до сихъ поръ восхищаетъ воображеніе нашихъ западниковъ. Вооружившись всякаго рода знаніями, Петръ сталъ презрительно относиться къ мнѣніямъ невѣждъ, а слѣдовательно и къ мнѣніямъ всего народа. Ему доставляетъ большое наслажденіе глумленіе надъ народными предразсудками и

вѣрованіями. Понятно, что для него кажется нелѣпой мысль обращаться къ народу за совѣтомъ, какъ поступить въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ. И считаетъ онъ эту мысль нелѣпой не по склонности къ самоличному управленію (онъ всегда готовъ просить совѣта у науки и ея жрецовъ), а потому что, по его мнѣнію, только просвѣщенные люди способны вести общество по пути прогресса, къ общему счастью. Такого-же мнѣнія придерживались всѣ западники. Истинный свѣтъ они видятъ только въ наукѣ, въ знаніи, которое идетъ къ намъ съ Запада; понятно, что и общественныя дѣла должны быть поставлены въ зависимость отъ людей, просвѣщенныхъ этимъ свѣтомъ. Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, то объ участіи мнѣнія «земли» въ государственныхъ дѣлахъ не могло быть больше и рѣчи. Для счастья всего общества необходимо было отдать управленіе государствомъ въ руки просвѣщенныхъ людей и устранить отъ него невѣждъ. Петръ продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, круто приступилъ къ реформамъ и окончательно укрѣпилъ на русской землѣ господство просвѣщенныхъ людей, т. е. чиновниковъ, прошедшихъ извѣстный курсъ наукъ. Такъ народилось у насъ бюрократическое управленіе, противъ котораго возстаютъ и нынѣшніе западники [1]). Впрочемъ,

[1]) Г. Блокъ въ книгѣ своей «Политическая литература въ Россіи и о Россіи» говоритъ (очевидно, находясь подъ вліяніемъ мнѣній Конст. Аксакова), что неоднократные историческіе опыты показали неспособность славянскихъ народностей къ образованію сильныхъ и прочныхъ государствъ. Это объясняется, по мнѣнію автора, отчасти уже присутствіемъ въ нихъ такихъ высшихъ

западники нападают обыкновенно не на самую суть бюрократизма, которая состоит въ господствѣ немногихъ надъ многими, во имя науки и просвѣщенія, которыми будто-бы обладаютъ эти немногіе. Они вполнѣ признаютъ основу бюрократизма: право ученаго меньшинства насильно руководить невѣжественнымъ большинствомъ, и обыкновенно только доказываютъ, что современная бюрократія не настолько учена, какъ слѣдуетъ, и должна быть замѣнена другою болѣе ученою. Многіе напрасно думаютъ, что бюрократія и консерватизмъ — синонимы. На дѣлѣ бюрократизмъ можетъ быть не только консервативнымъ, но и либеральнымъ, радикальнымъ или даже соціалистическимъ. Соціалистъ, ду-

---

духовныхъ инстинктовъ, которые имѣютъ мало общаго съ болѣе грубыми, чисто политическими «доблестями», всегда почти предполагающими нѣкоторое нравственное несовершенство. Въ богато одаренной натурѣ славянина слишкомъ много тонкой впечатлительности, широкой гуманности и умственной независимости; а для государственной жизни требуется и нѣчто совсѣмъ другое, часто несовмѣстимое съ только-что указанными свойствами. Вотъ почему, прибавляетъ авторъ, извѣстное финское «упрямство», татарская «безчеловѣчность» и нѣмецкая «выдержка» должны были играть немалую роль въ судьбѣ нашей могущественной имперіи. Они были нужны по крайней мѣрѣ какъ лигатура къ благородному металлу, изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго. Такимъ образомъ ни историческую, ни современную Россію нельзя считать чисто славянскимъ произведеніемъ. Извѣстно, что подобный пріемъ защиты русской жизни употреблялся у насъ издавна и многими авторами; этотъ пріемъ давалъ возможность объяснить нѣкоторыя некрасивыя стороны нашей государственной жизни вліяніемъ чуждыхъ русской жизни элементовъ, внѣдрившихся въ нее такъ или иначе.

мающій насаждать соціалистическій общественный строй путемъ господства просвѣщенныхъ революціонеровъ-соціалистовъ надъ массой народа — ничего болѣе, какъ бюрократъ, только бюрократъ-соціалистъ. Онъ такъ-же презрительно относится къ народной мысли, какъ и бюрократъ-консерваторъ, и дѣлаетъ это во имя науки и знанія, подобно ему-же. По мнѣнію Дюринга, внѣшнее перенесеніе культуры несетъ съ собою весьма невыгодное явленіе, а именно, постоянную опеку, которая препятствуетъ естественному развитію народныхъ массъ. Между тѣмъ пока эти послѣднія не вошли самостоятельно въ культурную жизнь, народъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, еще не живетъ [1]).

И такъ, насколько западничество было необходимо для того, чтобы поставить нашу литературу на то ея высокое положеніе, въ которомъ она находится теперь, настолько-же оно было вредно для нашей общественной жизни, заразивъ нашу интеллигенцію язвою бюрократизма. Западничество было главной причиной презрительнаго отношенія ителлигенціи къ народу, что всего ярче выясняется въ воззрѣніяхъ такого симпатичнаго западника, какъ Чаадаевъ: Россія погибнетъ, если просвѣщенная власть не съумѣетъ переродить исконныхъ свойствъ русскаго народа. Вредное вліяніе западничества на нашу общественную жизнь основывалось на томъ, что оно разрушало вѣру въ умственныя и нравственныя силы русскаго народа и такимъ образомъ

[1]) Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга. А. Козлова.

переносило центръ тяжести русскаго прогресса въ интеллигенцію. Истинный-же общественный прогрессъ бываетъ только тамъ, гдѣ общественное дѣло двигаетъ не одна интеллигенція, а весь народъ.

Общественныя формы вполнѣ зависятъ отъ характера и умственныхъ свойствъ народа, и разъ нашъ народъ, по мнѣнію западниковъ, настолько дикъ и невѣжественъ, что самъ не можетъ выработать сносной общественной жизни, то онъ, слѣдовательно, не можетъ ее и заимствовать. Нѣкоторые западники надѣются насадить культуру на дикой русской почвѣ насильно; но спрашивается, кому-же нужна будетъ эта культура, поддерживаемая палкой? Вѣдь всякая общественная форма нужна только для увеличенія счастья людей, а каково-же будетъ положеніе народа, который долженъ будетъ насильно подчиняться общественной формѣ, не соотвѣтствующей его характеру и уму, а слѣдовательно и желаніямъ? Такимъ образомъ, мы вправѣ сказать, что самобытное развитіе общественной жизни есть единственно согласное съ стремленіемъ къ дѣйствительному увеличенію счастья людей и что только способствованіе ему возможно для людей, не желающихъ прибѣгать къ насилію надъ народомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія, подразумѣваетъ вѣру въ возможность самостоятельнаго развитія, а слѣдовательно и вѣру въ существованіе здороваго зародыша. Не все въ Россіи дурно, по мнѣнію самобытника; иначе онъ не могъ-бы вѣрить въ прогрессъ своего общества. Этотъ скромный оптимизмъ необходимъ для всякаго общественнаго дѣятеля, въ томъ числѣ и для публи-

циста. Многимъ ненавистна наша вѣра въ русскій народъ, въ его нравственныя и умственныя силы, такъ какъ на ней основана наша вѣра въ самобытное развитіе, а это послѣднее загораживаетъ дорогу разнымъ либерально-буржуазнымъ затѣямъ, въ которыхъ мы не видимъ добра для народа и общества. Думаемъ, что наши воззрѣнія раздѣляетъ и лучшая часть русской интеллигенціи. Эта часть интеллигенціи на самомъ дѣлѣ является гораздо болѣе народнической, нежели это можно думать, судя по органамъ печати, въ особенности по газетамъ. Вѣра въ силы своего народа настолько естественна, что только иноплеменными вліяніями и оторванностью отъ народа можно объяснить тотъ пессимизмъ, который господствуетъ у насъ по отношенію къ народной жизни.

Если мы отстали отъ Запада въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ, политикѣ, то это еще не доказываетъ, что мы отстали отъ него и въ общественной жизни. Въ основѣ нашей народной жизни лежатъ община и артель, а это такія формы общественной (гражданской, а не политической) жизни, которымъ позавидуетъ Западъ. Хотя многіе и не могутъ взять въ толкъ, какъ это народъ, отставшій въ наукѣ, политической жизни и т. п., въ то-же время можетъ оказаться передовымъ въ общественности, но это—фактъ и съ нимъ необходимо считаться.

ГЛАВА III.

Либерализмъ и народничество.

Хаотическое состояніе общественной мысли, существующее у насъ въ настоящее время, можетъ быть выгодно только тѣмъ изъ направленій, которыя прикрываютъ эгоистическія стремленія отдѣльныхъ группъ народонаселенія разными прекрасными словами, закрывающими отъ многихъ, даже вполнѣ честныхъ людей, ихъ нравственныя язвы. Благодаря этому хаотическому состоянію, либерализмъ, напримѣръ, многими считается защитникомъ общенародныхъ интересовъ, что, разумѣется, придаетъ ему извѣстный нравственный престижъ, въ сущности ему непринадлежащій. Изъ желанія сохранить этотъ престижъ либерализмъ, между прочимъ, старался избавиться отъ народническихъ обличеній тѣмъ, что указывалъ на частичное сходство своихъ воззрѣній съ народническими въ области свободы слова, вѣроисповѣданія, печати и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, упрекая народниковъ чуть-ли не въ поднятіи междоусобной распри. По словамъ либераловъ, народники должны быть ихъ друзьями во имя тѣхъ частич-

ныхъ сходствъ ихъ программъ, на которыя мы только что указали. Но при этомъ гг. либералы забываютъ, что, по мнѣнію народниковъ, крупица истины, находящаяся въ либерализмѣ, не можетъ закрыть его громадныхъ недостатковъ. Умалчивать объ этихъ недостаткахъ, во имя союзнаго дѣйствія народничества съ либерализмомъ, это значитъ дѣйствовать на руку своимъ врагамъ, такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ программа либерализма враждебна народничеству. Правда, и съ врагами входятъ иногда въ союзы, — напр., при баллотировкѣ, сраженіяхъ и т. п. случаяхъ, — но въ публицистической дѣятельности, имѣющей цѣлью развить критическую мысль въ читателѣ, совершенно нецѣлесообразно умалчивать о недостаткахъ хотя-бы и будущаго только врага. Но вѣдь либерализмъ не есть только будущій врагъ народничества, какъ склонны думать нѣкоторые; нѣтъ, и въ прошломъ, и въ настоящемъ онъ старается склонить какъ общество, такъ и государство къ своей программѣ во всей ея цѣлости, а не только въ той части, съ которой она схожа съ народничествомъ. Осуществленіе этихъ стремленій, по нашему мнѣнію (которое мы и постараемся оправдать въ этомъ трудѣ), будетъ гибельно для русскаго народа и государства, а потому мы и считаемъ своею нравственною обязанностью раскрывать истинную сущность либерализма, прикрываемую, до сихъ поръ, знаменемъ общаго блага.

То, что у насъ извѣстно подъ именемъ «либеральнаго направленія», главнымъ образомъ состоитъ изъ трехъ элементовъ: «интеллигентнаго или просвѣщеннаго

бюрократизма», о которомъ мы говорили въ первой главѣ, «либерализма» и «народничества». Для болѣе полнаго выясненія этихъ двухъ послѣднихъ направленій оглянемся назадъ на тѣ теченія нашей общественной мысли, которыя были ихъ первообразами [1]). Общественная мысль, въ качествѣ всегдашняго піонера соціальныхъ реформъ, давно уже изыскивала лучшій путь для нихъ. Но такъ какъ наше общество, какъ и вообще всѣ современныя общества, состоитъ изъ различныхъ слоевъ, интересы которыхъ не вполнѣ солидарны, то, понятно, и общественная мысль должна была расколоться, пойти по разнымъ путямъ. Всѣ струи общественной мысли, еще въ недавнее время, могли быть схематизированы въ двухъ видахъ. Первую схему мы назовемъ «юридическимъ» направленіемъ; вторую—«экономическимъ».

Подъ названіемъ «юридическаго» направленія мы подразумѣваемъ то, которое указываетъ на увеличеніе объема политическихъ правъ русскихъ гражданъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ русской земли. Экономическіе вопросы отодвигаются послѣдователями этого направленія на второй планъ; по ихъ мнѣнію, прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о правахъ личности и объ общественныхъ гарантіяхъ этихъ правъ. Основой общественной гарантіи правъ личности они

---

[1]) Тутъ мы перепечатываемъ, съ нѣкоторыми дополненіями, нѣсколько страницъ изъ нашей книги «Основы народничества», такъ какъ онѣ необходимы для цѣльности нашего изслѣдованія.

считаютъ участіе общественнаго мнѣнія въ государственныхъ отправленіяхъ. Но, къ сожалѣнію, вопросъ о формѣ, въ которой общественное мнѣніе должно принять участіе въ государственной дѣятельности, не можетъ быть выясненъ, благодаря «независящимъ обстоятельствамъ». Несомнѣнно одно, что эта-то туманность и привлекала многихъ къ этому направленію. Каждый воленъ подразумѣвать что хочетъ подъ словами «общественное мнѣніе». Одинъ подразумѣваетъ подъ нимъ мнѣніе лицъ, получившихъ отъ государства свидѣтельство объ окончаніи извѣстнаго курса наукъ. Другой думаетъ, что дѣло совсѣмъ не въ наукахъ, а въ толстомъ карманѣ: цензъ — любимое словечко этихъ господъ [1]). Они стараются доказать, что только люди со-

[1]) Одинъ изъ нихъ, въ порывѣ усердія къ насажденію у насъ въ Россіи западно-европейскаго либерализма, перевелъ книгу Германа Лотце «Основанія практической философіи», откровенно проповѣдующей господство имущихъ надъ неимущими. Казалось-бы, говоритъ Лотце, что названіе гражданинъ—только титулъ, который еще долженъ быть пріобрѣтенъ и который предполагаетъ, что кто-нибудь, въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, въ какой-нибудь общинѣ и, сверхъ того, въ какой-нибудь профессіи, доказалъ, что онъ дѣйствительно способенъ оказывать обществу услуги. Въ виду этого, слѣдовало-бы скорѣе желать гораздо большаго ограниченія активной политической правоспособности, чѣмъ это практикуется въ настоящее время. При кажущейся суровости, такое ограниченіе было-бы даже въ интересахъ исключенныхъ, потому что порядокъ, которому они нисколько не способствуютъ, но изъ котораго извлекаютъ пользу, безъ ихъ содѣйствія былъ-бы во всякомъ случаѣ болѣе обезпеченъ. Какою-же мѣркою мы можемъ измѣрить способность человѣка быть гражданиномъ? На это буржуазный философъ даетъ

стоятельные достойны быть выразителями «общественнаго мнѣнія», что только они имѣютъ досугъ для размышленій и искренно стремятся къ сохраненію общественнаго порядка. Бѣднякъ, говорятъ они, легко увлекается фантастическими вымыслами и ради осуществленія ихъ готовъ жертвовать существующимъ общественнымъ порядкомъ; онъ ничего не можетъ проиграть, а потому всегда надѣется выиграть. Третьи утверждаютъ, что эта готовность бѣдняка на всякія жертвы легко можетъ быть устранена, если въ общественномъ мнѣніи будетъ выражаться мысль выборныхъ вообще всего народа. Защитники этого воззрѣнія утверждаютъ, что «цензовики» отнюдь не могутъ выражать собою народное мнѣніе, а только мнѣніе одного класса, и что ихъ мнѣнія идутъ очень часто въ разрѣзъ съ интересами, какъ народа, такъ и государства. Если они ставятъ экономическіе вопросы на второй планъ, такъ только потому, что путь увеличенія объема правъ личности считаютъ самымъ короткимъ путемъ къ благосостоянію массъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что «цен-

извѣстный либеральный отвѣтъ: Полное участіе въ государственной жизни предполагаетъ, конечно, интересъ къ ея благу и способность къ управленію ею. Ни то, ни другое не поддается непосредственному измѣренію; но величина перваго можетъ съ нѣкоторою вѣроятностью считаться пропорціональною той потерѣ, какую нарушеніе порядка причинило-бы отдѣльному лицу, т. е. пропорціональною его имуществу, почему имущественный цензъ—самый обычный, не вполнѣ надежный, но и не негодный масштабъ, по которому представляется и измѣняется участіе въ гражданскихъ правахъ.

зовики» способны исказить государственную дѣятельность и направить ее къ закрѣпленію бѣдности и экономическаго рабства.

Очевидно, что струи «юридическаго» направленія совсѣмъ не однородны и быстро вступили-бы въ борьбу другъ съ другомъ, если-бы надъ ними не тяготѣли «независящія обстоятельства». Теперь-же эти разнородныя струи находятся въ кажущемся единеніи, что придало юридическому направленію тотъ импонирующій видъ который оно пріобрѣло въ послѣднее время. Но съ уменьшеніемъ давленія «независящихъ обстоятельствъ», когда каждый долженъ будетъ выяснить детально свои общественные идеалы, всплывутъ наружу рѣзкія отличія, которыя кроются въ существѣ этихъ разнородныхъ струй, сдавленныхъ пока въ одно теченіе.

Второе направленіе общественной мысли названо нами «экономическимъ». Придерживающіеся этого направленія утверждаютъ, что въ основаніи человѣческаго счастія лежитъ экономическая независимость и благосостояніе. По ихъ мнѣнію, безъ экономической независимости всѣ юридическія права личности теряютъ всякое значеніе, дѣлаются просто фикціей, красивой игрушкой. Подобно Исаву, бѣднякъ долженъ уступать свои права за чечевичную похлебку нашего времени— рабочую плату, едва дающую ему возможность не умирать съ голоду и поставлять потребное для капиталистовъ число рабочихъ рукъ. Для человѣка работающаго по 16 часовъ въ сутки, у котораго не хватаетъ времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ насущнаго хлѣба, не имѣютъ никакой цѣны всѣ юридическія права. Ими

воспользуются тѣ, кто держитъ рабочаго въ экономическомъ рабствѣ, и воспользуются только ради собственныхъ цѣлей, т. е. для вящаго закрѣпленія этого рабства. Юридическій бытъ народовъ есть только внѣшняя оболочка экономическаго быта, а потому тщетны всѣ усилія внести принципы равенства и свободы въ юридическій бытъ, оставляя въ то-же время принципы рабства основой быта экономическаго. Преобразованіе экономическаго быта есть необходимое условіе, предшествующее дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ преобразованіямъ юридическаго. Реформы юридическаго быта, удовлетворяя насущныя потребности интеллигенціи, главнымъ образомъ стремящейся къ свободѣ мысли, могутъ быть очень вредны для народныхъ массъ тѣмъ, что, умиротворяя интеллигенцію, отвлекаютъ ее отъ внимательной критики существующаго порядка. Когда не удовлетворены потребности самой интеллигенціи, она, недовольная существующимъ общественнымъ порядкомъ, чутче относится ко всѣмъ недовольнымъ голосамъ и беретъ ихъ подъ свое покровительство,—этимъ (помимо прочаго) и объясняется та внимательность русской интеллигенціи къ экономическому вопросу, какой мы не видимъ въ западно-европейскихъ интеллигенціяхъ. Всѣ мечты объ общественныхъ гарантіяхъ правъ личности, такъ обольстительныя для насъ въ отвлеченіи, въ дѣйствительности, при существованіи экономической нищеты, превратятся въ гарантіи правъ только экономически сильныхъ личностей. Поэтому устраненіе экономической безъурядицы необходимо прежде всего. Когда она исчезнетъ, тогда

по необходимости исчезнетъ и неравенство юридическое, такъ какъ оно составляетъ только наружную оболочку неравенства экономическаго. На нынѣшней-же экономической почвѣ можетъ выростать только такой юридическій бытъ, къ которому стремятся «цензовики», изо всѣхъ силъ старающіеся затормозить развитіе экономическихъ формъ.

Таковы были основы двухъ направленій общественной мысли. По нашему мнѣнію, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Но правда ихъ узка и одностороння. Они указываютъ на извилистый, узкій путь, тогда какъ передъ нами лежитъ прямая дорога. Каждое изъ нихъ беретъ одну сторону народной жизни подъ свое покровительство и считаетъ только эту половину основной. Человѣческая личность берется не во всей цѣлости, а разсматривается только съ одной стороны. А между тѣмъ для всякаго изъ насъ необходимо удовлетвореніе, какъ своихъ правовыхъ, такъ и экономическихъ потребностей въ каждое данное время. Наша экономическая и правовая жизнь такъ тѣсно переплетены другъ съ другомъ, находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что мы необходимо должны считаться съ этой связью при всякихъ соображеніяхъ о нашемъ соціальномъ бытѣ. Напрасно старались-бы мы давать преимущество той или другой сторонѣ нашей жизни,—все это можетъ только тормозить ея правильный ходъ [1]). Если жалкая эконо-

---

[1]) Авторъ книги „Очерки первоначальной экономической культуры", г. Зиберъ, утверждая, что политическія формы вполнѣ

мическая жизнь народа обезцѣниваетъ въ его глазахъ прелесть юридической свободы, то вмѣстѣ съ тѣмъ безъ нея и экономическое благосостояніе будетъ непрочнымъ и скоро сдѣлается фиктивнымъ.

Мы вполнѣ признаемъ опасности односторонней юридической реформы, на которыя указывало экономиче-

---

зависятъ отъ экономическихъ,—является въ этомъ случаѣ рьянымъ послѣдователемъ Карла Маркса. Къ сожалѣнію, онъ ничѣмъ не подтвердилъ этого основнаго своего положенія, опровергаемаго жизнью на каждомъ шагу. Всѣ разсужденія приверженцевъ этой теоріи настолько-же неосновательны, какъ и заключенія ихъ противниковъ, утверждающихъ, наоборотъ, что экономическія учрежденія обусловливаются политическими формами. Такъ какъ и экономическія, и политическія формы ни что иное, какъ отношенія между людьми, то можно говорить только о ихъ взаимодѣйствіи, а никакъ не объ исключительномъ преимуществѣ тѣхъ или другихъ. Трудно понять, на какомъ основаніи г. Зиберъ утверждаетъ, что „идея сильной единоличной власти нарождается соотвѣтственно историческимъ измѣненіямъ, которыя происходятъ въ экономическомъ укладѣ общества“ (стр. 412). Достаточно присмотрѣться къ нашей исторіи, чтобы увидѣть, согласно цѣлому хору нашихъ историковъ, что у насъ на Руси единоличная власть произошла отъ небходимости защитить себя отъ внѣшнихъ нападеній: татаръ, литвы и т. д. Слѣдовательно, не экономическія, а политическія условія были главной причиной утвержденія московскихъ царей. Разумѣется, стремленіе охранить свои „животы“ отъ иноземнаго грабежа то-же играло очень видную роль въ этомъ дѣлѣ; но спрашивается, почему-же русскій народъ не искалъ этого охраненія въ подчиненіи ханской власти, въ то время когда часто высказывалъ, что воеводы раззоряютъ его пуще литвы и татаръ? Очевидно, что не одни экономическія побужденія руководили народомъ, а и цѣлый рядъ другихъ, о которыхъ такъ легкомысленно забываетъ г. Зиберъ.

ское направленіе. Но, по нашему мнѣнію, изъ этого не слѣдуетъ, что юридическія реформы не нужны. Онѣ должны только сопровождаться такой экономической реформой, которая-бы вырвала съ корнемъ всякую возможность наложить экономическія цѣпи на большинство народа. А что юридическія и экономическія реформы могутъ идти рука объ руку, это доказалъ фактъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ.

Утвержденіе экономическаго направленія, что юридическій бытъ есть результатъ экономическихъ общественныхъ силъ, опровергается въ исторіи на всякомъ шагу. Если экономическія силы оказываютъ могущественное вліяніе на складъ общественныхъ формъ, то не меньшее вліяніе на нихъ имѣютъ и юридическія силы. Правовыя привиллегіи однихъ и безправіе другихъ постоянно ведутъ къ тому, что экономическія блага распредѣляются неравномѣрно. Юридическія силы несомнѣнно имѣютъ такое-же самостоятельное вліяніе на общественныя формы, какъ и экономическія; а потому было-бы непростительно не обращать вниманія на юридическій бытъ народа. Надѣяться на саморазвитіе экономическихъ формъ, отказаться отъ воздѣйствія на нихъ путемъ правоваго порядка можно только въ теоріи, а отнюдь не въ дѣйствительной жизни. Мы смѣло можемъ вступать на дорогу юридическихъ реформъ, если въ то-же время вступимъ и на дорогу экономическаго освобожденія народа. Это послѣднее будетъ нейтрализировать все то зло, которое можетъ произойти при одной юридической реформѣ, и мы въ концѣ концовъ сдѣлаемъ шагъ впередъ по пути правоваго освобожденія, не оплачивая

его, какъ это было на Западѣ, экономическимъ рабствомъ народа.

Дѣло въ томъ, что на Западѣ реформы юридическаго быта сопровождались въ экономической сферѣ только стремленіемъ повысить благосостояніе рабочихъ классовъ, — что отчасти и достигнуто. Но повышеніе благосостоянія не давало рабочимъ классамъ того, что только и можетъ окончательно удовлетворить ихъ — экономической независимости. Будучи независимъ юридически, рабочій оставался въ экономическомъ рабствѣ, а потому долженъ былъ и въ юридической сферѣ плясать по дудкѣ своихъ новыхъ господъ, отъ воли которыхъ зависѣло лишить его благосостоянія и ввергнуть въ нищету. При правильномъ ходѣ общественнаго развитія необходимо столь-же тщательно заботиться о развитіи экономической независимости народа, какъ и о его юридическихъ правахъ. Одно повышеніе благосостоянія рабочаго класса (къ которому онъ всегда быстро привыкаетъ, а, слѣдовательно и не замѣчаетъ), не можетъ дать счастья народу, такъ какъ при этомъ отсутствіе экономической независимости дѣлаетъ его фактическимъ рабомъ капиталистовъ. Несомнѣнно, что экономическая независимость, сопровождаемая меньшимъ уровнемъ благосостоянія, все-таки неизмѣримо больше доставляетъ счастья среднему человѣку, чѣмъ экономическая зависимость съ большимъ благосостояніемъ. Поэтому-то нельзя не признать, что Западъ шелъ по ложной дорогѣ, которая его и привела къ современному кризису.

Никакая бюрократія никогда не можетъ такъ вредно

дѣйствовать на экономическую будущность народа, какъ та часть общества, тѣ либералы, которые на Западѣ носятъ названіе буржуазіи и аристократіи (виги). Бюрократія мало враждебна, по своимъ принципамъ, правильному экономическому строю, хотя своими мудрованіями и хищеніями сильно вредитъ ему; буржуазія-же, совокупно съ аристократіей, въ самомъ принципѣ враждебны экономической независимости трудящихся классовъ и всегда и всюду неуклонно дѣйствуютъ въ этомъ духѣ. Если браться за улучшеніе нашего общественнаго строя, то нужно хищнымъ инстинктамъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые имѣютъ нѣкоторое сходство съ западной буржуазіей и аристократіей, отводить наименьшее мѣсто, а не давать имъ полный и безграничный просторъ, какъ требуютъ либералы. Къ чему можетъ привести господство денежной аристократіи въ устройствѣ государства, отчасти можно предъугадать по тому характеру, который она придала тѣмъ общественнымъ союзамъ, въ которыхъ является хозяиномъ и нынѣ. «На глазахъ нашихъ законодателей, говоритъ ученый юристъ и профессоръ Руд. Іерингъ, акціонерныя общества превратились въ организованныя сообщества съ цѣлію грабежа и обмана, въ тайной исторіи которыхъ скрывается болѣе подлости, безчестности, мошенничества, чѣмъ въ исторіи любой каторжной тюрьмы, съ тою разницею, что грабители и мошенники, герои этихъ сообществъ, сидятъ не въ желѣзныхъ оковахъ, а въ золотыхъ хоромахъ» [1]. Хорошъ-же будетъ

[1]) Цѣль въ правѣ. Рудольфа фонъ-Іеринга. Т. I, стр. 166.

тотъ государственный строй, хозяиномъ котораго явятся господа, описываемые Іерингомъ. У насъ нѣтъ основаній предполагать, что русская денежная аристократія будетъ лучше любой изъ западно-европейскихъ.

Либералы увѣряютъ, что экономическая самостоятельность народныхъ массъ будетъ только останавливать повышеніе народнаго благосостоянія и, наоборотъ, экономическая зависимость ихъ отъ культурнаго класса будетъ полезна не только носителямъ культуры, но и народу. Недавно одинъ изъ остзейскихъ бароновъ на страницахъ одной либеральной газеты подсмѣивался надъ экономической независимостью, указывая, что батраки остзейскаго края пользуются большимъ благосостояніемъ, нежели русскіе крестьяне, будто-бы пользующіеся экономической независимостью. Лживыя натяжки этихъ ландлордскихъ соображеній разбиваются въ прахъ общеизвѣстными фактами страстныхъ желаній остзейскихъ батраковъ имѣть поземельную собственность. Нѣтъ сомнѣнія, что громаднѣйшее большинство нашихъ крестьянъ скорѣе согласится на сокращеніе своихъ матеріальныхъ потребностей, нежели пойдетъ въ батраки, т. е. лишится одного изъ священныхъ правъ личности—экономической независимости, нарушеніе которой ведетъ за собою попраніе и духовныхъ его правъ, превращая политическую независимость въ фикцію. Въ нашей литературѣ можно найти массу свидѣтельствъ, что наши крестьяне жертвуютъ очень большими матеріальными выгодами, ради сохраненія своей экономической независимости [1]). Поэтому-то одна изъ

[1]) Это явленіе замѣчается не только въ области сельско-хо-

главныхъ задачъ нашего времени и состоитъ въ томъ, чтобы надѣлить трудящихся орудіями производства въ достаточной мѣрѣ и тѣмъ освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ арендамъ, батрачеству и тому подобнымъ средствамъ. Либералы несогласны съ подобнымъ мнѣніемъ; они не думаютъ, что экономическая независимость должна считаться настолько-же важнымъ правомъ личности, какъ и политическая. Все чего они желаютъ въ области экономическаго развитія, можетъ быть формулировано такъ: улучшеніе благосостоянія массъ. Это улучшеніе, по ихъ мнѣнію, можетъ быть достигнуто уменьшеніемъ податной тягости, увеличеніемъ производительности народнаго труда капиталистическимъ производствомъ, но отнюдь не путемъ предоставленія народу экономической независимости, ибо онъ способенъ только разорить себя, напримѣръ, путемъ хищнической культуры земли.

Экономическая политика государства можетъ быть направлена или только на увеличеніе благосостоянія личностей, входящихъ въ его составъ, или-же на обезпеченіе имъ экономической независимости. По-

---

зяйственной промышленности, но и въ другихъ. Такъ, по словамъ П. Ефименко, крестьяне дорожатъ возможностью заниматься кустарными промыслами даже и въ томъ случаѣ, когда послѣдніе приносятъ меньшій заработокъ противъ средняго именно потому, что кустарь чувствуетъ себя дома свободнѣе, нежели подневольный рабочій у хозяина. Это сознаніе крестьяне выражаютъ поговоркой: «хоть доходъ — не доходъ, а всетаки вольный свѣтъ». (Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ Харьковской губерніи. Вып. I. П. Ефименко).

литика западно-европейскихъ государствъ направлялась преимущественно къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія личности, упуская изъ виду ея потребность въ экономической независимости. Теперь Европа пожинаетъ плоды такой близорукой политики. Рабочіе классы постоянно стремятся срыть до основанія всю политическую постройку, съ такимъ трудомъ возводившуюся культурными классами,—стремятся во имя той экономической независимости, которую они когда-то имѣли при самыхъ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ. Многіе съ удивленіемъ останавливаются передъ анархическимъ движеніемъ во Франціи, возстаніемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. явленіями Но въ этихъ движеніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго: какъ-бы ни были широки политическія права, они неспособны заглушить потребность въ экономической независимости; отсутствіе ея въ большинствѣ случаевъ превращаетъ самыя политическія права въ фикцію. Наоборотъ, блага, даваемыя экономической независимостью, настолько цѣнны, что очень часто заставляютъ забывать даже очень крупные недостатки въ политическомъ строѣ. Во Франціи, напримѣръ, самымъ мирнымъ элементомъ населенія является болѣе или менѣе независимый экономически крестьянинъ-землевладѣлецъ, а самымъ революціоннымъ — тѣ слои рабочаго класса, которые совсѣмъ не пользуются благами экономической независимости. Можетъ показаться съ перваго взгляда, что матеріальное благосостояніе и экономическая независимость одно и то-же; но на дѣлѣ это не такъ. Городской рабочій во Франціи пользуется не меньшимъ

благосостояніемъ, какъ и крестьянинъ, — скорѣе даже большимъ. Парижскій рабочій, напримѣръ, проживаетъ больше, нежели большинство крестьянъ, но онъ отъ этого не дѣлается довольнѣе и миролюбивѣе, именно потому, что у него нѣтъ экономической независимости, безъ которой онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, обездоленнымъ. Каждый изъ нихъ готовъ-бы довольствоваться меньшимъ достаткомъ, лишь-бы добывать его не путемъ батрачества, работы на другого, а собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ, гдѣ рабочій былъ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ. Безъ этого политическія права, ограждающія независимость личности во Франціи, только рѣзче оттѣняютъ ту болѣзненную ненормальность, которую влечетъ за собою экономическая зависимость: при ней личность — вершительница судебъ всего политическаго строя—должна трепетать и пресмыкаться передъ хозяиномъ мастерской и фабрики. Политическій строй высоко ставитъ достоинство личности, а строй экономическій топчетъ его безпощадно и безжалостно... Понятно, что подобныя противорѣчія сами наталкиваютъ рабочихъ на мысль о необходимости привести оба строя къ одному уровню, и они стараются это сдѣлать посредствомъ ломки экономическаго строя. Но такъ какъ современный политическій строй все-таки поддерживаетъ нынѣшнюю экономическую безурядицу, то у рабочихъ является мысль низвергнуть этотъ строй, замѣнивъ его еще болѣе идеальнымъ. Культурные классы, напуганные этими попытками, но не желая идти путемъ, указываемымъ рабочими классами, бросаются въ другую сторону и собственными руками готовы разломать политическій строй,

ими созданный. Отсюда эти вѣчныя колебанія отъ свободы къ цезаризму, которыя чуть не столѣтіе волнуютъ Францію. Не бѣдность или нищета дѣлаютъ общественный строй ея неустойчивымъ, а отсутствіе экономической независимости рабочихъ классовъ: пища, одежда, жилище и увеселенія городскихъ рабочихъ несомнѣнно лучше и разнообразнѣе, нежели у большинства крестьянъ, напримѣръ, Норвегіи; но эти послѣдніе, пользуясь бóльшей экономической независимостью, гораздо меньше наклонны къ государственнымъ переворотамъ.

Такимъ образомъ, опытъ западно-европейскихъ народовъ достаточно доказываетъ, какъ ошибочна экономическая политика государства, стремящаяся только къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія личности, не заботясь о томъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить за нею пріобрѣтеніе этого благосостоянія въ собственномъ хозяйствѣ. Подъ словами «собственное хозяйство» надо разумѣть, конечно, не только исключительно индивидуальное хозяйство, но и артельное, ассоціаціонное, которое во многихъ случаяхъ оказывается выгоднѣе хозяйства индивидуальнаго и при которомъ сохраняется экономическая независимость личности.

Ошибки западно-европейскихъ государствъ должны предостеречь насъ отъ слѣдованія по ложному пути — повышенія благосостоянія безъ насажденія принциповъ экономической независимости. Если на Западѣ государство, будучи представителемъ исключительно культурныхъ классовъ, подъ ихъ эгоистическимъ вліяніемъ и было принуждено идти по дорогѣ экономическаго раб-

ства народонаселенія, то у насъ оно вполнѣ независимо и можетъ избрать такой путь экономической политики, который болѣе соотвѣтствуетъ общенародной пользѣ и который болѣе выгоденъ для самого государства. Въ 1861 г. была сдѣлана первая попытка обезпечить экономическую независимость нашего крестьянства, — попытка, оставшаяся, къ сожалѣнію незаконченной, благодаря реакціи со стороны самого «общества». Реакція была сильна и господствовала много лѣтъ, втеченіе которыхъ заботились не о насажденіи принциповъ экономической независимости, а только объ увеличеніи благосостоянія народонаселенія посредствомъ покровительства распространенію фабрикъ и заводовъ. Во имя повышенія народнаго благосостоянія ограждалось возвышеннымъ тарифомъ производство нашихъ фабрикъ и заводовъ, облегчалось ихъ устройство посредствомъ субсидій и т. п., то-есть дѣлалось все то, что было нѣкогда сдѣлано западно-европейскими государствами. Едва-ли нужно доказывать, что, идя такимъ путемъ, мы если и достигнемъ такого-же благосостоянія рабочихъ классовъ, какое мы видимъ на Западѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтемъ и всѣ западно-европейскіе недостатки и болѣзни. Мы можемъ погубить и тотъ зачатокъ экономической независимости, который уже есть у насъ теперь, — вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, заботиться о его развитіи и распространеніи.

Впрочемъ, въ послѣднее время была сдѣлана весьма робкая попытка возвратиться къ принципамъ экономической политики 1861 года. Мы говоримъ объ учрежденіи банка, съ цѣлью способствовать распространенію

крестьянскаго землевладѣнія. Къ сожалѣнію, эта попытка встрѣчаетъ много препятствій и вызываетъ противъ себя довольно упорную агитацію со стороны культурнаго слоя. Стараются доказывать, что крестьянинъ нуждается не въ расширеніи своего надѣла, а исключительно въ кредитѣ на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, на пріобрѣтеніе искусственнаго удобренія и т. п. Нечего и говорить, что мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что крестьянинъ нуждается нетолько въ пріобрѣтеніи главнаго орудія своего труда — земли, но и въ остальныхъ, т. е. лошади, плугѣ и т. п. Мы говоримъ только о томъ, что свести всю крестьянскую нужду лишь къ второстепеннымъ орудіямъ труда, упуская основной, значитъ сдѣлать или непростительную ошибку, или подтасовку жизненныхъ явленій съ цѣлью недопустить развитія принципа экономической независимости крестьянства. Князь А. Васильчиковъ въ книгѣ «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи» указалъ на тотъ основной принципъ, котораго обязано придерживаться государство въ вопросѣ о крестьянскомъ землевладѣніи. Аграрное законодательство, по его словамъ, можетъ имѣть только одну опредѣленную цѣль: обезпечить земледѣльцу такое владѣніе, какое соотвѣтствуетъ его рабочей силѣ [1]).

[1]) Изъ этого положенія логически можетъ вытекать только то, что вся земля, нынѣ культивируемая, должна быть въ рукахъ крестьянства, ибо только его рабочая сила воздѣлываетъ почву нашего отечества. Очевидно, г. Васильчиковъ долженъ принять, какъ логическій результатъ его-же соображеній, необходимость выкупа крестьянствомъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя,

При осуществленіи этого принципа, т. е. еслибы у каждаго крестьянина былъ такой кусокъ земли, который поглощалъ-бы весь его лѣтній трудъ, — онъ не нуждался-бы ни въ арендѣ чужой земли, ни въ продажѣ своего лѣт-

---

находясь въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ, обработываются не ими самими, а рабочими силами крестьянства. Только послѣ этого выкупа надѣлъ крестьянъ будетъ соотвѣтствовать ихъ рабочимъ силамъ. Конечно, въ практическомъ разрѣшеніи вопросъ зависитъ отъ разныхъ возможностей, условій и обстоятельствъ; онъ, естественно, долженъ перейти разныя степени и градаціи. Но принципъ можетъ быть поставленъ только такъ, а не иначе.

Итакъ мы вполнѣ признаемъ справедливость той мысли князя Васильчикова, которая только что нами цитирована; но не такъ относится къ ней самъ авторъ. Онъ усердно ищетъ лазейки, которая-бы помогла ему отдѣлаться отъ логическихъ выводовъ его собственныхъ положеній и, увы, застреваетъ въ ней самымъ грубымъ образомъ. Вотъ эта лазейка:

«Здѣсь представляется одно очень важное соображеніе — что̀ разумѣть подъ словомъ трудъ земледѣльца, какъ разсчитывать его работу— такъ-ли, какъ она производится нынѣ по существующимъ обычаямъ и порядкамъ полеводства, хотя-бы грубо и небрежно, или—как ъ она должна быть производима по правиламъ сельскаго хозяйства.

«Поземельное положеніе, говорятъ иные, должно сообразоваться съ состояніемъ культуры, не забѣгая впередъ, и такъ какъ извѣстно, что русскіе крестьяне почти нигдѣ не довольствуются своими угодьями, постоянно снимаютъ и пашутъ чужія земли, то это доказываетъ, что у нихъ есть излишекъ рабочихъ силъ и недостатокъ земли. Придерживаясь, по этому предположенію, нынѣшнихъ системъ хозяйства, слѣдовало-бы въ степной полосѣ, гдѣ еще ведется залежное земледѣліе, отводить поселенцамъ столько земли, сколько нужно, чтобы продолжать эту культуру изъ года въ годъ, т. е. залужая пашни по 6 – 10 лѣтъ; въ лѣсистыхъ губерніяхъ, гдѣ еще существуетъ лядинное и лѣсоподполь-

няго труда, а слѣдовательно былъ-бы экономически независимъ.

Что-же касается политическихъ правъ личности, то либерализмъ старается доказать, что политическое до-

ное хозяйство, слѣдовало-бы на томъ-же основаніи допустить періодическую рубку лѣса на столько лѣтъ (15—20), сколько нужно для обновленія лѣсной поросли».

По мнѣнію нашего автора, все это «фальшивый разсчетъ», и крестьянское землевладѣніе должно опредѣляться по разсчету на веденіе «порядочнаго хозяйства». «Пропорція — сколько одинъ земледѣлецъ при порядочной обработкѣ можетъ воздѣлать земли—опредѣляется довольно точно, и только такая пропорція и можетъ служить руководствомъ для сужденій о достаточности крестьянскихъ надѣловъ». Такимъ образомъ, крестьянинъ долженъ получить столько земли, сколько нужно при условіи веденія «порядочнаго хозяйства». Думаемъ, что веденіе «порядочнаго хозяйства» г. Васильчикова должно быть во всякомъ случаѣ выгоднѣе, а не убыточнѣе современнаго крестьянскаго хозяйства. Если это дѣйствительно такъ, то при помощи проектируемаго имъ министерства земледѣлія нашему автору легко это будетъ доказать нашему крестьянину. Посмотримъ же, что изъ этого выйдетъ. Крестьянинъ заводитъ на своей землѣ «порядочное хозяйство», которое, по словамъ-же г. Васильчикова, поглотитъ весь его трудъ. Кто-же, спрашивается, будетъ обработывать остальныя громадныя пространства земли? Не будутъ-ли гг. землевладѣльцы обработывать ихъ сами? Или князь думаетъ обратить чуть не половину земель Россіи въ пустыни, въ которыхъ будутъ рыскать гг. землевладѣльцы за разной Божьей тварью? Нѣтъ, конечно, ни о чемъ подобномъ князь Васильчиковъ и не думаетъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что если крестьянинъ получитъ только столько земли, сколько нужно для веденія «порядочнаго хозяйства», то онъ придетъ къ гг. землевладѣльцамъ кланяться и просить той-же земельки, о которой онъ такъ старается теперь. Весь фортель съ «порядочнымъ хозяйствомъ» выкинутъ только

стоинство личности должно измѣряться ея имуществомъ. Прослѣдить корень, на которомъ выросло это воззрѣніе, нетрудно. Дѣло въ томъ, что, по прежнимъ понятіямъ, наука и знаніе считались единственными двига-

для того, чтобы кое-какъ согласовать принципъ надѣленія крестьянъ землею, соотвѣтственно ихъ рабочимъ силамъ, съ тайнымъ стремленіемъ оставить за крестьянствомъ настолько мало земель, чтобы оно нуждалось въ арендѣ земель частныхъ землевладѣльцевъ. Иного объясненія словъ г. Васильчикова мы себѣ не можемъ и представить, такъ какъ не можемъ думать, чтобы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность веденія его «порядочнаго хозяйства» всѣмъ крестьянствомъ, что неминуемо привело-бы къ залуженію чуть-ли не половины пахатныхъ земель по недостатку рабочихъ рукъ, сосредоточенныхъ на «раціональной» обработкѣ только крестьянской земли. Или г. Васильчиковъ думаетъ создать особый классъ безземельныхъ рабочихъ, который и будетъ обработывать остальную часть земель? Или онъ задумалъ, можетъ быть, выписать кулієвъ изъ Китая? Или-же наконецъ онъ думаетъ, что крестьянство можетъ вести «порядочное хозяйство» на всемъ пространствѣ культурныхъ земель Россіи? Если это послѣднее предположеніе вѣрно, то очевидно онъ долженъ опять-таки на основаніи измѣренія надѣла рабочей силой, признать необходимость передачи всей земли въ руки крестьянства. Созданіе особаго класса безземельныхъ рабочихъ тоже идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ надѣла соотвѣтственно рабочимъ силамъ. Какъ ни кинь—все выходитъ клинъ. Остается въ самомъ дѣлѣ предположить (считая г. Васильчикова искреннимъ человѣкомъ), что онъ или задумалъ превратить часть культурныхъ земель Россіи въ пустыню или-же хочетъ переселить къ намъ дешевыхъ, послушныхъ и выносливыхъ куліевъ.

Но такъ какъ оба эти предположенія (хотя и являющіяся необходимымъ логическимъ заключеніемъ изъ предлагаемаго княземъ ограниченія крестьянскаго надѣла площадью, которая-бы поглощала весь крестьянскій трудъ только подъ условіемъ веде-

телями какъ въ нравственной области, такъ и въ сферѣ общественнаго прогресса. Многіе изъ искреннихъ друзей народа, не имѣя передъ глазами тѣхъ фактовъ, которыми въ настоящее время обладаетъ европейская

нія «порядочнаго хозяйства»), все-таки идутъ въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ, въ которомъ мы отнюдь не можемъ отказать автору, то остается предположить только, что онъ вполнѣ ясно понимаетъ, что веденіе раціональнаго хозяйства на одной половинѣ земель—немыслимо: что-же въ самомъ дѣлѣ мы будемъ дѣлать съ другой половиной? Очевидно, что переходъ къ раціональному хозяйству на одной половинѣ земель въ то время, когда кругомъ лежатъ большія пространства некультивируемыхъ земель, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгоденъ; а такъ какъ крестьяне получатъ только ограниченный надѣлъ, то имъ гораздо выгоднѣе будетъ снимать за громадныя цѣны землю гг. землевладѣльцевъ, нежели переходить къ раціональной обработкѣ. Этого собственно и нужно было добиться путемъ не особенно хитрыхъ разсужденій о раціональномъ хозяйствѣ. Вести раціональное хозяйство въ мѣстности, гдѣ необработанной земли еще такъ много, что ведется переложное хозяйство, было-бы научнымъ донкихотствомъ, очень дорого оплачивающимся. Всякая мѣстность имѣетъ для себя соотвѣтственную систему полеводства, наиболѣе выгодную въ данное время. Съ увеличеніемъ народонаселенія наступаетъ необходимость дальнѣйшаго развитія земледѣльческой культуры, но это развитіе должно касаться всѣхъ земель данной мѣстности. Требовать отъ крестьянъ улучшенныхъ системъ полеводства на ихъ ничтожныхъ надѣлахъ, въ то время когда кругомъ у землевладѣльцевъ громадныя пространства земли обработываются болѣе экстенсивно,—это значитъ стремиться разорить крестьянъ невыгодной операціей. «Образцовымъ хозяйствомъ, говоритъ г. Васильчиковъ, въ казенныхъ или общественныхъ фермахъ и училищахъ, или даже въ имѣніяхъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ нашъ крестьянинъ не довѣряетъ, и онъ отчасти правъ, такъ какъ многія изъ нихъ ве-

соціальная наука, стояли тогда за такую постановку вопроса. Благодаря-же господству того предразсудка, что знаніе и наука дѣлаютъ людей болѣе нравственными, легко было впасть въ ошибку излишняго довѣ-

---

дутся въ убытокъ». «Я сѣлъ на хозяйство, говоритъ бывшій профессоръ одного изъ нашихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, г. Энгельгардтъ, въ 1871 году, и, смѣю думать, достаточно подготовленный научно. Теперь, прохозяйничавъ одиннадцать лѣтъ, доведя хозяйство мое, по его производительности, до блестящаго состоянія, я говорю, что въ общемъ раздѣляю воззрѣнія мужика на хозяйство. Я считаю, что хозяйственныя воззрѣнія мужика, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, чрезвычайно раціональны, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы»... «Только агрономы-чиновники, да либералы, продолжаетъ тотъ-же авторъ не понимающіе сути дѣла, могутъ думать, что крестьянамъ слѣдуетъ измѣнить трехпольную систему и замѣнить ее многопольною съ травосѣяніемъ»... «Я на основаніи научныхъ соображеній, на основаніи многолѣтней практики, въ одинъ голосъ съ мужикомъ говорю что мы должны вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахивать пустующія земли». (См. «Изъ деревни». А. Н. Энгельгардта). «Старыя формы полеводства, говоритъ А. Ермоловъ въ книгѣ своей «Организація полеваго хозяйства», во многихъ случаяхъ удерживаются не только вслѣдствіе одной рутинности и незнанія нашихъ хозяевъ, какъ у насъ обыкновенно утверждаютъ, но и весьма часто по вполнѣ разумнымъ причинамъ» (стр. 36). Разумѣется, мы и не думаемъ говорить, что никакихъ улучшеній въ земледѣліи не требуется. Развитіе земледѣльческой культуры должно идти рядомъ съ увеличеніемъ народонаселенія и развитіемъ другихъ сторонъ нашей жизни. Въ одномъ мѣстѣ земледѣльческая культура можетъ стоять на рубежѣ между хищническимъ, переложнымъ или лядиннымъ хозяйствомъ и трехпольной системой, а потому и переходъ къ ней былъ-бы выгоденъ; въ другомъ — еще нечего и думать о

рія къ культурно-интеллигентному слою. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было ни придти къ тому выводу, что культурно-интеллигентный слой будетъ больше стараться объ осуществленіи общенародныхъ интересовъ, нежели невѣжественная масса, если знаніе и наука дѣлаютъ людей болѣе нравственными, т. е. болѣе заботливыми о чужомъ благѣ? А громаднѣйшее большинство мысля-

трехпольной системѣ, и самою выгодною оказывается именно лядинная, какъ это доказало хозяйство г. Энгельгардта; въ третьемъ—могутъ быть введены нѣкоторыя улучшенія въ трехпольную систему и т. д. Для перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія прежде всего, кромѣ большого количества рабочихъ силъ, требуется большая порція капитала для затраты на землю. Вотъ этого-то капитала и недостаетъ у нашего крестьянина. Непосильные налоги истощаютъ не только его мошну, но и заставляютъ продавать скотъ, т. е. одно изъ необходимѣйшихъ орудій сельско-хозяйственной промышленности. Говорить объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія — немыслимо, пока налоги отнимаютъ у него все, оставляя только скудную долю для поддержанія впроголодь его собственнаго существованія. Уменьшеніе налоговъ, сопровождающее увеличеніе надѣла, можетъ дать возможность крестьянамъ хоть нѣсколько оправиться и запастись капиталомъ, необходимымъ для улучшенія культуры земель. Но, прибавимъ, улучшенія эти, пока, еще могутъ быть только такъ ничтожны, что думать о возможности поглощенія всего крестьянскаго труда его собственнымъ нынѣшнимъ надѣломъ еще очень и очень рано. А потому и необходимо прибѣгнуть къ мѣрамъ увеличенія надѣла для избавленія ихъ отъ эксплуатаціи землевладѣльцевъ. При этомъ нужно руководствоваться принципомъ, предложеннымъ г. Васильчиковымъ: крестьянскій надѣлъ долженъ быть соразмѣренъ съ рабочими силами крестьянства. (См. «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г.).

щихъ людей прошлаго времени было одержимо именно этимъ доктринерскимъ предразсудкомъ. Но такъ какъ пріобрѣтеніе знаній требуетъ отъ человѣка затраты извѣстнаго капитала, то на практикѣ выходило, что люди знанія и науки были вмѣстѣ съ тѣмъ и людьми достаточными. Поэтому, подыскивая практическое мѣрило для измѣренія способности личности къ участію въ управленіи общественными дѣлами, нашли, что лучшее мѣрило и есть имущественный цензъ. Разумѣется, въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи уже видна нѣкоторая натяжка, но если тутъ и дѣлается ошибка, то довольно незначительная, которую были вправѣ игнорировать практическіе дѣятели.

Опытъ разрушилъ всѣ эти доктринерскія соображенія, ясно доказавъ, что «образованные и достаточные классы», заполучивъ кормило государственнаго управленія въ свои руки, соображаются больше всего съ своими классовыми интересами, игнорируя нужды не только народа, но и большинства общества. Переходъ власти въ руки буржуазныхъ классовъ сопровождался вездѣ тенденціей лишить народъ и той ничтожной доли экономической независимости, какую онъ имѣлъ. Говорятъ, буржуазные классы все-таки много способствовали развитію свободы личности, науки, печати, вѣроисповѣданія и т. п.,—въ этомъ есть извѣстная доля правды, хотя и меньшая, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Но не надо забывать, что буржуазные классы, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесли страшную неурядицу въ экономическія отношенія. Самое поощреніе науки и печати со стороны буржуазныхъ классовъ отразилось на этихъ по-

слѣднихъ невыгоднымъ образомъ: обѣ онѣ получили чуть-ли не исключительно буржуазное направленіе [1]). Далѣе, весь прогрессъ народной жизни былъ сосредоточенъ на прогрессѣ производства, необходимость-же соотвѣтственнаго прогресса въ распредѣленіи была затушевана, оставлена въ тѣни. Неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ стала усиливаться не по днямъ, а по часамъ. Въ концѣ-концовъ оказалось громадное накопленіе богатствъ въ рукахъ буржуазіи и нищета рабочихъ классовъ. Въ то-же время, радикальныя партіи, продолжая логически-односторонне развивать программу либераловъ, добились политическаго полноправія для рабочихъ классовъ. И теперь на Западѣ громаднѣйшее большинство личностей находится въ странномъ положеніи: онѣ вполнѣ свободны и полноправны въ юридическомъ отношеніи и въ то-же время находятся въ фактическомъ рабствѣ у буржуазіи, благодаря экономическому строю, неприкосновенность котораго либералы отстаиваютъ съ величайшимъ ожесточеніемъ, посмѣиваясь, конечно, въ душѣ надъ политическими правами экономически-порабощенной массы.

Такимъ образомъ, прогрессъ европейскихъ обществъ шелъ, благодаря вліянію культурно-интеллигентныхъ классовъ, ненормальнымъ путемъ, развивая только одну политическую сторону ихъ жизни, да и то подъ влія-

---

[1]) Риль говоритъ, что сибаритство составляетъ отличительный признакъ большей части нѣмецкихъ публицистовъ. (Гражданское общество. В. Г. Риля. Стр. 348).

ніемъ радикализма, а не либерализма. Экономическая-же сторона жизни нетолько не совершенствовалась въ смыслѣ распредѣленія, а, наоборотъ, несмотря на громадное усиленіе накопленія богатствъ, все болѣе и болѣе ввергала рабочіе классы въ экономическое рабство. Имѣемъ-ли мы право считать подобный прогрессъ, подвергающій большинство народа всѣмъ матеріальнымъ и духовнымъ пыткамъ экономическаго рабства, за нѣчто нормальное и справедливое? Разумно-ли было-бы съ нашей стороны повторять опытъ западно-европейскихъ народовъ съ предоставленіемъ буржуазіи исключительнаго права на руководство жизнью русскаго народа, имѣя ясныя доказательства, что эти классы способны дать только эгоистическое направленіе общественной жизни?

Разумѣется, въ средѣ нашего культурнаго класса нашлось-бы незначительное меньшинство, одушевленное истинно общественно-народными стремленіями; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при господствѣ буржуазіи, оно было-бы затерто, подавлено, осталось-бы безъ всякаго вліянія на жизнь. Поэтому, если у этого меньшинства есть что сказать народу, есть чему поучить его, то не лучше-ли заранѣе позаботиться о томъ, чтобы между нимъ и народомъ не было никакихъ преградъ, вродѣ господско-колупаевскаго режима?

Кажется, въ наше время можно-бы уже понимать съ достаточною ясностью, что либерализмъ совсѣмъ не есть ближайшая станція прогресса, какъ склонны думать многіе, а напротивъ — ведетъ въ сторону отъ столбовой дороги прогресса, приводя къ невылазной трущобѣ.

нападать на коренную фальшъ этого ученія, изобличать его несостоятельность по отношенію къ прогрессу — не значитъ вести междоусобную войну, не значитъ нападать на прогрессъ: это значитъ только смотрѣть шире и глубже, значитъ умѣть отличать обманчивый миражъ отъ настоящаго живительнаго источника. А либерализмъ — именно обманчивый миражъ, и тѣмъ онъ опаснѣе. Недостатки бюрократіи у всѣхъ на глазахъ; недостатки либерализма — скрытые, тайные. Опытъ другихъ народовъ и собственная наша мысль указываютъ на его опасность. Надо-ли закрывать на нее глаза? Тѣмъ болѣе это опасно, что либерализмъ начинаетъ овладѣвать многими органами нашей прессы: «Напрасно увѣряютъ, писалъ Евгеній Марковъ въ журналѣ «Русская Рѣчь» за 1879 годъ, что буржуа—такая-же очередная новѣйшая монополія, какъ и побѣжденныя ею средневѣковыя монополіи. Нѣтъ, торжество буржуа есть окончательное разрѣшеніе въ принципѣ вопроса общественной справедливости!» Недавно либеральные публицисты подняли агитацію противъ государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ классовъ [1]). Однихъ они хотятъ убѣдить, что государственное вмѣшательство опасно по своимъ будто-бы чрезмѣрно прогрессивнымъ тенденціямъ; другимъ

[1]) „Король никогда не можетъ покровительствовать народу, говоритъ Макіавели, не вооружая противъ себя вельможъ“ (см. „Монархъ“, соч. Ник. Макіавели. Стр. 130). Фабриканты-капиталисты и заводчики—это тѣ-же вельможи современной жизни; либеральные-же публицисты—защитники ихъ интересовъ въ литературѣ.

они внушаютъ, что это—только орудіе мрака и застоя которагo нужно избѣгать во имя либерализма и прогресса. Эти двулицые Янусы, имѣя ввиду только интересы буржуазіи, прпноравливаютъ свою аргументацію соотвѣтственно тому, съ кѣмъ они говорятъ. Изъ устъ ихъ, обращенныхъ къ бюрократіи, льются слова: вы возбуждаете баснословныя надежды, вы заигрываете съ такой опасной силой, которая способна погубить въ будущемъ нетолько буржуазію, но и весь существующій строй; бросьте этотъ путь и помогите намъ, ибо мы истинные столбы порядка и государства. Въ то-же самое время на лицѣ, обращенномъ къ прогрессивной публикѣ, разлита коварная улыбка съ ироническимъ подмигиваніемъ по направленію къ бюрократіи, выражающимъ: не вѣрьте въ государственный соціализмъ, ибо отъ бюрократіи намъ ждать нечего; какъ-бы вы ни думали о самомъ государственномъ соціализмѣ, но вы должны признать, что бюрократія ни къ чему не способна; безтактно было-бы съ вашей стороны говорить о государственномъ вмѣшательствѣ на пользу народныхъ массъ, когда вы видите, что въ настоящее время все находится въ рукахъ бюрократіи; государственный соціализмъ будетъ вреденъ уже потому, что онъ государственный. Эта хитрая аргументація подѣйствовала на тѣхъ, кто не былъ способенъ замѣтить, что либеральные публицисты противопоставляютъ государственному соціализму государственный либерализмъ и ничего больше. Отвращаясь отъ идеи государственнаго вмѣшательства въ пользу народныхъ массъ, этимъ самымъ мы способствуемъ утвержденію уже су-

ществующаго факта государственнаго либерализма, т. е. государственнаго-же вмѣшательства въ пользу буржуазныхъ классовъ: банкировъ, промышленниковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, торговцевъ и т. д. Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь общества существовало всегда, и не только у насъ, но и во всѣхъ обществахъ; только это вмѣшательство выражалось главнымъ образомъ въ покровительствѣ капиталистическому производству и считалось настолько нормальнымъ, что ученые люди не считали его даже за вмѣшательство. Только тогда, когда поднялись голоса о необходимости направить могущество государства на пользу рабочихъ массъ, стали употреблять терминъ «государственное вмѣшательство», какъ будто-бы до тѣхъ поръ государство не касалось экономической жизни общества и не покровительствовало извѣстнымъ слоямъ его.

Слѣдовательно, можно сказать, что борьба идетъ между государственнымъ либерализмомъ, дѣйствовавшимъ у насъ до послѣдняго времени, и государственнымъ соціализмомъ, стремящимся только измѣнить объектъ государственнаго покровительства: фабрикантовъ и крупныхъ промышленниковъ замѣнить рабочими классами. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы усилить власть бюрократіи съ тою цѣлью, чтобы она вмѣшалась въ экономическую жизнь народа (такъ какъ этой властью она уже владѣетъ искони), а только о томъ, чтобы убѣдить бюрократію употреблять свою власть не на пользу капиталистическаго производства, но для поддержанія экономической независимости рабочихъ классовъ. Было-бы вполнѣ глупо и безтактно не пользо-

ваться силой бюрократіи, разъ она существуетъ. Какъ-бы мы ни смотрѣли на роль бюрократіи въ общественномъ организмѣ, но мы не имѣемъ права предоставлять могущественное воздѣйствіе этой силы на экономическую жизнь общества въ пользу капиталистическаго производства, какъ этого добиваются либеральные публицисты. Конечно, еслибы государство избрало себѣ другое орудіе воздѣйствія, напримѣръ, земство (разумѣется, не нынѣшнее), вмѣсто существующей нынѣ бюрократіи, то дѣло было-бы поставлено не въ примѣръ лучше; но вѣдь намъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ не только для будущаго времени, но и для настоящаго, при которомъ орудіемъ управленія въ рукахъ государства служитъ бюрократія. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ: должна-ли бюрократія замѣнить нынѣшнюю свою экономическую политику вмѣшательства въ пользу капиталистическаго производства другою, или нѣтъ? Либеральные публицисты, защищая нынѣ существующій государственный либерализмъ, трактуютъ вопросъ такъ, какъ будто у насъ теперь нѣтъ никакого бюрократическаго вмѣшательства, и нападаютъ на «народную политику», указывая прогрессистамъ, что въ настоящее время она будетъ проводиться ни кѣмъ инымъ, какъ бюрократіей. Какъ извѣстно, бюрократическое управленіе не пользуется у насъ симпатіей общества, а потому и нападки на него сыплются особенно часто. Либерализмъ твердо воспринялъ эту общественную антипатію и суетъ ее теперь совершенно некстати въ вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ. Такъ какъ дѣло идетъ не о внесеніи н о в а г о начала въ

нашу жизнь—государственнаго вмѣшательства, а только о замѣнѣ одной его формы другою, болѣе благопріятною рабочимъ массамъ. Сомнѣнія насчетъ государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ могли-бы имѣть основаніе только тогда, еслибы у насъ въ настоящее время господствовалъ порядокъ невмѣшательства государства въ экономическую жизнь; но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Бюрократія нигдѣ и никогда не могла удержаться отъ воздѣйствія на экономическую жизнь общества, да это и немыслимо ни въ какомъ государствѣ. Всѣ ученія о государственномъ невмѣшательствѣ прикрываютъ только существующій фактъ вмѣшательства въ пользу буржуазныхъ классовъ; такого же невмѣшательства добиваются и либеральные публицисты. Всякій, кто говоритъ, что государство не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь общества, пока орудіемъ его управленія служитъ бюрократія, послужитъ только идеѣ государственнаго либерализма, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что бюрократія никогда не откажется, да и не можетъ отказаться, отъ вмѣшательства,—она только будетъ употреблять его втихомолку для насажденія капиталистическаго производства. Разумѣется, бюрократическое воздѣйствіе никогда не можетъ достигать цѣли въ той мѣрѣ, въ какой этого могутъ достигнуть другія формы управленія, напримѣръ, истинно-земское; но дѣло вѣдь, какъ мы уже говорили, не въ этомъ. Къ сожалѣнію, намъ приходится выбирать въ настоящее время только между двумя направленіями политики: бюрократическимъ вмѣшательствомъ на пользу капиталистическаго производства, давно практикующимся у насъ и

извѣстнымъ подъ неправильной кличкой государственнаго невмѣшательства, и бюрократическимъ-же вмѣшательствомъ въ пользу интересовъ рабочихъ массъ, противъ котораго поднимаютъ вопли либеральные публицисты, указывая на мнимую опасность этой политики для государства съ одной стороны и для общественнаго прогресса — съ другой. Такъ какъ въ настоящее время бюрократія еще не сдана государствомъ въ архивъ, то было-бы вполнѣ нецѣлесообразно уступать ея силу и вліяніе на экономическую жизнь народа въ пользу государственнаго либерализма, т. е. на взрощеніе у насъ государствомъ капиталистическаго производства, и не попытаться убѣдить ее, что въ ея собственныхъ интересахъ будетъ гораздо полезнѣе не помогать образованію буржуазіи, которая, обездоливая народъ какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, въ то же время всегда и всюду «подбирается къ кассѣ», какъ выражается либеральный публицистъ г. Л. Полонскій, т. е. садится на мѣсто бюрократіи. Съ точки зрѣнія интересовъ народа, замѣна бюрократическаго управленія буржуазнымъ не имѣетъ никакой цѣны, а между тѣмъ по опыту извѣстно, что она достается народу цѣною потери экономической независимости, безъ которой не бываетъ и независимости юридической. Многіе утверждаютъ, будто замѣна бюрократическаго управленія буржуазнымъ есть необходимое условіе дальнѣйшаго прогресса, такъ какъ-де буржуазное управленіе есть «естественная необходимая ступень» въ общественномъ прогрессѣ; но подобное утвержденіе, какъ мы уже говорили, ни на чемъ не основано,

и русскому народу незачѣмъ сознательно лѣзть въ буржуазную петлю только на томъ основаніи, что нѣсколькимъ заблуждающимся теоретикамъ эта петля кажется необходимой.

На этомъ основаніи мы считаемъ, что всякій, возстающій противъ государственнаго вмѣшательства въ настоящее время только на томъ основаніи, что оно будетъ проводиться въ жизнь бюрократическимъ управленіемъ, похожъ на ту сороку, которая, затвердивъ Якова, твердитъ его про всякаго. Онъ не понимаетъ, что его усилія могутъ вести только къ тому, чтобы бюрократическое вмѣшательство шло своимъ традиціоннымъ путемъ и не измѣняло его направленія въ пользу рабочихъ классовъ. Принципъ оппозиціи бюрократическому управленію не можетъ требовать того, чтобы мы не старались пользоваться силой бюрократіи на пользу народа до самаго послѣдняго момента ея существованія, — иначе мы будемъ не защитниками народныхъ интересовъ, а людьми только рисующимися своей оппозиціей во вредъ насущнымъ нуждамъ народа.

До сихъ поръ у насъ многіе наивные, хотя и искренніе друзья народа косо посматриваютъ на попытки критически отнестись къ либерализму, какъ къ извѣстной теоріи общественнаго устройства и развитія. Главное затрудненіе, которое испытывается въ борьбѣ съ либерализмомъ, состоитъ въ томъ, что многіе записываются въ либеральный лагерь, не будучи либералами. Мы не можемъ, конечно, угоняться за всѣми подобными недоразумѣніями и, говоря о либерализмѣ, обыкновенно имѣемъ въ виду то болѣе или менѣе сложившееся ученіе,

которое какъ въ нашей, такъ и въ западной литературѣ извѣстно подъ именемъ либерализма [1]). Въ этомъ

[1]) Нѣкоторые защитники либерализма говорятъ, что слово либерализмъ происходитъ отъ liberare — освобождать, а слѣдовательно логика требуетъ, чтобы либерализмъ охватывалъ собою всякаго рода освобожденіе, въ томъ числѣ и экономическое. На нашъ взглядъ, это мнѣніе страдаетъ большою натяжкою, такъ какъ объ общественныхъ партіяхъ необходимо судить не по кличкамъ, а по дѣйствіямъ и стремленіямъ. Какъ-же описываютъ либераловъ эти честные защитники либерализма, которые очевидно больше дорожатъ словомъ, нежели содержаніемъ? Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1883 г. мы читаемъ слѣдующее: „Достигнувъ своей главной цѣли — освобожденія отъ грубаго феодальнаго режима — либералы на материкѣ Европы пожелали господствовать въ свою очередь и стали отдавать предпочтеніе своимъ спеціальнымъ интересамъ передъ общенародными. Сохраняя свое популярное названіе, они дѣйствовали уже какъ консерваторы и усвоили себѣ политическіе пріемы, совершенно несогласные съ логическими основами либерализма. Устранивъ насилія и стѣсненія свыше, они сами, взобравшись на арену власти, пошли по тому-же пути легальнаго произвола по отношенію къ низшимъ классамъ". Далѣе „Вѣстникъ Европы" говоритъ про Австрію, что тамъ „давно уже подъ либеральнымъ флагомъ фигурируютъ приверженцы подавленія народностей, враги равноправности и самоуправленія, продажные дѣльцы политики и журналистики". По словамъ автора статьи, „слово либералъ сдѣлалось синонимомъ самодовольной пассивности и голаго отрицанія реформъ въ пользу сельскаго и городского пролетаріата". Таковъ либерализмъ въ жизни, въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ теоретиковъ. Честные защитники либерализма не отрицаютъ фактовъ; они только стараются доказать, съ своей логическо-филологической точки зрѣнія, что подъ словомъ либерализмъ можно подразумѣвать и вполнѣ народническія стремленія. Разумѣется, возражать

ученія есть немало симпатичныхъ чертъ, которыя и составляютъ его казовую сторону, привлекающую многихъ изъ тѣхъ, кто не желаетъ заглянуть въ существо самаго ученія, въ его изнанку. Возставая противъ либерализма, мы указывали, что народничество считаетъ непреложными истинами тѣ изъ положеній либерализма (въ родѣ свободы слова, мысли и личности), которыми онъ старается прикрыть свои темныя стороны. Мы только старались доказать, что путь къ этимъ благамъ лежитъ не черезъ либерализмъ, такъ какъ юридическая свобода личности является только фикціей, если она не поддержана экономической независимостью. Между тѣмъ либерализмъ заботится именно объ удовлетвореніи политическихъ потребностей народа, оставляя экономическія въ тѣни. Считая подобныя тенденціи вредными вообще, а особенно въ Россіи, гдѣ онѣ оказываются въ противорѣчіи съ прямыми, ясно выраженными интересами народа и всего государства, мы и

противъ этого намъ нечего, такъ какъ по нашему мнѣнію дѣло идетъ не о логическо-филологическихъ построеніяхъ, а о томъ, что вложила въ терминъ „либерализмъ" дѣйствительная жизнь. И мы совершенно не понимаемъ, на какомъ основаніи эти честные либералы защищаютъ загрязненный терминъ, стараясь втиснуть въ него новое содержаніе. А что терминъ этотъ запачканъ, въ этомъ сознается и „Вѣстникъ Европы", объясняя, что „дурная слава" о либерализмѣ перекочевала въ нашу печать изъ западной литературы. Спрашивается: зачѣмъ-же понадобилось производить путаницу въ головахъ читателей тѣмъ изъ защитниковъ либерализма, которые подразумѣваютъ подъ этимъ именемъ народническія воззрѣнія? Неужели-же изъ сентиментальной любви къ термину „либерализмъ"?

доказываемъ полную несостоятельность у насъ либерализма. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что мы отрицаемъ политическія нужды народа? Очевидно, —нѣтъ, тѣмъ болѣе что сами противники наши (то-есть наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ) уже признали, что народничество заключаетъ въ себѣ лучшія стороны либерализма. Къ счастью, ходъ развитія общественной жизни мало-помалу вынуждаетъ сторонниковъ либерализма показывать обществу нетолько свою лицевую сторону, но и изнанку. Люди болѣе знакомые съ этой теоріей уже давно указывали на то, что подъ блестящей внѣшностью ея скрывается защита экономическаго рабства труда и господства капитала. Ихъ обличенія встрѣчались многими недовѣрчиво потому, что сами либералы, много говоря о свободѣ печати, вѣроисповѣданія и т. п. прекрасныхъ вещахъ, затушевывали свои экономическія теоріи громкими словами «свобода торговли», «свобода договорныхъ отношеній», «свобода промышленности» и т. п. Наивные люди, увлекаясь громкими фразами, не замѣчали, что подъ словомъ «свобода» скрывается проповѣдь невмѣшательства государства, или вообще общества, въ отношенія труда къ капиталу. Либерализмъ учитъ, что экономическій порядокъ современныхъ обществъ построенъ на гармоніи интересовъ рабочаго и капиталиста, а потому и требуетъ невмѣшательства въ ихъ отношенія, т. е. «свободы экономическихъ отношеній». Насколько лицемѣренъ въ этомъ случаѣ либерализмъ — можно видѣть изъ того, что столкновенія труда съ капиталомъ учащаются не по днямъ, а по часамъ.

Талантливѣйшій представитель западно-европейскаго бюрократизма, графъ Бисмаркъ, прекрасно понялъ общественную роль либерализма и сталъ защищать бюрократизмъ отъ нападокъ либераловъ тѣмъ же пріемомъ, какимъ руководствовались прежде либералы, т. е. выставляя его защитникомъ общенародныхъ интересовъ. Но онъ взялъ подъ свое покровительство не юридическую сторону общественнаго прогресса, а экономическую, которую либералы всѣми силами стараются игнорировать. Этимъ стратегическимъ пріемомъ онъ сразу выяснилъ всю фальшь либерализма по отношенію къ экономическому прогрессу, который особенно озабочиваетъ главную массу народонаселенія — рабочіе классы. Быть можетъ, весь планъ военной кампаніи графа Бисмарка противъ либерализма сведется на то, чтобы смирить властолюбіе либеральной буржуазіи, показавъ ей, что бюрократизмъ имѣетъ возможность подорвать въ корнѣ основу силы либеральной буржуазіи — капиталистическій строй экономической жизни. Либералы и толкуютъ объ этомъ рабочимъ классамъ, доказывая, что единственная цѣль Бисмарка — укрѣпленіе бюрократизма. Но каковы-бы ни были сокровенныя цѣли кампаніи противъ либерализма, нельзя не видѣть, что раздоръ либерализма съ бюрократизмомъ можетъ быть только выгоденъ для экономическихъ стремленій массы. Дѣло въ томъ, что бюрократизмъ, по своимъ основнымъ принципамъ, правильно понятымъ, не можетъ быть врагомъ какой-бы то ни было экономической формы. Онъ можетъ ужиться со всѣми ими, оставаясь господиномъ въ обществѣ, такъ какъ заботится по преимуществу

только о политическомъ господствѣ; на экономическую-же сторону жизни онъ можетъ мало обращать вниманія, такъ какъ его власть не зависитъ отъ той или другой формы экономическаго производства. Другое дѣло — либерализмъ; онъ связалъ свою судьбу съ извѣстнымъ экономическимъ строемъ, основаннымъ на капиталистическихъ началахъ. Сила либеральной буржуазіи основана на томъ, что въ ея рукахъ находится львиная доля производства страны. Всякій ударъ, направленный на капиталистическое производство, жестоко отражается на положеніи буржуазіи, а слѣдовательно и либерализма.

Борьба западнаго либерализма съ западнымъ бюрократизмомъ отразилась и въ нашей литературѣ. Наши западники стараются забѣжать впередъ, объясняя пагубность мѣропріятій графа Бисмарка. Они тонко намекаютъ, что такъ называемая «народная политика», стремившаяся «поднять экономическій бытъ народа», можетъ повести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ она обѣщаетъ то, чего государство не въ состояніи выполнить. Тутъ, какъ видите, повторяется старая исторія. Какъ извѣстно, крѣпостники тоже доказывали, что освобожденіе крестьянъ поведетъ къ «гибельнымъ послѣдствіямъ». Думаемъ, что такая эгоистическая политика будетъ понята и что бюрократизмъ не дастся въ обманъ. Если для либерализма будетъ гибельной экономическая политика, старающаяся поддержать самобытный строй русскаго производства, основанный на общинныхъ и артельныхъ началахъ (такъ какъ этимъ самымъ подорвется развитіе капиталистическаго производства), то для бюрократизма подобнаго рода политика

можетъ быть только выгодной, ибо она способствуетъ подавленію либеральной буржуазіи, направляя ходъ развитія общественнаго прогресса главнымъ образомъ на экономическую его сторону.

Можетъ явиться вопросъ: будетъ-ли это согласно съ интересами всего общества? Выгодно-ли предпочесть развитіе экономической стороны прогресса развитію его юридической стороны? На это необходимо замѣтить, что счастье людей нельзя опредѣлять объективно; оно прямо зависитъ отъ ихъ субъективныхъ воззрѣній и временныхъ потребностей. Несомнѣнно, что главная масса нашего общества, т. е. тѣ слои его, которые обыкновенно называются «народомъ», стремятся прежде всего къ упроченію своего экономическаго благосостоянія и независимости; понятно, что съ ихъ точки зрѣнія развитіе экономической жизни стоитъ на первомъ планѣ. Поэтому нельзя сомнѣваться, что симпатіи народа будутъ не на сторонѣ либеральной буржуазіи, а на сторонѣ бюрократизма, разъ онъ выставитъ знамя экономическихъ реформъ.

Неособенно давно, такъ называемая, «народная политика», — не то метеоромъ, не то блудящимъ огонькомъ,—промелькнула по русскому горизонту и исчезла... Впрочемъ, исчезла не безслѣдно, — враги ея до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ о ней, какъ о политикѣ, способной «разнуздать звѣря» («Голосъ») и «внушить народу надежды, которыя государство будто-бы не будетъ въ состояніи исполнить» («Новости»). Строго говоря, «народная политика» не оставила по себѣ фактиче-

сѣвхъ результатовъ и вопли ея враговъ объясняются ихъ опасеніями за будущее.

Дѣло въ томъ, что на Западѣ бюрократизмъ понялъ, какую крѣпкую позицію можетъ занять онъ, при защитѣ своего существованія отъ напирающихъ на него представителей состоятельно-интеллигентнаго класса, если выставитъ знамя «народной политики». Онъ узналъ, наконецъ, о существованіи глубокой общественной розни между рабочими классами и капиталистами, и захотѣлъ воспользоваться этой рознью съ цѣлью усмирить буржуазно-либеральныя поползновенія на участіе во власти надъ народомъ. Для этого ему необходимо было показать, что онъ готовъ стать на сторону рабочихъ классовъ въ ихъ экономической распрѣ съ капиталистами. Уже Наполеонъ III сталъ, съ этой цѣлью, заигрывать съ рабочими и даже допустилъ существованіе во Франціи «интернаціональнаго общества рабочихъ», которое такъ пугаетъ нынѣшнихъ буржуазно-республиканскихъ правителей ея. Болѣе счастливый его соперникъ, Бисмаркъ, послѣдовалъ, недавно, его примѣру и взялъ подъ свое покровительство нѣкоторыя экономическія требованія рабочихъ. Буржуазный либерализмъ былъ страшно испуганъ подобнымъ стратегическимъ пріемомъ и лицемѣрно сталъ кричать, что «народная политика» ведетъ государство къ соціальному перевороту, что Бисмаркъ неразумно играетъ съ огнемъ и т. д и т. д. Но канцлеръ знаетъ, что «вельможи (фабриканты заводчики, владѣльцы крупныхъ капиталовъ и предпріятій—настоящіе вельможи современности) хотятъ господствовать, а на-

родъ доволенъ, когда его не притѣсняетъ и требуетъ только справедливости» [1]).

Извѣстно, что русскіе интеллигентные люди привыкли издавна посматривать на общественные порядки Запада, какъ на образецъ для копировки русскихъ общественно-бюрократическихъ затѣй. Не удивительно поэтому, что у насъ найдутся и такіе западники, которые захотятъ подражать политикѣ Наполеона и Бисмарка. Это-то и предусматриваетъ другая группа западниковъ, которая, наоборотъ, хотѣла-бы насадить въ нашемъ отечествѣ капиталистическое производство, а слѣдовательно устранить господство бюрократизма и замѣнить его господствомъ буржуазіи. Публицисты этой послѣдней группы, съ свойственной имъ прозорливостью, замѣтили опасность и забили тревогу: они пугаютъ русскій бюрократизмъ тѣми-же красными призраками, какими ихъ нѣмецкіе товарищи стараются запугать, если не самого Бисмарка, то хотя-бы правящіе классы общества.

Намъ, стоящимъ далеко отъ этой эгоистически-партіонной борьбы и смотрящимъ на всю эту сутолоку съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ, — ясно, что обѣ партіи дѣйствуютъ во имя собственныхъ интересовъ и всуе упоминаютъ слово «народъ». Съ точки зрѣнія благосостоянія народа, стоятъ на одной доскѣ, какъ господство бюрократизма, такъ и господство либеральной буржуазіи; и трудно было-бы, на нашъ взглядъ, рѣшить вопросъ: кому изъ нихъ отдать предпочтеніе?

---

[1]) «Монархъ». Сочин. Ник. Макіавели. Перев. Фед. Затлера. Стр. 60.

Если бюрократизмъ готовъ взять подъ свое покровительство нѣкоторые экономическіе интересы народа, то за то онъ оставляетъ въ тѣни его духовные интересы: буржуазный-же либерализмъ, наоборотъ, готовъ, повидимому, удовлетворить эти послѣдніе, но отнюдь не думаетъ о серьезномъ улучшеніи экономическаго положенія трудящихся классовъ. Такимъ образомъ, оба они порознь односторонне разрѣшаютъ общественную задачу, такъ какъ стараются каждый объ удовлетвореніи только той стороны потребностей человѣка, которая связана съ ихъ интересами, какъ двухъ антагонистическихъ общественныхъ группъ. Кромѣ того, напрасно думаютъ, что народъ можетъ быть экономически обезпеченъ, хотя-бы его духовные интересы были неудовлетворены: извѣстная свобода личности есть необходимый факторъ экономической обезпеченности. Но и духовныя потребности народа не могутъ быть удовлетворены помимо экономическаго обезпеченія его; только тогда рабочій можетъ быть нравственно независимъ, когда онъ—независимъ экономически. Это прекрасно поняли рабочіе классы. На Западѣ экономически-зависимые рабочіе классы принуждены подчиняться буржуазнымъ классамъ и юридическая ихъ независимость дѣлается фикціей, благодаря давленію капитала.

Въ современной борьбѣ своей съ бюрократизмомъ либерально-буржуазные публицисты проповѣдуютъ свою давнишнюю лживую выдумку, что общество (государство) не должно вмѣшиваться въ порядокъ экономическихъ отношеній, такъ какъ своимъ вмѣшательствомъ оно только путаетъ этотъ, кѣмъ-то предустановленный, по-

рядокъ, что ведетъ только къ гибельнымъ послѣдствіямъ и нарушаетъ его «естественность». На первый взглядъ это мнѣніе можетъ не показаться столь нелѣпымъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Происходитъ это отъ того, что мы привыкли предпочитать «естественность» «искусственности» на основаніи изученія цѣлаго ряда фактовъ физіологіи, психологіи и т. п. Но, спрашивается, что можно считать «естественнымъ» въ общественной области? Мы готовы предпочесть «естественность» общественныхъ отношеній ихъ «искусственности», но необходимо рѣшить основный вопросъ: что въ обществѣ естественно? Т. е. нарушается-ли естественность общественныхъ отношеній вмѣшательствомъ общества въ эти отношенія своихъ отдѣльныхъ членовъ или нѣтъ? Но, вѣдь, если мы рѣшимъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что естественность общественныхъ отношеній нарушается общественнымъ вмѣшательствомъ, то необходимо должны заключить, что общество не должно вмѣшиваться и вообще во всѣ общественныя отношенія, т. е. не вмѣшиваться не только въ экономическія, но и юридическія отношенія между личностями. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что только одна часть общественныхъ отношеній между личностями подчинена какому-то, предустановленному помимо воли людей, «естественному» закону, который и нарушается общественнымъ вмѣшательствомъ, а другая часть — нѣтъ. Говорить о томъ, что экономическія отношенія развиваются на основаніи естественнаго закона, юридическія-же ему не подчиняются,—значитъ впадать въ такую нелѣпость и противорѣчіе, которыя ясны

для всякаго человѣка, мало-мальски задумывавшагося надъ вопросомъ о происхожденіи и развитіи общественныхъ отношеній. Почему-же либерально-буржуазные публицисты утверждаютъ, что общество не должно вмѣшиваться только въ экономическія отношенія и, наоборотъ, вмѣшиваться въ юридическія? Дѣло очень просто: первое выгодно для буржуазіи, второе—нѣтъ [1]).

[1]) Необходимость общественной защиты рабочаго отъ капиталистовъ видна изъ слѣдующихъ фактовъ. Увѣчья, производимыя машинами, по словамъ г. Погожева, несравненно чаще случаются въ Россіи, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ его лазаретныя воспоминанія, какъ врача, участвовавшаго въ сербской и русско-турецкой войнѣ, совершенно блѣднѣютъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ тѣми катастрофами, которыя случаются почти изо-дня въ день на русскихъ фабрикахъ и заводахъ. На шести бумагопрядильныхъ мануфактурахъ Московскаго уѣзда, при численности фабричнаго населенія въ 6,900 чел., втеченіе одного года, по больничнымъ книгамъ и записямъ фельдшеровъ, было 683 травматическихъ поврежденій, что составляетъ 10% общаго числа рабочихъ, причемъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мануфактурахъ процентъ травматическихъ поврежденій, легкихъ и серьезныхъ, доходилъ до 20—22% общаго числа рабочихъ. Между тѣмъ въ русско-турецкую войну 1877 — 78 гг наша дунайская армія понесла убыль ранеными въ строю 13½% всего числа. Ужасная параллель между фабричными обыденными катастрофами (не говоря уже объ экстраординарныхъ казусахъ, вродѣ пожаровъ на фабрикахъ Гивартовскаго, Хлудова, Бѣлишева и т. п.), которыя совершаются у насъ въ Россіи въ мирное время, и между самыми кровопролитными войнами, которыя, къ счастью, разражаются такъ рѣдко,—далеко не можетъ быть названа, по словамъ г. Погожева, явленіемъ нормальнымъ. (А. В. Погожевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи).

Для выясненія этого, представимъ себѣ, что общество перестало вмѣшиваться въ юридическія отношенія отдѣльныхъ своихъ членовъ, предоставивъ ихъ на волю какого-то небывалаго «естественнаго» закона, нарушающагося будто-бы этимъ вмѣшательствомъ. Этимъ самымъ общество отказалось-бы отъ своей задачи охранять отдѣльныхъ членовъ и каждый изъ нихъ долженъ былъ-бы бороться, надѣясь только на собственныя силы. Слѣдовательно, всѣ общественно-юридическія учрежденія были-бы уничтожены: закрыты суды, уничтожена полиція и т. д. и т. д. Сильные физически люди, или ихъ группы, господствовали-бы безпрестанно надъ большинствомъ, а тогда плохо-бы пришлось и самой буржуазіи, ибо ея капиталы были-бы отняты у нея физически сильными, по всѣмъ правиламъ мнимаго естественнаго закона. Если-бы Англія, напримѣръ, такъ сильно вліявшая на распространеніе мысли о невмѣшательствѣ общества въ общественно-экономическія отношенія, захотѣла-бы примѣнить эту истину и къ другой половинѣ общественныхъ отношеній—юридическимъ отношеніямъ, – то организованныя общества рабочихъ могли-бы безъ всякаго труда предписывать и заработную плату, и вообще всѣ экономическія отношенія по своему произволу, ибо тогда они являлись-бы силой, передъ которой, по мнимому естественному закону, были-бы безсильны капиталисты, фабриканты и вообще предприниматели. Почему-же, спрашивается, гг. буржуазно-либеральные публицисты не требуютъ того, чтобы общество не ограждало гг. предпринимателей войсками и полиціей, а предоставило все дѣло есте-

ственному теченію? Единственный отвѣтъ: потому что это невыгодно буржуазіи. Они—ея слуги, а не общества, и готовы коверкать истину въ угоду буржуазіи. Мы увѣрены, что это единственный мотивъ, побуждающій ихъ такъ нагло проповѣдывать двоякое отношеніе общества къ одному и тому-же предмету—общественнымъ отношеніямъ отдѣльныхъ членовъ общества. Они не только не идіоты, а можно сказать: умные люди, и ихъ проповѣдь нельзя отнести на счетъ недомыслія и незнанія. Они прекрасно понимаютъ, что для буржуазіи выгодно вмѣшательство въ юридическія отношенія, такъ какъ она не является физически сильной, и не выгодно вмѣшательство въ экономическія отношенія, гдѣ она является во всеоружіи капитала и не нуждается въ защитѣ [1]).

[1]) Общественное вмѣшательство въ промышленную дѣятельность необходимо не только для защиты экономически слабыхъ отъ угнетеній экономически сильныхъ, но и ради очищенія этой дѣятельности отъ всякаго рода нарушеній общественныхъ интересовъ. Насколько необходимъ общественный контроль надъ промышленностью, въ этомъ отношеніи, можно видѣть, между прочимъ, изъ заявленія одного суконнаго фабриканта, просившаго фабричнаго инспектора довести до свѣдѣнія правительства о необходимости законодательнаго запрещенія кнопа, т. е. подмѣси шерстяной пыли къ сукну и другимъ валянымъ тканямъ, что сильно развилось въ послѣднее время на нашихъ суконныхъ фабрикахъ и наноситъ огромный ущербъ потребителямъ (преимущественно низшимъ классамъ народа), доставляя имъ негодный малоноскій товаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кнопъ вредитъ развитію суконнаго производства вообще, подрывая многихъ производителей, которые не рѣшаются или не желаютъ работать съ кнопомъ. Это заявленіе тѣмъ болѣе имѣетъ вѣса, что само лицо, его сдѣ-

Искренніе же люди не могутъ проповѣдывать подобнаго двоякаго значенія общественнаго вмѣшательства и, видя необходимость его въ юридической области для огражденія слабаго отъ сильнаго, должны логически заключить, что общество должно ограждать слабаго отъ сильнаго и въ экономическихъ отношеніяхъ. Такъ называемая «естественность» общественныхъ отношеній отнюдь не можетъ нарушаться вмѣшательствомъ общества, ибо самое это вмѣшательство есть необходимое условіе понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. Общественныя отношенія, какъ юридическія, такъ и экономическія, начинаются только съ періода, когда отдѣльные люди вступаютъ между собою въ сношенія, обусловленныя не ихъ личнымъ произволомъ, а находящіяся подъ контролемъ, посторонняго ихъ волѣ, обычая, закона. До установленія этого общественнаго контроля надъ сношеніями отдѣльныхъ членовъ не могло быть и рѣчи объ общественныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, общественный контроль, т. е. общественное вмѣшательство есть необходимое условіе общественныхъ отношеній и эти послѣднія безъ него немыслимы, т. е. для общества оно «естественно» и было-бы неестественнымъ противное.

Либерально-буржуазные публицисты, проповѣдуя не-

лавшее, работаетъ съ кнопомъ, не считая возможнымъ оставить это производство единичными усиліями, благодаря конкуренціи пока правительство не постановитъ для того общаго запрещенія (Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882 — 1883 годъ фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ московскаго округа И. И. Янжула).

вмѣшательство общества въ экономическія отношенія, стараются дѣлать видъ, будто-бы не понимаютъ, что безъ общественнаго вмѣшательства немыслимы никакія экономическія отношенія. На самомъ дѣлѣ, они стремятся только къ тому, чтобы принципъ существующей формы общественнаго вмѣшательства остался сохраненнымъ до вѣка, ибо эта форма оказалась выгодной для буржуазіи и создала ее.

Достаточно взглянуть на одну изъ главныхъ силъ современной экономической жизни—кредитъ, чтобы понять всю нелѣпость разговоровъ о возможности, въ наше время, экономическихъ отношеній безъ общественнаго вмѣшательства. Кредитъ есть сила, рождающаяся только въ обществѣ. До сихъ поръ общество отдавало свое произведеніе только въ руки буржуазіи, на ея потребу; либеральные публицисты хотятъ удержать этотъ неестественный порядокъ, требуя, чтобы общество не смѣло отдавать свою экономическую силу на нужды рабочихъ классовъ народа. Никто изъ нихъ не кричалъ о вредѣ общественнаго вмѣшательства въ то время, когда государство стало путемъ государственнаго банка снабжать кредитомъ торговцевъ и промышленниковъ и не кричитъ теперь по поводу введенія кредита для землевладѣльцевъ по solo-векселямъ. Но достаточно было государству устроить ничтожный по размѣрамъ кредитъ для крестьянъ устройствомъ поземельнаго крестьянскаго банка и поднялся вопль о вредѣ общественнаго экономическаго вмѣшательства. Либеральные публицисты забываютъ при этомъ, что они должны были-бы

требовать устраненія кредита для всѣхъ сословій, иначе они ужь черезъ-чуръ явно высказываютъ въ невыгодномъ свѣтѣ свое безпристрастіе.

Такъ какъ «народная политика» имѣла въ виду поднять экономическій бытъ народа путемъ увеличенія размѣра земельныхъ надѣловъ и, воспользовавшись тѣмъ, что въ русской литературѣ было давно теоретически подготовлено рѣшеніе этого труднаго вопроса, быстро двинула его по пути практическаго исполненія,—то либеральные публицисты забили тревогу и высказались по этому вопросу гораздо яснѣе, нежели дѣлали это прежде, когда не боялись, что народническія теоріи получатъ практическое осуществленіе. Извѣстный либеральный публицистъ, г. Л. Полонскій, въ газетѣ «Новости» сталъ слѣдующимъ образомъ пугать русское правительство и наши правящіе классы: «Отъ предоставленія рабочимъ, почином власти государственной, орудій производства—не только уже въ теоріи, но и на практикѣ—только одинъ шагъ до «организаціи народнаго труда», до «національныхъ мастерскихъ» или чего-либо въ этомъ родѣ» [1]) Пугало соціальной революціи выдвигается либеральнымъ публицистомъ по поводу того, что государство не хочетъ отказать крестьянамъ въ томъ, въ чемъ не отказываетъ промышленникамъ и торговцамъ. Если принять во вниманіе, что сумма кредита, отпущенная крестьянамъ, ничтожна, сравнительно съ тѣмъ, что дается и дастся промышленникамъ и землевладѣльцамъ, то будетъ ясно, что буржуазно-либеральные публицисты

---

[1]) „Новости“ за 1883 г. № 150.

больше борятся противъ самаго принципа, нежели изъ боязни его практическихъ результатовъ. Мы, въ свою очередь, защищая этотъ актъ правительственной «народной политики», говоримъ только за принципъ, легшій въ его основѣ, не ожидая, чтобы его практическіе результаты могли существенно удовлетворить требованіямъ жизни.

Формулируя все нами вышесказанное о либерализмѣ, мы утверждаемъ, что онъ, несмотря на свою проповѣдь свободы вѣроисповѣданія, науки, мысли и слова, а также, и юридической свободы личности, — все-таки является однимъ изъ самыхъ вредныхъ общественныхъ ученій, такъ какъ подъ прикрытіемъ этого прекраснаго флага, старается объ усиленіи существующей экономической зависимости. Экономическое-же рабство, имъ проповѣдываемое, уничтожитъ все благодѣтельное дѣйствіе юридическихъ свободъ, по крайней мѣрѣ для рабочихъ классовъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что юридическая свобода, проповѣдуемая либерализмомъ — весьма ограничена и что напрасно многіе у насъ смѣшиваютъ либерализмъ съ радикализмомъ, который былъ его дальнѣйшимъ односторонне-логическимъ развитіемъ.

Переходъ отъ бюрократическаго порядка къ культурно-либеральному многимъ представляется не только желательнымъ, но и вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ. О тѣхъ, кому онъ желателенъ изъ чисто-эгоистическихъ разсчетовъ, то-есть, кто стремится замѣстить бюрократію своею собственною персоной, гово-

рить, разумѣется, нечего — ихъ побужденія вполнѣ понятны. Но въ числѣ сторонниковъ этого порядка есть и такіе, которые, не сочувствуя ему по существу, полагаютъ, однакоже, что только при его посредствѣ мы можемъ достигнуть полнаго осуществленія истинно-народной политики. На нашъ взглядъ, это—глубокое заблужденіе, совершенно неоправдываемое тою ролью, какую играютъ въ Россіи культурные классы и правительство. Не говоря уже о томъ, что разъ господство надъ народомъ попадаетъ въ руки культурныхъ классовъ, они становятся прямо заинтересованными въ томъ, чтобы удержать его за собою навсегда,—слѣдуетъ помнить, что культурные классы въ Россіи не имѣютъ ровно никакого политическаго значенія, и что передача въ ихъ руки власти надъ народомъ могла-бы быть совершена только самимъ правительствомъ. Если-же это такъ, то спрашивается: какой-же интересъ правительству создавать, вмѣсто бюрократіи, новаго посредника между собою и народомъ въ лицѣ культурно-цензоваго общества? Не проще-ли, не естественнѣе-ли, не выгоднѣе-ли для него прямо опереться на народную массу, которая, къ тому-же, глубоко ему предана и только отъ него одного ждетъ серьезнаго удовлетворенія своихъ нуждъ? Такимъ образомъ, переходъ отъ бюрократическаго порядка къ народной политикѣ представляется у насъ осуществимымъ весьма легко, безъ всякаго посредства господскаго либерализма, который, напротивъ, могъ-бы только затормазить дѣло. Мало того, онъ-бы нанесъ и государству страшный вредъ, какъ это можно видѣть на опытѣ примѣненія его хотя-бы къ нашимъ окраи-

намъ. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, къ чему-бы повело господство культурныхъ классовъ, напримѣръ, въ юго-западномъ краѣ.

Какъ извѣстно, населеніе этого края состоитъ изъ русскаго или, точнѣе, малорусскаго племени, но культурные классы тамъ въ большинствѣ состоятъ изъ польскихъ пановъ и шляхтичей. Эти носители культуры издавна стремились къ денаціонализированію населенія, къ превращенію русскаго края въ одну изъ польскихъ провинцій. Нельзя отрицать того, что ихъ старанія имѣли нѣкоторый успѣхъ; но въ концѣ концовъ всѣ ихъ усилія окончились ополяченіемъ только культурныхъ людей Малороссіи, народъ-же упорно сопротивлялся всѣмъ ихъ стараніямъ, тѣмъ успѣшнѣе, что «панъ», т.-е. враждебная экономическая и политическая сила, въ его понятіи, слился съ «полякомъ», т.-е. силой, враждебной русской національности. Послѣднее столкновеніе культурныхъ классовъ юго-западнаго края съ народомъ произошло въ послѣднее польское возстаніе. Поляки, дѣйствуя по принципу господства культурныхъ классовъ надъ народомъ, считали этотъ край своимъ достояніемъ и подняли въ немъ знамя возстанія, но должны были горько разочароваться: русскій народъ принялъ горячее участіе въ преслѣдованіи польско-шляхетскаго движенія и самъ, по своей инціативѣ, хваталъ польскихъ пановъ и предавалъ въ руки правительства. Въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго пониманія истинныхъ интересовъ страны, такъ какъ ожидать отъ польскихъ пановъ чего-нибудь добраго было-бы слишкомъ наивно. Это подтверждается и тѣмъ, что немногочисленная кучка интел-

лигентныхъ малорусскихъ патріотовъ стала тоже во враждебныя отношенія къ польско-шляхетскому движенію. Правда, поляки не скупились на обѣщанія, но они, очевидно, не имѣли никакого значенія; это подтверждается ихъ отношеніемъ къ той части русскаго народа, которая имѣетъ несчастіе быть подъ ихъ властью. Какъ извѣстно, въ Галиціи малорусскому населенію приходится бороться съ поляками изъ-за сохраненія своей національности, опираясь при этомъ на центральное нѣмецкое правительство. Если бы теперь наше правительство, согласившись осуществить господско-либеральный порядокъ, отдало малорусскій народъ юго-западнаго края подъ культурную руку польско-шляхетской части населенія, то этимъ оно не только нанесло-бы ущербъ экономической жизни народа, но и способствовало-бы ополяченію края. Неужели-же этого заслужилъ малорусскій народъ, нѣсколько вѣковъ отстаивающій свою самобытность? Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ предположенія подобнаго рода просто нелѣпы. Наше правительство еще недавно выражало энергическое желаніе ослабить значеніе польскаго элемента въ краѣ, но, къ сожалѣнію, тогда оно не нашло истиннаго пути къ этому: вмѣсто того, чтобы поднять значеніе въ краѣ народа, оно стало насаждать тамъ русскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и русскихъ чиновниковъ, чѣмъ, разумѣется, цѣль не была достигнута. Поправить старую ошибку не трудно, но нужно твердо помнить, что единственное средство избавить край отъ ополяченія есть общенародное самоуправленіе.

Еще болѣе гибеленъ принципъ господства культур-

ныхъ слоевъ надъ народомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь, вмѣсто стойкой, упрямо-энергической отрасли русскаго племени, малоруссовъ, мы имѣемъ робкое и податливое племя бѣлоруссовъ. Польское панство и шляхетство тоже и здѣсь играютъ роль культурныхъ слоевъ. Неужели-же, съ точки зрѣнія общерусскихъ интересовъ, была-бы пріятна національная гибель этого племени, отданнаго подъ высокую руку культурныхъ пановъ? Недавно въ печати появилось извѣстіе, что поляки обращаются къ кружкамъ бѣлорусской молодежи съ увѣщаніемъ соединиться для поддержанія своихъ племенныхъ особенностей. Но подобнаго рода дѣйствія, очевидно, исходятъ изъ той малочисленной группы польской молодежи, которая ставитъ для себя на первомъ планѣ угнетенную личность, къ какой-бы національности она ни принадлежала; польское-же панство отнюдь не способно терпимо относиться къ попыткамъ бѣлоруссовъ и навѣрное считаетъ вышеприведенный польскій совѣтъ измѣной польскому дѣлу. Такимъ образомъ, и въ сѣверо-западномъ краѣ введеніе принципа господства культурныхъ классовъ надъ народомъ было-бы гибельно не только въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, но и въ національномъ.

Обратимся къ окраинѣ, сосредоточивающей на себѣ въ настоящее время особенное вниманіе русскаго общества,—именно, къ прибалтійскимъ губерніямъ. Культурный слой ихъ состоитъ изъ нѣмцевъ, народъ-же составляютъ литовско-латышскія и финскія племена. Въ тѣ времена, когда культурный классъ составлялъ собою все, а народъ былъ ничто, эти губерніи считались

нѣмецкими даже въ глазахъ русскаго общества и правительства. Понятно, что нѣмцы еще болѣе были увѣрены въ этомъ. Когда они задумали объединить свой фатерландъ, то стали исподтишка поглядывать и на этотъ край. Только съ тѣхъ поръ, кажется, мы и поняли, что культурные слои нельзя принимать за весь народъ и что съ русской точки зрѣнія преступно помогать культурнымъ слоямъ онѣмечивать край и, такъ сказать, собственными руками подталкивать давнишнія русскія владѣнія къ нѣмецкому фатерланду. Но преступно это не только съ нашей національно-политической точки зрѣнія, а и съ точки зрѣнія интересовъ большинства населенія, которое борется съ нѣмецкими культуртрегерами не только за свои политическія права и экономическое благосостояніе, но и за національныя особенности. Тотъ, кто стремится внести въ наши общественныя учрежденія уваженіе къ правамъ личности, не имѣетъ права игнорировать ея національныхъ потребностей. А потому мы и должны сочувствовать національному возрожденію населенія прибалтійскихъ губерній и помогать ему, насколько это возможно. Сдѣлать-же это мы можемъ не путемъ внесенія въ нашу жизнь господства культурныхъ классовъ, такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ и теперь господствуетъ культуртрегеръ, а поднятіемъ значенія самого народа, освобожденіемъ его отъ гнета регламентаторовъ. Этимъ мы сразу убьемъ двухъ зайцевъ: удовлетворимъ справедливымъ требованіямъ населенія и оградимъ край отъ онѣмеченія, т. е. удовлетворимъ требованіямъ государственнаго самоохраненія. Послѣднія распоряженія нашего правительства

по отношенію къ этому краю, какъ намъ кажется, указываютъ именно на его желаніе удовлетворить хоть нѣкоторымъ желаніямъ коренного народонаселенія прибалтійскихъ губерній. Намъ нельзя откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, такъ какъ ослабленіе нѣмецкаго элемента на окраинѣ, соприкасающейся съ Германіей, необходимо въ виду уничтоженія поползновеній къ международнымъ столкновеніямъ. Чѣмъ скорѣе мы докажемъ нѣмцамъ, что это край не нѣмецкій, тѣмъ будетъ лучше, а можемъ-ли мы этого достигнуть путемъ установленія господства культурныхъ классовъ надъ народомъ?

Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что проекты нашихъ либеральныхъ доктринеровъ по отношенію къ весьма крупной части Россіи просто невозможны. Во всей нашей западной окраинѣ осуществленіе этихъ проектовъ повело-бы къ ослабленію или чисто русскихъ элементовъ нашего государства, или болѣе благопріятныхъ намъ націй, и, слѣдовательно, было-бы гибельно не только для экономической и политической будущности массъ, но и для цѣлости русскаго государства. Поэтому думать о нихъ могутъ только эгоисты, которымъ нѣтъ никакого дѣла до жизненныхъ условій государства.

ГЛАВА IV.

Національные вопросы въ Россіи, включая и еврейскій.

Въ книгѣ своей «Основы народничества» мы писали, что «основное положеніе національзма заключается въ томъ, что всякая народность имѣетъ свои особенности и національныя черты, а потому ея жизнь и развитіе идутъ самобытнымъ путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ національзмъ утверждаетъ, что всякая народность имѣетъ право на существованіе и развитіе. Общечеловѣческая солидарность достигается, по мнѣнію истинныхъ націоналистовъ, не нивеллировкой націй, не обезличеніемъ ихъ, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ ихъ особенностей. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ народности, входящія въ составъ человѣчества, тѣмъ жизнь этого человѣческаго цѣлаго будетъ полнѣе и ярче во всѣхъ отношеніяхъ, подобно тому, какъ и въ отдѣльной народности солидарность достигается не нивеллировкой личностей, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ всѣхъ личныхъ особенностей.

Наши ретрограды стараются подмѣнить принципъ національзма, признающій равенство націй, своимъ ре-

троградным пониманіемъ его, при которомъ оказывается, что наша національность имѣетъ право и чуть-ли не обязана относиться къ другимъ самымъ хищническимъ образомъ. Такое пониманіе національма, конечно, нелѣпо и узко. На самомъ дѣлѣ, націонализмъ стремится только оградить права націй на самобытное развитіе и существованіе, а не разнуздать эгоистическія ихъ побужденія: наряду съ естественными національными эгоистическими стремленіями, онъ необходимо предполагаетъ и національный альтруизмъ. Руководствуясь національнымъ эгоизмомъ, нація защищаетъ свои права отъ всякаго рода нарушеній; подъ вліяніемъ-же національнаго альтруизма, она не нарушаетъ правъ другихъ. Эгоистическій націонализмъ, проповѣдуемый нашими ретроградами, способенъ внести въ нашу и европейскую жизнь только сѣмена раздора и разложенія. Подобно тому, какъ отдѣльныя личности не могутъ руководствоваться только эгоистическими наклонностями, а вносятъ въ свои отношенія къ другимъ альтруистическіе принципы, — такъ и націи не должны и не могутъ руководствоваться только національнымъ эгоизмомъ, а должны вносить въ свои отношенія альтруистическіе принципы. Истинный націонализмъ требуетъ уваженія правъ другихъ націй, а не попранія ихъ во имя своихъ хищническихъ поползновеній. Проповѣдники эгоистическаго націонализма были главными виновниками того отвращенія, которое замѣчается у многихъ по отношенію къ идеѣ о самобытности нашего общественнаго развитія.

Какъ проповѣдь личной независимости и необходи-

мости самобытнаго развитія для всякаго индивидуума человѣческаго рода не подразумѣваетъ подъ этимъ развитіе хищническихъ инстинктовъ личности, такъ и проповѣдь національной независимости и самобытности отнюдь не должна стремиться къ поощренію хищническихъ инстинктовъ націи. Основывать отношенія націй на эгоистическихъ началахъ—это значитъ въ концѣ концовъ вредитъ имъ. Этой-то истины и не могутъ понять проповѣдники эгоистическаго національзма».

Посмотримъ-же теперь, въ какой мѣрѣ практически-возможно примѣнить эти принципы къ современной жизни разныхъ національностей въ Россіи.

Политическое тѣло Россіи, какъ извѣстно, состоитъ изъ многихъ этнографическихъ элементовъ. Правда, большинство народовъ, входящихъ въ ея составъ, — сравнительно съ цементирующимъ великорусскимъ племенемъ,—малочисленно, но есть и крупные этнографическіе элементы: фины, поляки, малоруссы, бѣлоруссы, татары, литовцы, грузины, армяне и т. д. Поэтому нельзя не признать, что въ числѣ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики находится и вопросъ объ отношеніи господствующаго племени къ остальнымъ, какъ самостоятельнымъ этнографическимъ особямъ.

До сихъ поръ, этотъ вопросъ, въ большинствѣ случаевъ, ставится у насъ на совершенно ложную почву. Благодаря тому, что поляки, напримѣръ, стремились поддержать, наряду съ своей этнографической самостоятельностью, и политическую независимость, — многіе стали смѣшивать этнографическій сепаратизмъ съ политическимъ и преслѣдовать первый, во имя страха не-

редъ послѣднимъ. Но подобное смѣшеніе ни на чемъ не основано и можетъ вредно отразиться на интересахъ политическаго тѣла, фактически состоящаго изъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ. Думать, что политическое единеніе должно быть основано на этнографическомъ сліяніи, это значитъ увлекаться политическимъ романтизмомъ, недостижимой утопіей, во вредъ насущнымъ, современнымъ потребностямъ государства. Исторія фактически доказала живучесть племенныхъ особенностей, неподдающихся даже умѣлымъ усиліямъ къ ихъ сглаживанью: на нашихъ глазахъ возникла волна національнаго движенія, захватившая сначала романскіе и германскіе народы, а затѣмъ перешедшая и на славянъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что эта волна не перейдетъ и на финскія племена, разсѣянныя по всей сѣверной Россіи. Что-же должно предпринять при такихъ обстоятельствахъ наше господствующее племя?

Прежде всего необходимо рѣшить: можемъ-ли мы надѣяться на этнографическое объединеніе всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства? Быть можетъ, многіе скажутъ, что эта задача—не невозможна, такъ какъ мы видимъ подобные факты въ исторіи, напримѣръ, германскаго племени: многіе славянскія племена окончательно германизированы и вошли въ составъ нѣмецкаго племени. Но, надо принять во вниманіе, что эта германизація происходила въ варварскія времена крѣпостнаго права и феодальнаго безправія, когда люди были довольны и тѣмъ что сохра-

нялп свое жалкое существованіе. Опи тогда не моглп и мечтать о такой роскоши, какъ сохраненіе этнографическихъ особенностей; оттого-то мы видимъ, что въ тѣ времена этнографическая особь сохраняла свою неприкосновенность лишь тогда, когда обладала политической независимостью. Политически подчиненные, болѣе или менѣе ассимилировались съ господствующимъ племенемъ, хотя многіе изъ нихъ все-таки сохраняли свои этнографическія особенности, въ лицѣ низшихъ слоевъ народа. Когда для народовъ наступили лучшія времена, всѣ они вспомнили свою племенную обособленность и стали защищать ее съ такимъ жаромъ, какого никакъ не ожидали, такъ называемые, космополиты. И вотъ на нашихъ глазахъ происходятъ безпорядки въ Венгріи изъ-за того, на какомъ языкѣ написаны вывѣски на общественныхъ зданіяхъ: хорваты потребовали, чтобы въ ихъ странѣ употреблялся хорватскій языкъ, а не языкъ господствующаго племени—венгровъ. Венгерцы тоже, какъ извѣстно, не мало употребляли усилій для обособленія себя отъ нѣмцевъ. Галиційскіе русины борятся съ поляками, поляки съ нѣмцами и т. д. и т. д.

Всѣ эти факты доказываютъ, что народы весьма дорожатъ сохраненіемъ своей этнографической независимости и что было-бы неблагоразумно идти противъ этихъ стремленій, тѣмъ болѣе, что это бываетъ только вредно для политической связи народовъ. Нельзя не замѣтить того распространеннаго факта, что тамъ, гдѣ стараются задавливать этнографическія особенности племени, тамъ, тѣмъ самымъ, вызываютъ въ народѣ стрем-

леніе къ политической независимости, посредствомъ которой онъ старается обезпечить свою этнографическую обособленность. И наоборотъ, тамъ, гдѣ никто не стремится нарушить этнографическихъ правъ племени, оно легко мирится на политической связи съ чужимъ племенемъ; въ особенности, если ихъ общія политическія формы болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ ихъ нуждамъ. Прекраснымъ примѣромъ этого послѣдняго явленія можетъ быть отношеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Франціи; будучи на дѣлѣ нѣмецкими землями, онѣ не желаютъ принадлежать къ Германской имперіи, а всею душою стремятся къ французскому государству. Происходитъ это оттого, что Франція не стремилась насильно офранцузить нѣмцевъ этихъ земель, а потому и не трогала ихъ этнографическихъ особенностей: національные инстинкты, будучи удовлетворены этнографической независимостью, отнюдь не побуждали нѣмцевъ стремиться къ порванію политической связи, и эльзасцы съ лотарингцами могли вполнѣ безпристрастно оцѣнить преимущества французскаго политическаго строя.

Такимъ образомъ, поведеніе французскаго народа, щадившаго племенныя особенности нѣмцевъ, и не стремившагося обосновать политическій союзъ съ ними на этнографической ассимиляціи, въ концѣ-концовъ, оказалось болѣе политически мудрымъ, нежели поведеніе нѣмцевъ — напримѣръ, относительно поляковъ, которыхъ они своимъ стремленіемъ къ онѣмеченію бросаютъ даже въ наши, столь когда-то ненавистныя для поляковъ, объятія. Намъ кажется, мы вправѣ сказать, что

русскій народъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ его политическаго тѣла, способенъ отнестись также безпристрастно и справедливо (къ ихъ этнографическимъ требованіямъ), какъ и французы. Русскій народъ вообще неспособенъ къ національному хищничеству и никогда сознательно не стремился обрусить чужое племя. Оттого-то съ нимъ такъ легко уживаются самыя разнообразныя племена.

По мнѣнію англичанина Мэкензи Уоллэса, нѣтъ въ свѣтѣ человѣка болѣе добродушнаго и миролюбиваго, какъ русскій крестьянинъ. Это миролюбіе имѣло громадное вліяніе на всю исторію Россіи. Такъ, говоря о русской колонизаціи между Чудью, Уоллэсъ утверждаетъ, что отсутствіе религіознаго фанатизма очень облегчило русскую колонизацію въ сѣверной полосѣ, и въ особенности ему способствовало миролюбивое настроеніе русскаго крестьянина. Русскій крестьянинъ, говоритъ намъ авторъ, точно созданъ для мирной земледѣческой колонизаціи. Среди нецивилизованныхъ племенъ онъ добродушенъ, выносливъ, миролюбивъ, способенъ терпѣть крайній недостатокъ и отлично умѣетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. У него въ характерѣ вовсе нѣтъ высокомѣрнаго сознанія личнаго и національнаго превосходства и непреодолимаго стремленія къ господству, которое часто превращаетъ преклоняющихся передъ закономъ, свободолюбивыхъ британцевъ въ жестокихъ тирановъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ болѣе слабой расой. У него нѣтъ желанія управлять, и онъ вовсе не хочетъ обратить туземцевъ въ дровосѣковъ и водовозовъ. Онъ желаетъ

только получить нѣсколько десятинъ земли, которыя онъ могъ-бы самъ обработывать; и пока онъ можетъ спокойно работать, онъ не станетъ тревожить своихъ сосѣдей. Будь поселена на финской землѣ англо-саксонская раса, она, вѣроятно, уже завладѣла-бы землею и обратила-бы туземцевъ въ земледѣльческихъ рабочихъ. Русскіе поселенцы удовлетворились самымъ скромнымъ и самымъ безобиднымъ образомъ дѣйствій; они мирно поселились между туземнымъ населеніемъ и очень быстро слились съ нимъ [1]).

Націольнальное хищничество, слѣдовательно, не въ правахъ нашего народа. Только недавно, въ видѣ возмездія за возстаніе, многими интеллигентными русскими людьми проповѣдывалось обрусеніе поляковъ, но и эта вспышка быстро прошла, не оставивъ слѣдовъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что нѣкоторые изъ насъ, плохо зная распространеніе русскаго племени, принимаютъ мѣры, направленныя на располяченіе западнаго края, за обрусеніе его; поляки этого края, продолжая считать его, безъ всякаго основанія, польскимъ, тоже говорятъ о стремленіяхъ къ руссификаціи. На самомъ-же дѣлѣ, западныя губерніи населены въ сѣверной части своей бѣлоруссами и литовцами, въ южной-же — малороссами. Только высшій классъ этихъ губерній состоитъ изъ поляковъ и на этомъ основаніи тѣ, которые ставятъ народъ ни во что, считаютъ ихъ польскими. Слѣдовательно, мѣры, направленныя на располяченіе этого края, должны носить характеръ самозащиты отъ остат-

[1]) Мэкензи Уоллэсъ. Россія. Т. I.

ковъ польскаго господства, а не нападенія на чужую національность.

Принимая во вниманіе отсутствіе въ характерѣ русскаго народа хищническихъ поползновеній къ этнографическому поглощенію другихъ національностей, а также и тотъ фактъ, что нашъ историческій періодъ можно назвать временемъ возрожденія національностей, — мы должны прійдти къ тому заключенію, что въ настоящее время немыслимо стремиться къ этнографическому объединенію. Подобное стремленіе не только не усилило-бы политическую связь, а, напротивъ, было-бы способно породить разъединеніе, быть можетъ, не выгодное для обѣихъ сторонъ. Примѣръ отношенія Франціи къ Эльзасу и Лотарингіи долженъ быть каждую минуту передъ глазами нашихъ правящихъ классовъ. Удовлетвореніе этнографическихъ стремленій къ обособленію можетъ только способствовать усиленію политическихъ связей; задавливаніе-же ихъ способно внушить націи мысль о необходимости добиться политической независимости, съ цѣлью удовлетворить этнографическимъ стремленіямъ. Съ этой точки зрѣнія, мы посмотримъ, каковы должны быть наши отношенія къ финамъ, остзейцамъ, полякамъ, малоруссамъ и евреямъ.

Присматриваясь къ нашимъ отношеніямъ съ Финляндіею, Прибалтійскимъ краемъ и Польшей, мы замѣчаемъ, что роковая задача Россіи, по отношенію къ этимъ окраинамъ, состоитъ въ поддержаніи ихъ демократическаго элемента. Такъ, въ Финляндіи, во имя собственныхъ политическихъ интересовъ, мы должны поддерживать такъ называемую финоманскую

партію. Дѣло въ томъ, что Финляндія, не смотря на то, что населена финами, была нѣкогда составною частью Швеціи, а потому и ея высшій классъ состоитъ изъ шведовъ. Въ настоящее время, благодаря національному финскому движенію, въ ней образовалась партія финомановъ, утверждающая, что Финляндія должна быть финской землей. Понятно, что высшему классу это не особенно нравится, такъ какъ онъ состоитъ изъ шведовъ и ошведившихся финовъ Но, съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи, будетъ гораздо лучше, если Финляндія освободится отъ вліянія сосѣдней намъ державы, которая очень долго и много вредила нашимъ политическимъ интересамъ. Пока финляндцы носили на себѣ шведскій характеръ культуры, до тѣхъ поръ они считались частью шведскаго общества, насильно оторваннаго отъ шведскаго государства. Теперь-же, когда національное самосознаніе финовъ проснулось и они стали заявлять, вполнѣ справедливо, свои права на самостоятельное національное развитіе и указывать на свое нежеланіе обратить землю, населенную финами, въ часть шведской земли,— уже немыслимо считать Финляндію частью Швеціи, которая удерживается Россіей только силою. Такимъ образомъ, національное, демократическое движеніе въ Финляндіи было только на руку нашей политической связи съ нею и наши правящіе классы не должны забывать этого. Національная самостоятельность этой страны для насъ гораздо безопаснѣе, нежели тотъ порядокъ вещей, который господствовалъ до національнаго, финоманскаго движенія. Высшіе классы Финлян-

діи, принадлежа къ шведоманской партіи, были-бы не прочь скомпрометировать въ глазахъ нашего правительства національное финоманское движеніе; тутъ мы видимъ тѣ-же интриги, какія употребляютъ нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ, выставляя латышей, эстовъ, куровъ и ливовъ врагами общественнаго порядка вообще и Россіи въ частности. Къ сожалѣнію, вліяніе этихъ шведоманскихъ интригъ сказывается и на нашихъ газетахъ, по невѣдѣнію поддерживающихъ шведоманскую партію, распространеніемъ опасеній на счетъ финоманскаго движенія, будто-бы угрожающаго чуть-ли не существованію Россіи. Какой-то русскій, находясь, очевидно, подъ вліяніемъ шведоманскихъ интригъ, писалъ въ 1883 году въ «Новомъ Времени»: «Финскіе ученые получаютъ субсидіи отъ финляндской казны и ѣздятъ въ Эстонію, Ингерманландію, Карелію, къ зырянамъ, вогуличамъ, черемисамъ и мордвѣ и, пріѣзжая оттуда, говорятъ, что наши фины — тверды и черезъ 1000 лѣтъ не потеряли своихъ обычаевъ и языка. Они, изучая ихъ языкъ, учатъ ихъ финскому (?), вывѣдываютъ, выспрашиваютъ, раздаютъ имъ лютеранскія евангелія, псалмы, книжки, совѣтуютъ крѣпко держаться великой финской многомилліонной націи, которая заступитъ мѣсто Россіи и выходитъ на историческое поприще». Желаніе скомпрометировать финоманское движеніе въ глазахъ нашего общества является очевидной цѣлью этихъ словъ: это, какъ мы уже говорили, было-бы выгодно шведской партіи въ Финляндіи, но нашимъ русскимъ газетамъ надо было быть осмотрительнѣе въ этихъ вопросахъ, а не загребать жаръ въ пользу шведовъ. Намъ нечего

опасаться какого-то призрака могучаго финскаго государства, когда мы знаемъ, что финскія племена разсѣяны довольно малочисленными группами среди русскаго населенія [1]). Этнографическая-же обособленность этихъ

[1]) Съ цѣлью утѣшить проповѣдниковъ національнаго хищничества, мы напомнимъ слѣдующій фактъ.

По мнѣнію тамбовскихъ статистиковъ, приростъ крестьянскаго населенія Темниковскаго уѣзда совершается съ неодинаковою быстротою нетолько по группамъ этого населенія съ различною среднею величиною земельнаго надѣла, но еще и по отдѣльнымъ народностямъ крестьянъ уѣзда. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне уѣзда исключительно русскіе, а бывшіе государственные крестьяне состоятъ изъ мордвы, русскихъ и татаръ. Сравнивая приростъ населенія по тремъ народностямъ, мы получимъ слѣдующія цифры: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, принадлежащихъ къ русской народности, приростъ составляетъ немного болѣе 41%, у мордвы—около 22% и у татаръ—16%. Слѣдовательно, русская народность множится значительно быстрѣе, чѣмъ инородцы. Не надо упускать изъ виду, что у разноплеменныхъ общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ уѣзда земельные надѣлы въ среднемъ выводѣ почти одинаковы, а между тѣмъ населеніе собственно русскихъ общинъ этого разряда крестьянъ увеличилось вдвое больше, чѣмъ населеніе инородческихъ общинъ. У многихъ русскихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда землевладѣніе такъ ограничено, а слѣдовательно и условія жизни такъ стѣснительны, что замѣчается очень слабый приростъ населенія. Но и этого собственно русскаго разряда крестьянъ число душъ увеличилось въ среднемъ выводѣ не менѣе, чѣмъ у инородцевъ съ большими сравнительно надѣлами. А у самой значительной группы русскихъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ-собственниковъ прибыль душъ даже значительно выше, чѣмъ у мордвы и въ особенности у татаръ. Преобладающая русская народность, не имѣя никакого преимущества въ землевладѣніи, по какимъ-то другимъ, трудно

племенъ не можетъ повредить политической связи, какъ не вредитъ она теперь, хотя вогулы, зыряне и т. д. остаются вогулами и зырянами, а не русѣютъ, не смотря на вѣковую связь свою съ русскимъ государствомъ. Не финское движеніе опасно политическимъ интересамъ Россіи, а то, которое хочетъ оставить за Финляндіей характеръ шведской земли. Финляндцы прекрасно понимаютъ, что только благодаря тому, что они вошли въ составъ русскаго политическаго тѣла, они имѣли возможность такъ быстро сбросить съ себя иго шведской національности. Наше государство, способствуя національному возрожденію финовъ, только привяжетъ ихъ къ своему политическому союзу тѣми могучими нравственными связями, силу которыхъ мы видѣли на примѣрѣ Эльзаса и Лотарингіи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что наше государство предоставило Финляндіи такую долю политическихъ правъ и независимости, какою пользуется только Канада отъ англійскаго правительства. Авторъ статьи, направленной противъ

опредѣлимымъ, по заявленію статистиковъ, условіямъ, множится быстрѣе, чѣмъ инородцы, составляющіе въ уѣздѣ уже и теперь меньшинство населенія. Очевидно, что обрусѣніе уѣзда шло-бы гораздо быстрѣе, еслибы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне были поставлены въ такое-же положеніе по отношенію къ землевладѣнію, какъ и бывшіе государственные. (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Т. 4-ый).

Въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губ., по словамъ г. Чистякова, рождаемость у православныхъ 5,19%, а у магометанъ 3,57%. (О сифилисѣ въ крестьянскомъ населеніи. Д-ра М. А. Чистякова. Стр. 17).

финовъ, старается напугать русское общественное мнѣніе поѣздками ученыхъ финовъ, изучающихъ родственные имъ языки и старающихся поддержать этнографическую обособленность финскихъ племенъ, какъ будто поддержаніе и развитіе финскаго языка ведетъ къ отпаденію отъ политическаго съ нами союза. Но при подобномъ отношеніи къ дѣлу, мы должны были-бы прійти въ отчаяніе отъ предстоящихъ намъ бѣдъ: вѣдь не можемъ-же мы обрусить финовъ, татаръ, грузинъ и т. д. и т. д., а только при этомъ условіи, по мнѣнію легкомысленнаго автора, мы можемъ надѣяться на сохраненіе россійскаго государства. На какомъ-же основаніи можно утверждать, что политическій союзъ можетъ существовать только при условіи этнографическаго единенія, когда наше русское государство можетъ служить наглядпымъ примѣромъ противуположнаго? Опасаться-же за будущее можно было-бы только тогда, если-бы у насъ взяли верхъ господа, подобные автору вышеупомянутой статьи, стремящіеся сѣять раздоръ между племенами, до сихъ поръ уживающимися вполнѣ мирно. Проповѣдь хищнической національной политики можетъ насильно заставить задуматься чуждыя намъ племена: какимъ образомъ они могутъ сохранить свою этнографическую самостоятельность? — и тогда только они могутъ заключить, что имъ необходима для этого политическая независимость. На этомъ основаніи мы должны считать неразумныхъ проповѣдниковъ національнаго хищничества людьми, безсознательно внушающими нашимъ разноплеменникамъ мысль о тягости политическаго союза съ русскимъ племенемъ. Будемъ-же надѣяться, что

число этихъ неразумныхъ голосовъ не будетъ такъ велико, чтобы внушить имъ основательныя опасенія, и будетъ заглушено болѣе разумными и справедливыми мнѣніями. Намъ могутъ сказать, что Финляндія, несмотря на полное удовлетвореніе ея національныхъ инстинктовъ, все-таки стремиться къ извѣстной политической независимости. Но надо принять во вниманіе, что вопросъ о финляндской самостоятельности сильно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ ея сотни лѣтъ жилъ совсѣмъ въ иныхъ общественно-политическихъ условіяхъ, нежели мы, русскіе. Полное политическое сліяніе съ Россіей для Финляндіи было-бы тяжело, нестолько потому, что она лишилась-бы своей политической независимости (которой у нея и теперь, въ дѣйствительности, очень мало, такъ какъ она не играетъ никакой независимой роли въ международной жизни), сколько потому, что она должна была-бы подчиниться нашему общественно-политическому строю, ей совершенно чуждому и стоящему на болѣе низкой ступени развитія. Подобныхъ затрудненій не встрѣчается въ нашихъ отношеніяхъ ни къ полякамъ, ни къ современнымъ малоруссамъ, ни къ грузинамъ, ни къ литовцамъ, ни къ татарамъ, а тѣмъ болѣе къ разнымъ мелкимъ племенамъ. Нашъ общественно-политическій строй удовлетворяетъ ихъ ни менѣе, ни болѣе, какъ и самихъ великоруссовъ, а потому они и могутъ сообща вести дѣло дальнѣйшаго его развитія, съ возможнымъ приспособленіемъ его къ этнографическимъ особенностямъ каждаго изъ нихъ. Финляндія-же этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ ея общественно-политическій строй во

многихъ отношеніяхъ значительно прогрессивнѣе нашего, такъ что ей пришлось-бы не развиваться, а регрессировать. Впрочемъ, нельзя отвергать того, что въ будущемъ мы можемъ достигнуть такого развитія нашихъ общественно-политическихъ условій жизни, что Финляндія охотно пойдетъ съ нами рука объ руку въ общемъ намъ дѣлѣ развитія нашего государства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы родня съ ними, по показаніямъ исторіи. «Въ очень раннюю пору, говоритъ г. Забѣлинъ, произошло смѣшеніе племенъ русскаго славянства съ финскими племенами Веси, Мери, Муромы, Мещеры, въ одно новое племя, которое въ послѣдствіи стало именоваться великорусскимъ» [1]).

Перейдемъ теперь къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Здѣсь русскому государству предстоитъ таже роковая задача поддерживать демократическіе элементы, ради собственныхъ политическихъ интересовъ. Край этотъ населенъ латышами, эстами, курами и ливами, но господствующимъ, хотя сравнительно малочисленнымъ, племенемъ являются нѣмцы. Эти послѣдніе составляютъ высшій классъ этой страны и отчасти городское населеніе. По незнанію, а также и благодаря презрѣнію къ низшимъ классамъ, мы долго считали эту страну кровной нѣмецкой землей и всѣ усилія отдѣльныхъ голосовъ (Ю. Самаринъ) не могли заставить насъ измѣнить мнѣніе. Объясняется это, между прочимъ, и тѣмъ, что большое число остзейскихъ нѣмцевъ всегда находилось среди

---

[1]) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ив. Забѣлина. Часть I, стр. 32.

нашихъ правящихъ классовъ и старательно внушало, что Прибалтійскій край—нѣмецкая земля. Только недавно, со времени собиранія нѣмецкихъ земель графомъ Бисмаркомъ, мы стали понимать всю опасность предоставлять этой край нѣмецкому господству, тѣмъ болѣе, что со стороны нѣмцевъ появились претензіи на него. Тутъ мы вспомнили, что демократическіе элементы края уже давно добиваются отъ насъ защиты отъ онѣмеченія и нѣмецкихъ порядковъ. Присмотрѣвшись къ дѣйствительнымъ явленіямъ остзейской жизни, мы замѣтили глухую, но сильную борьбу кореннаго населенія съ нѣмецкими культуртрегерами; замѣтили мы и то, что это угнетенное населеніе возлагаетъ на насъ большія надежды. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что оно принимаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православіе, надѣясь, что тогда мы сильнѣе вступимся за него и оградимъ отъ нѣмецкихъ бароновъ и нѣмецкой культуры.

Какъ извѣстно, крѣпостное право было уничтожено здѣсь еще въ 1819 году, но при освобожденіи, крестьяне не получили земельнаго надѣла и теперь находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи. Реформа 1861 года, совершенная въ Россіи, является для нихъ показателемъ русскихъ порядковъ и они, будучи прельщены ею, надѣются, что правительство поможетъ имъ пріобрѣсть въ собственность земельный надѣлъ. Этимъ и объясняется ихъ беззавѣтная преданность Россіи, доходящая въ отдѣльныхъ случаяхъ до принятія православія. Такимъ образомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ національное возрожденіе кореннаго населенія осложняется надеждами избавиться отъ нѣмецко-баронскихъ соціаль-

ныхъ порядковъ. Повторяемъ, преданность ихъ Россіи— несомнѣнна, но бароны постоянно стараются выставить населеніе, наклоннымъ къ соціальному бунту и этимъ скомпрометировать передъ русскимъ правительствомъ. Нельзя отрицать того, что населеніе, обезземеленное нѣмецкимъ способомъ освобожденія крестьянъ, страшно озлоблено противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ оно видитъ не только враговъ своей національности, но и угнетателей своего матеріальнаго благосостоянія и независимости. Это доказывается и аграрными убійствами, которыя случаются въ Прибалтійскомъ краѣ, хотя и не въ такомъ числѣ, какъ въ Ирландіи. Спрашивается, каково должно быть наше отношеніе къ враждующимъ національностямъ Прибалтійскаго края? Намъ кажется, что единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ— только слѣдующій: мы должны стать на сторону кореннаго населенія, преданнаго Россіи и не посматривающаго ни на какую сосѣднюю державу. Сдѣлать это мы должны, какъ во имя собственныхъ политическихъ интересовъ, такъ и во имя справедливости. Нашъ политическій интересъ требуетъ сохраненія за Россіей такихъ портовъ, какъ Митава, Либава, Рига и т. д., а обладаніе ими мы вполнѣ обезпечимъ лишь тогда, когда у сосѣднихъ державъ не будетъ предлога претендовать на нихъ, какъ на нѣмецкую землю. Кромѣ того, мы это должны сдѣлать и во имя справедливости, которая требуетъ подать помощь угнетенной національности.

Несомнѣнно, что наше правительство могло-бы привязать къ Россіи коренное населеніе Прибалтійскаго края еще болѣе соціальными реформами, нежели покрови-

тельствомъ національному возрожденію. Для этого было-бы достаточно сдѣлать для прибалтійскихъ крестьянъ то, что было сдѣлано для польскихъ во время возстанія 1863 года. Тогда привязанность кореннаго населенія края была-бы на долго закрѣплена за нами и претензіи нѣмцевъ были-бы подрѣзаны въ самомъ корнѣ. Покровительство этнографическому сепаратизму кореннаго населенія этого края намъ необходимо для того, чтобы съ корнемъ вырвать у нѣмцевъ всѣ ихъ неосновательныя политическія поползновенія на этотъ край. Разумѣется, мы можемъ надѣяться просто на силу нашего оружія, но дѣло будетъ всегда вѣрнѣе, если мы успѣемъ привязать къ себѣ населеніе здравой политикой, какъ по отношенію къ его національному возрожденію, такъ и по отношенію къ соціальнымъ требованіямъ.

Что касается отношеній русскаго народа къ Польшѣ, то и здѣсь мы видимъ ту-же роковую задачу нашей политики — помогать демократическому элементу. Мы уже говорили, что многіе изъ русскихъ людей вплоть до возстанія поляковъ въ 1863 году, съ польскаго голоса, считали сѣверо-западный и юго-западный край за польскія земли. Дѣло въ томъ, что въ этихъ краяхъ высшій классъ былъ, дѣйствительно, польскій: онъ состоялъ или изъ поляковъ, или ополяченныхъ литовцевъ и малоруссовъ. Во время господства крѣпостного права никто не задумывался надъ тѣмъ, къ какой національности принадлежитъ крестьянское сословіе; знали, что помѣщики были поляки и рѣшили, что край — польскій. Только возстаніе 1863 года и отношеніе къ нему ко-

реннаго населенія края, вездѣ помогавшаго правительству ловить «пановъ» и «панычей», образумило наше общественное мнѣніе и только тогда мы окончательно поняли, что эти края — русскіе, за исключеніемъ Литвы [1]), которая отнюдь не принадлежитъ къ славянскимъ землямъ, какъ думаетъ г. Лихачевъ [2]). Но еще и до сихъ поръ многіе изъ насъ не знаютъ, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ находится русское народонаселеніе, малорусскаго племени,—это, такъ называемая, Холмская

---

[1]) Нечего и говорить, что Литва тоже имѣетъ право на этнографическую самобытность, а потому нельзя не порадоваться фактамъ, сообщаемымъ газетами о дѣйствіяхъ русской администраціи въ этомъ духѣ. Такъ въ 1885 г., виленскій генералъ-губернаторъ посѣщалъ въ Ковенской губерніи сельскія училища. Въ одномъ изъ литовскихъ училищъ генералъ-губернаторъ заставилъ мальчика прочитать Отче нашъ, и когда мальчикъ началъ читать молитву по-польски, то генералъ-губернаторъ приказалъ ему читать ее на литовскомъ языкѣ, замѣтивъ ему: «ты литвинъ, такъ зачѣмъ-же молишься по-польски, а не на своемъ языкѣ»? То-же самое повторилось и на Жмуди, гдѣ генералъ-губернаторъ упрекнулъ дѣтей, зачѣмъ они молятся не на своемъ родномъ, жмудскомъ языкѣ, а по-польски. Въ обѣихъ школахъ генералъ-губернаторъ строго приказалъ ксендзамъ отнюдь не сбивать съ пути дѣтей и каждаго изъ нихъ обучать религіи и молитвамъ на его родномъ языкѣ.

Слова эти, поясняетъ «Виленскій Вѣстникъ», служатъ выраженіемъ принципа — истреблять полонизмъ въ провинціяхъ литовскихъ и жмудскихъ, въѣвшійся тамъ въ плоть и кровь по милости польско-католической пропаганды и яраго фанатизма ксендзовъ, старающихся ополячить всѣ народности.

[2]) Самоубійство въ Западной Европѣ и Европ. Россіи. А. В. Лихачева. Стр. 62 и 63.

Русь. Еще предки малоруссовъ говорили: «Знай ляше по Санъ наше» [1]). Г. Костомаровъ говоритъ, что малорусскій народъ въ пѣсняхъ своихъ «начертываетъ какъ для іудеевъ, такъ и для поляковъ, границею рѣку Вислу; все пространство за этой рѣкою по направленію къ Руси онъ считаетъ своимъ, русскимъ достояніемъ» [2]). На этомъ основаніи, мы вправѣ сказать, что русскій народъ долженъ постараться поддержать этнографическія особенности русскаго племени, нѣкогда покореннаго поляками, и до сихъ поръ считающагося частью польской національности. Подобнаго рода политика будетъ только самозащитой со стороны русскаго племени: пусть польское будетъ польскимъ, но намъ не зачѣмъ имъ отдавать и свои кровныя земли. Тутъ мы должны замѣтить, что Холмская Русь, по этнографическимъ своимъ особенностямъ, принадлежитъ къ малорусскому племени, а потому намъ необходимо бороться съ польской культурой, стремящейся овладѣть этимъ краемъ, путемъ возрожденія малорусской литературы, такъ какъ великорусскій языкъ для тамошнихъ крестьянъ будетъ почти также чуждъ, какъ и польскій.

Но стремленіе располячить тѣ русскія земли, которыя издавна были подчинены бывшему польскому государству, не должно переходить въ поползновеніе обрусить чисто польскія земли. Это только вредитъ нашимъ политическимъ связямъ съ этой стра-

[1]) Рѣка Санъ, притокъ рѣки Вислы.

[2]) Исторія казачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества. Н. И. Костомарова («Русская Мысль» 1883 г., № 7).

ной и не можетъ повести къ дѣйствительному обрусѣнію. Мы, напротивъ, должны постараться помочь полякамъ, какъ славянамъ, въ ихъ борьбѣ съ нѣмецкими вліяніями и выставить ихъ аванпостами славянства противъ движенія нѣмцевъ на Востокъ. А для этого мы должны помогать развитію польской культуры, а слѣдовательно и польскаго языка. Впрочемъ, лучшій способъ борьбы съ нѣметчиной будетъ тотъ, который былъ употребленъ Милютинымъ для борьбы съ польской революціей, — улучшеніе экономическаго и нравственнаго быта крестьянства и рабочихъ классовъ. Польскіе крестьяне были лично свободны за долго до освобожденія крестьянъ у насъ, но земли они не имѣли и обрабатывали панскую, платя чиншъ (оброкъ). Во время возстанія 1863 года, наше правительство надѣлило ихъ землею и такимъ образомъ положило основаніе новому экономическому порядку въ Польшѣ. Не будь польскаго возстанія и мы, можетъ быть, не додумались-бы до необходимости этой мѣры, нанесшей ударъ въ самое сердце возстанія: крестьянское населеніе перешло на сторону тѣхъ, кто дѣйствительно дѣлалъ благодѣяніе, а не сулилъ журавля въ небѣ. Изъ этого историческаго примѣра можно ясно видѣть, чѣмъ мы можемъ привязать большинство польскаго населенія къ русскому государству. Если-бы для городскихъ рабочихъ классовъ было сдѣлано столько, сколько для крестьянъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и они перешли-бы на сторону тѣхъ, кто желаетъ политическаго союза съ Россіей.

Поддержка экономическаго благосостоянія рабочихъ

польскихъ классовъ необходима не только для того, чтобы внушить имъ, что политическая связь съ Россіей не противорѣчитъ ихъ интересамъ, но и съ цѣлью дать имъ возможность бороться, какъ мы уже говорили, съ нѣмецкимъ нашествіемъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ руки нѣмцевъ переходитъ много земли въ Польшѣ; но всегда это бываетъ помѣщичья, а не крестьянская земля; слѣдовательно, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія необходимо и для того, чтобы земля не переходила въ нѣмецкія руки. Извѣстно, что многіе фабрики и заводы тоже находятся въ рукахъ нѣмцевъ, а потому необходимо противодѣйствовать онѣмеченію рабочаго населенія, ставя его въ независимое положеніе отъ хозяина, т. е. способствуя ему самому сдѣлаться хозяиномъ.

Особенно щекотливъ, по нашему мнѣнію, малорусскій вопросъ. Многіе изъ русскихъ интеллигентныхъ людей, даже изъ такихъ, которые готовы вполнѣ справедливо отнестись къ полякамъ, финамъ, грузинамъ и т. п.,—совершенно отрицаютъ разумность малорусскаго національнаго движенія, считая его не дѣломъ малорусскаго народа, а кучки интеллигентныхъ людей, не знающихъ-бо, что творятъ. Обыкновенно, они настаиваютъ на неразумности заводить отдѣльную малорусскую литературу при существованіи обще-русской, въ сокровищницу которой вносили свои силы не одни великоруссы, а и малоруссы. Нечего и говорить, что для всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго племени было-бы экономнѣе имѣть одну литературу, которая при этомъ могла-бы быть гораздо обильнѣе и богаче,—будучи продук-

томъ большаго количества интеллигентныхъ людей и поддерживаемая многомилліонной массой читателей. Быть можетъ, что это такъ и будетъ, если мы съумѣемъ вести себя такъ, чтобы не раздражать національныхъ инстинктовъ и этимъ не отталкивать ни малоруссовъ, ни бѣлоруссовъ отъ трудовъ на пользу обще-русской литературы. Великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій языки такъ близки другъ къ другу, что при дружественныхъ отношеніяхъ этихъ племенъ, они легко въ будущемъ сольются въ одномъ руслѣ обще-русскаго языка. Но намъ нельзя игнорировать существованіе ихъ различія въ настоящее время. Крестьянинъ-малоруссъ все-таки плохо понимаетъ великорусскую рѣчь, а потому и вправѣ требовать, чтобы къ нему обращались на его родномъ и понятномъ для него языкѣ. Малорусскіе дѣти, получая первоначальное образованіе, должны получать его на томъ языкѣ, который имъ понятенъ; было-бы черезъчуръ нелѣпо затруднять ихъ образованіе требованіемъ изучить малопонятный имъ языкъ, тѣмъ болѣе, что наука и такъ не особенно доступна нашему крестьянину. Ради большаго успѣха въ распространеніи знаній, мы должны стараться ничѣмъ не затруднять доступъ науки въ крестьянскую хату; а это необходимо поведетъ за собою созданіе цѣлой народной литературы на малорусскомъ языкѣ. Но разъ интеллигентный человѣкъ обязанъ будетъ писать для народа на малорусскомъ языкѣ, то это вмѣстѣ съ тѣмъ поведетъ къ дальнѣйшему развитію и осложненію малорусской литературы. Явится потребность на преподаваніе этого языка въ среднихъ

и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на изданіе многихъ научныхъ книгъ и учебниковъ на этомъ языкѣ и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ изъ маленькаго зерна,—необходимости вести первоначальное народное обученіе на малорусскомъ языкѣ, — выростетъ цѣлое дерево малорусской литературы. И только тѣ могутъ отрицать необходимость этой литературы, кто готовъ затруднить, для малорусскихъ дѣтей, первоначальное обученіе необходимостью изучить новый для нихъ языкъ и заградить дорогу народу къ научнымъ знаніямъ, сообщая ихъ взрослымъ крестьянамъ тоже только на малопонятномъ для нихъ языкѣ.

И такъ созданіе малорусской литературы — необходимо, и эту необходимость должны признать всѣ тѣ кто стоитъ за наиболѣе быстрое просвѣщеніе народныхъ массъ. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы обще-русскій литературный языкъ былъ вытѣсненъ изъ Малороссіи. Это можетъ случиться только тогда, когда обще-русская интеллигенція своими преслѣдованіями раздражитъ малорусскую интеллигенцію до того, что та слѣпо-фанатически возненавидитъ то, что ей навязываютъ. Если-же мы вполнѣ раціонально отнесемся къ естественнымъ стремленіямъ малоруссовъ имѣть свою литературу, то можно сказать навѣрное, что и они, въ свою очередь, вполнѣ справедливо оцѣнятъ громадную важность имѣть обще-русскую литературу, накопившую уже столь драгоцѣнные запасы, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ произведеній. Переводить все это на малорусскій языкъ было-бы по меньшей мѣрѣ странно,

тѣмъ болѣе, что близость малорусскаго языка къ литературному русскому (котораго все-таки нельзя отождествлять съ великорусскимъ) даетъ возможность всякому интеллигентному малоруссу почти безъ затрудненій читать все написанное на этомъ языкѣ. Кромѣ того, дружескія отношенія вѣтвей русскаго племени, которыя могутъ существовать только при полномъ уваженіи къ этнографическимъ особенностямъ каждаго изъ нихъ, поведетъ къ тому, что обще-русскій языкъ будетъ считаться именно таковымъ, а не великорусскимъ, что̀ поведетъ за собою дѣятельное участіе малоруссовъ и бѣлоруссовъ въ литературѣ на этомъ языкѣ, какъ это было, впрочемъ, и до сихъ поръ. При этомъ національное самолюбіе ни одного изъ трехъ племенъ не будетъ страдать, такъ какъ этотъ обще-русскій языкъ есть въ дѣйствительности ихъ общее дѣло. И какъ общее дѣло— онъ мало-по-малу сольетъ въ себѣ всѣ три отрасли русскаго языка, не подчиняясь господству того или другого племеннаго языка, какъ отчасти, къ сожалѣнію, есть теперь. Къ этому мы должны прилагать всѣ старанія, дѣлая какъ можно больше уступокъ малорусскому и бѣлорусскому элементу въ литературѣ, съ тѣмъ, чтобы привлечь ихъ къ обще-русскому дѣлу и въ дѣйствительности сдѣлать литературный языкъ еще болѣе обще-русскимъ, нежели онъ былъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ рядомъ съ обще-русскимъ литературнымъ языкомъ можетъ существовать племенной языкъ, какъ малорусскій, такъ и бѣлорусскій. Первый изъ нихъ будетъ употребляться интеллигенціей, не имѣющей непосредственныхъ отношеній къ народу и нуждающейся

въ литературѣ, заключающей въ себѣ всѣ верхушки человѣческаго знанія и мышленія: второй—народомъ и интеллигенціей, въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣетъ дѣло съ народомъ. При естественномъ ходѣ вещей, необходимо ожидать, что первый изъ нихъ мало-по-малу будетъ вліять на вторые, и, въ свою очередь, подчиняться ихъ вліянію,—въ концѣ концовъ произойдетъ желаемое сліяніе ни для кого не обидное, такъ какъ оно не будетъ вынужденнымъ, а произойдетъ вслѣдствіе взаимной выгоды. Но это можетъ и не произойти, если нынѣшняя обще-русская интеллигенція станетъ преслѣдовать малорусскую и бѣлорусскую литературу, понуждая малоруссовъ и бѣлоруссовъ насильно подчиниться нынѣшнему обще-русскому языку. Насиліе будетъ только раздражать и возбуждать національный инстинктъ къ отпору, что и выразиться въ закоренѣлой враждѣ къ обще-русскому языку и въ стремленіи не къ сближенію, а къ наибольшему отдаленію отъ этого языка: дальнѣйшее развитіе племенныхъ нарѣчій будетъ вестись съ постояннымъ намѣреніемъ отдалить ихъ другъ отъ друга. а не сблизить. Таковъ будетъ неприглядный результатъ политики національнаго хищничества.

Кромѣ того, насиліемъ врядъ-ли что можно подѣлать особенно съ малорусскимъ языкомъ. Дѣло въ томъ, что около 3-хъ милліоновъ малоруссовъ находится внѣ предѣловъ нашего государства,—въ Галиціи. Тамъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время малорусское движеніе сильно пошло въ ходъ и создается малорусская литература, помимо вліянія русскаго государства. Такимъ образомъ у малорусской литературы есть уже

точка опоры, вполнѣ обезпечивающая ея дальнѣйшее развитіе, хотя-бы въ Россіи она и была стѣсняема. Стѣсняя малорусскую литературу въ нашей части Малороссіи, мы только отдаемъ судьбу ея въ руки малоруссовъ-галичанъ. И остается большимъ вопросамъ: выгодно-ли это для обще-русскаго дѣла и для русскаго государства?

Такъ какъ судьба малорусской литературы уже болѣе или менѣе обезпечена существованіемъ галицкой Малороссіи, то, даже изъ эгоистической (но разумной) политики, мы не должны придерживаться совѣтовъ людей, проповѣдующихъ національное хищничество. Національные инстинкты, какъ это доказываютъ безчисленные факты, сильны и живучи и малоруссы, охваченные ими, не находя удовлетворенія въ мѣстной малорусской литературѣ, пойдутъ искать удовлетворенія въ Галицію. Неужели же можно серьезно полагать, что все это будетъ уничтожено полицейскимъ приказомъ? Въ наше время немного найдется людей, которые потребуютъ наказанія людямъ, читающимъ, напримѣръ, евангеліе на малорусскомъ языкѣ. А при подобныхъ обстоятельствахъ лучше избѣгать раздраженія національныхъ инстинктовъ, такъ какъ это только порождаетъ племенную вражду и поведетъ не къ сближенію, а къ отдаленію малоруссовъ отъ великоруссовъ. И такъ какъ, повторяемъ, малорусская литература уже имѣетъ точку опоры для своего развитія, то преслѣдованіе ея въ Россіи только будетъ развивать мысль о политическомъ сепаратизмѣ, вполнѣ уже заглохшую со времени Петра Великаго.

Представители великорусскаго національнаго хищничества указываютъ, обыкновенно на связь этнографическаго малорусскаго движенія съ стремленіемъ къ политическому сепаратизму; но связь эта отчасти ими преувеличивается, а отчасти является вслѣдствіе особыхъ причинъ. Дѣло въ томъ, что и въ Малороссіи, подобно какъ и въ Великороссіи, существовало и существуетъ особое политическое движеніе, извѣстное въ послѣднее время подъ именемъ «революціонно-соціалистическаго». На малорусской почвѣ оно явилось съ тѣмъ же политическимъ характеромъ, какъ и въ Великороссіи; а потому неудивительно, что стремленіе къ политической независимости явилось въ числѣ другихъ желаній такъ-называемой малорусской революціонно-соціалистической партіи. Но, спрашивается: при чемъ-же тутъ малорусское національное движеніе? Развѣ оно порождаетъ «революціонно-соціалистическія» стремленія? Достаточно присмотрѣться къ національнымъ движеніямъ какихъ-либо народовъ, въ томъ числѣ и великорусскаго (нынѣшнимъ представителемъ котораго можетъ считаться и Катковъ, и Аксаковъ), чтобы рѣшить, что нѣтъ никакой логической связи между революціонно-соціалистическимъ движеніемъ и національнымъ: они также легко могутъ существовать отдѣльно, какъ и совпадать вмѣстѣ. Самые крайніе представители національнаго движенія по своимъ политическимъ и экономическимъ взглядамъ могутъ быть не только не крайними, а консерваторами и ретроградами. Въ Малороссіи «революціонно-соціалистическое движеніе» явилось по тѣмъ-же причинамъ, какъ и въ остальной Россіи,—

національное движеніе тутъ ни при чемъ; но разъ оно появилось, то ухватилось за національное движеніе, какъ за одно изъ орудій для борьбы, хорошо понимая, что ему на руку всякое стѣсненіе національнаго инстинкта, такъ какъ это возбуждаетъ цѣлую массу недовольныхъ. Такимъ образомъ малорусскій политическій сепаратизмъ явился скорѣе продуктомъ «революціонно-соціалистическаго» движенія, чѣмъ національнаго и также мало вліятеленъ и распространенъ, какъ первый. Правда, систематическое угнетеніе національнаго инстинкта, стремящагося удовлетворить этнографическія свои потребности, можетъ въ концѣ-концовъ выдвигать мысль о необходимости политическаго сепаратизма, — такъ какъ-де иначе нельзя добиться удовлетворенія національныхъ инстинктовъ, — но, къ счастью, до этого еще дѣло не дошло и будемъ надѣяться не дойдетъ и впредь.

Вопросъ о самобытности украинскаго государства, по словамъ Костомарова, «былъ вычеркнутъ изъ ряда вопросовъ европейской политики» только около 1739 года [1]. Можно надѣяться, что онъ и не появится на поверхности европейской политики, если сѣмя политическаго раздора не будетъ взращиваемо систематическимъ національнымъ хищничествомъ со стороны великоруссовъ. Ссылаться на прежнія попытки Малороссіи (въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.) къ самобытному существованію — теперь не совсѣмъ раціонально, такъ какъ современныя обстоятельства совершенно иныя.

---

[1]) Мазепа и мазепинцы. Ник. Костомарова. Стр. 716.

Нынѣшнія тѣсныя связи Великороссіи съ Малороссіей нельзя и сравнивать съ прежними. Нельзя забывать и того, что присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству совершилось послѣ того, какъ малорусскій народъ съ оружіемъ въ рукахъ отбился отъ польскихъ пановъ и устроился по-республикански. Слѣдовательно, полное сліяніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ вело не только къ потерѣ національной политической самобытности, а и къ потерѣ той казацкой вольности, которая выковалась подъ тяжелыми ударами польско-шляхетской государственности. И если даже при такихъ обстоятельствахъ совершилось сліяніе двухъ самобытныхъ государственностей, безъ особенно-напряженнаго протеста со стороны малорусскаго народа, то нечего и говорить, что теперь въ малорусскомъ народѣ нѣтъ уже прежнихъ стремленій къ политической независимости. Если ближе присмотрѣться къ тому отпору, который встрѣтило Московское государство со стороны малорусскаго народа, при своихъ стремленіяхъ уничтожить самобытность казацкихъ учрежденій Украины, то можно замѣтить, что центръ тяжести этого отпора лежалъ въ защитѣ казацкихъ вольностей, а не въ стремленіи къ политической самобытности. Самобытность свою малоруссы защищали больше потому, что она соединялась съ казацкими вольностями, а полное сліяніе съ «москалями» означало уничтоженіе этихъ вольностей. Если сравнить отпоръ Малороссіи, данный полякамъ, съ тѣмъ, который проявился по отношенію къ Московскому государству, то мы увидимъ громадную разницу. Когда шведскій король, побѣдоносный Карлъ II,

вступилъ въ Малороссію и Мазепа присоединился къ нему, именно, въ разсчетѣ на его побѣду надъ Петромъ I, то малорусскій народъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться представившимся удобнымъ случаемъ къ завоеванію самобытности, напротивъ, тотчасъ-же обратился съ челобитными, заявлявшими о преданности малороссіянъ московскому престолу. И дѣлалось это при такихъ обстоятельствахъ, что г. Костомаровъ заявляетъ о нихъ слѣдующее: «нельзя признавать ихъ только дѣйствіемъ страха» [1]).

Извѣстно, что Украина не была завоевана «москалями», а вступила съ Москвою добровольно въ федеративный союзъ, съ сохраненіемъ извѣстной политической независимости. Если уже въ XVII в. между Украиной и Москвою была нѣкоторая солидарность, допустившая заключеніе (хотя и по нуждѣ) добровольнаго союза для общей политической жизни, то теперь, послѣ почти двухвѣковой совмѣстной жизни эта солидарность возрасла въ сильнѣйшей степени.

Вполнѣ несправедливо и глубоко безтактно поступаютъ тѣ, кто заподозриваетъ малорусское національное движеніе въ стремленіи къ политическому сепаратизму, въ которомъ оно неповинно. Намъ необходимо понять, что всякое племя, на извѣстной ступени своего развитія, неуклонно стремится къ удовлетворенію своихъ національныхъ инстинктовъ, результатомъ чего бываетъ стремленіе къ этнографической обособленности. И тѣ, кто преграждаетъ націи дорогу къ этой обособ-

---

[1]) Мазепа и мазепинцы. Николая Костомарова. Стр. 458.

лепности, сами насильно прививаютъ мысль о необходимости политической обособленности. Полицейскими преслѣдованіями нельзя справиться съ національными стремленіями, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ сосѣднемъ государствѣ идетъ безпрепятственное развитіе этихъ національныхъ стремленій. Гораздо больше надеждъ мы можемъ возлагать на ту солидарность, которая связываетъ всѣ интересы Малороссіи съ Великороссійскими, вотъ уже около двухъ вѣковъ. Уваженіе къ чужимъ правамъ—вотъ лучшее орудіе борьбы противъ племенной розни.

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніяхъ русскаго племени къ другимъ національностямъ, входящимъ составною частью въ общее для всѣхъ насъ государственное тѣло, и приходили къ заключенію о необходимости, во многихъ случаяхъ, даже поддерживать возрожденіе ихъ національнаго духа, имѣя въ виду какъ интересы русскаго государства, такъ и принципы любви и справедливости. Теперь мы перейдемъ къ отношеніямъ нашего народа къ такой расовой группѣ, которая, строго говоря, не имѣетъ основныхъ чертъ всякой націи, — къ евреямъ. Всѣ націи, о которыхъ мы говорили выше, занимаютъ извѣстную территорію и вполнѣ способны жить самостоятельно и независимо, такъ какъ основываютъ свое существованіе на эксплуатаціи этой территоріи. Если изъ среды этихъ націй и выдѣляются торговый и другіе классы, то, во всякомъ случаѣ, вся масса населенія не можетъ принадлежать къ этимъ классамъ и живетъ не эксплуатаціей людей, а самой природы, занимаясь

земледѣліемъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ и всякаго рода обработывающей промышленностью. Евреи-же, наоборотъ, не имѣютъ своего уголка на земномъ шарѣ, гдѣ они могли-бы устроиться вполнѣ независимо и самостоятельно. Они въ большинствѣ стремятся только къ извѣстнаго рода дѣятельности, — именно торговлѣ; а потому и втираются въ сферу другихъ національностей, составляя въ нихъ только отдѣльный классъ людей. Такимъ образомъ, евреи, появляясь въ сферѣ дѣятельности какой-бы то ни было національности, занимаютъ въ ней мѣсто только извѣстнаго класса лицъ, неспособнаго существовать безъ дѣятельности остальнаго населенія, чуждаго имъ по расовымъ особенностямъ. Вотъ эта-то характерная особенность еврейской жизни необходимо измѣняетъ и отношеніе другихъ націй къ ихъ этнографическимъ особенностямъ: всѣ націи требуютъ, чтобы этотъ классъ лицъ подчинялся этнографическимъ особенностямъ тѣхъ, среди которыхъ онъ занялъ свое мѣсто. Евреи, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ понимаютъ справедливость этихъ требованій и безпрекословно подчиняются имъ, стараясь очень тщательно ничѣмъ не выдѣляться изъ остальнаго населенія. Такъ дѣлаютъ евреи французскіе, англійскіе, отчасти нѣмецкіе и т. д., за исключеніемъ русскихъ, турецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ Европѣ они говорятъ языкомъ кореннаго населенія, одѣваются подобно всѣмъ остальнымъ и т. д., отличаясь только религіей и тѣми расовыми чертами, которыхъ измѣнить уже не въ состояніи. Только въ Россіи почему то они говорятъ на испорченномъ нѣмец-

комъ языкѣ; да въ Турціи на испанскомъ, тоже достаточно исковерканномъ. Объясняется это тѣмъ, что къ намъ евреи пришли изъ Германіи, въ Турцію-же пробрались послѣ изгнанія ихъ изъ Испаніи. Такимъ образомъ у нашихъ евреевъ не оказывается одной изъ главныхъ принадлежностей націи—собственнаго языка. Древне-еврейскій языкъ непонятенъ теперь массѣ евреевъ и они изучаютъ его только книжнымъ путемъ.

На основаніи вышесказаннаго, мы считаемъ вполнѣ справедливыми требованія отъ русскихъ евреевъ сблизиться съ кореннымъ населеніемъ, принявъ его языкъ и внѣшность. Эта внѣшность, подобно языку, не составляетъ еврейскаго достоянія, а заключаетъ въ себѣ остатки средневѣковаго нѣмецкаго костюма. Спрашивается: почему евреямъ такъ нравится языкъ и костюмъ того народа, который ихъ гналъ, и почему они отвергаютъ языкъ и костюмъ того, который ихъ во всякомъ случаѣ допустилъ въ свою среду? Если-бы ихъ «жаргонъ» былъ дѣйствительно продуктомъ еврейской исторической жизни, тогда была-бы понятна ихъ приверженность къ нему; теперь-же употребленіе жаргона заставляетъ думать коренное населеніе, что евреи не желаютъ сближаться съ ними и говорятъ на непонятномъ для остальнаго населенія языкѣ только съ цѣлью облегченія для себя торгашеской эксплуатаціи, подобно тѣмъ офенямъ и торгашамъ, которые изобрѣтаютъ всякаго рода «тарабарскіе» языки, съ цѣлью болѣе легкой эксплоатаціи покупателей.

По нашему мнѣнію, единственный выходъ изъ того неестественнаго положенія, которое занимаютъ среди

насъ евреи, — полное этнографическое ихъ сліяніе съ кореннымъ населеніемъ. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть мѣста охраненію національныхъ особенностей, какъ потому, что у евреевъ, во многихъ случаяхъ, ихъ не оказывается, такъ и потому, что безъ этого не прекратятся тѣ печальныя отношенія, въ которыхъ находятся они къ коренному населенію [1]). Правда, этнографиче-

---

[1]) Какъ извѣстно, евреи имѣютъ обыкновеніе проповѣдывать націямъ, среди которыхъ они живутъ, космополитическія идеи оставаясь сами заскорузло-узкими націоналистами, въ глубинѣ души вѣрующими въ превосходство еврейскаго племени надъ всѣми остальными. Въ періодъ 1878 — 1882 годовъ русско-еврейскую интеллигенцію охватило особенно сильное національное движеніе, результатомъ котораго было появленіе еврейскихъ газетъ на русскомъ языкѣ, съ пламенной проповѣдью національнаго обособленія. Затѣмъ послѣдовали еврейскіе погромы, которые будущій историкъ, быть можетъ, тѣсно свяжетъ съ этимъ національно-еврейскимъ движеніемъ. Теперь еврейскій національмъ вступилъ въ свои обыкновенные берега, оставивъ въ память о себѣ, между прочимъ, книгу г. Голубова.

Авторъ совсѣмъ не хочетъ знать той истины, что книги — книгами, а жизнь—жизнью. Его методъ защиты еврейскаго быта можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы адвокатъ закоренѣлаго преступника вздумалъ доказывать, что этотъ послѣдній любилъ ближняго какъ самого себя, подставлялъ правую щеку, получивъ ударъ въ лѣвую, такъ какъ былъ христіаниномъ и на судѣ заявилъ, что принадлежитъ къ христіанской церкви. Разумѣется, судьи только-бы расхохотались надъ такими доводами и г. Голубовъ, если бы былъ въ ихъ числѣ, тоже, вѣроятно, послѣдовалъ-бы ихъ примѣру. Если нашъ авторъ вдумается въ свой методъ защиты еврейскаго міра, то увидитъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ метода вышеупомянутаго адвоката. Набрать цитатъ изъ священныхъ книгъ, въ которыхъ проповѣдуется любовь къ ближнему,

скому сліянію евреевъ съ нами много мѣшаютъ обоюдная вражда и презрѣніе, но евреи должны понять, наконецъ, что ихъ стремленіе къ расовой обособленности находится въ числѣ причинъ, раздражающихъ противъ нихъ коренное населеніе. Пусть они возьмутъ примѣръ съ

еще не значитъ доказать, что евреи слѣдовали этимъ проповѣдямъ. Критикуя Европу, г. Голубовъ критикуетъ жизнь, а хваля еврейскую жизнь, онъ хвалитъ не жизнь, а книжныя ученія, быть можетъ даже неизвѣстныя массѣ еврейскаго народа. Авторъ, напримѣръ, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ еврейскихъ книгъ «Если ты одолжишь бѣдняку деньги, то не будь требователенъ, не налагай на него процентовъ; если ты возьмешь въ залогъ (ночное) платье твоего ближняго, то возвращай его ему (ежедневно) до захода солнца, потому что это единственное платье, которымъ онъ прикрывается». Талмудъ, говоритъ г. Голубовъ, запрещаетъ кредитору проходить мимо должника въ то время, когда кредитору извѣстно, что у должника нѣтъ денегъ. Мхилта запрещаетъ кредитору вообще встрѣчаться съ должникомъ, чтобы встрѣча не напоминала послѣднему о долгѣ. Спрашивается: могутъ-ли всѣ эти выуженныя изъ талмуда цитаты доказать жителямъ той мѣстности, въ которой живутъ евреи, что эти послѣдніе — безсребренники и отнюдь не способны заниматься ростовщичествомъ?

Но этого мало. Г. Голубовъ совершилъ подтасовку: онъ приводитъ цитаты такъ, какъ будто онѣ касаются отношеній евреевъ къ людямъ вообще. Въ дѣйствительности-же онѣ относятся только къ отношеніямъ евреевъ между собою. «У иновѣрца бери лихвы, у своего-же брата не бери, говоритъ ветхозавѣтный іудаизмъ». Ближнимъ евреи считали и считаютъ не всѣхъ людей, а только евреевъ, какъ это указываетъ вполнѣ честный изслѣдователь изъ евреевъ - реформаторовъ, г. Прилукеръ, въ своихъ лекціяхъ: «Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обѣихъ религій въ будущемъ». Резюмируя свои лекціи, онъ приходитъ къ выводамъ: а) «моральная система

Магомета, который, замѣтивъ, что гора, несмотря на всѣ его мольбы, не подошла къ нему, самъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

Впрочемъ, основную причину враждебныхъ отношеній кореннаго населенія къ евреямъ будетъ довольно затруднительно устранить. Она заключается въ той экономической эксплуатаціи, отрѣшиться отъ которой для евреевъ будетъ труднѣе, нежели перемѣнить языкъ и костюмъ. Евреи обыкновенно стараются объяснить ненависть, возбуждаемую ими въ остальныхъ націяхъ, религіозными и національными мотивами Мы не думаемъ отрицать того, что многія національныя черты еврейскаго типа производятъ непріятное впечатлѣніе - на малорусса, напримѣръ. Философъ Гартманъ свидѣтельствуетъ, что и европейцы вообще питаютъ антипатію къ еврейству [1]). Какъ между людьми различныхъ типовъ можетъ быть такъ называемая антипатія, такъ и

іудаизма обнаруживаетъ почти совершенное отсутствіе альтруистическихъ элементовъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется относительная нераспространенность этой системы, какъ исповѣданія, среди другихъ расъ, помимо еврейской; б) принципъ равенства, утверждаемый іудаизмомъ для евреевъ, какъ для дѣтей Израиля и единовѣрцевъ, не распространяется на не-дѣтей Израиля». Іудаистическіе идеалы, по словамъ г. Прилукера, «подчасъ просто гнусны».

Мы вправѣ поэтому упрекнуть г. Голубова въ томъ, что онъ въ своей книгѣ «Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ» скрылъ всю суть іудаизма, умалчивая, что подъ «ближнимъ» талмудъ понимаетъ только еврея.

[1]) Эдуарда фонъ-Гартмана. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. («Новое Время» 1885 г. № 3393).

между національностями существуетъ несомнѣнно и симпатіи, и антипатіи. Кому случалось, напримѣръ, побывать въ Парижѣ и Лондонѣ, тотъ навѣрное чувствовалъ, что характеръ парижской городской жизни симпатичнѣе и ближе для насъ, русскихъ, нежели характеръ городской жизни англичанъ. Но всѣ національныя антипатіи настолько слабы, что не могутъ играть существенной роли въ общественной жизни. Почему-же еврейская національность претерпѣваетъ гоненія у всѣхъ народовъ? Вѣдь уживаются-же самымъ мирнымъ образомъ разнообразныя національности во всѣхъ уголкахъ земного шара, въ томъ числѣ и въ Россіи. Долголѣтняя борьба съ татарами, казалось, должна-бы оставить въ душѣ русскаго вражду къ нимъ, и однако мы видимъ, какъ мирно уживаются эти племена на востокѣ и югѣ Россіи; если и бываютъ здѣсь вспышки, вродѣ происшедшей въ 1884 г. въ Баку, то онѣ совершенно случайны и обусловливаются особыми причинами.

Или, можетъ быть, евреевъ ненавидятъ за ихъ религію? Сами евреи особенно любятъ распространяться въ этомъ смыслѣ; при этомъ ссылки на средніе вѣка сыплются изъ ихъ устъ. Но и это объясненіе, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо. Вѣдь уживаются-же наши крестьяне съ язычниками и магометанами, такъ почему-же имъ чувствовать вражду къ еврейству, которое во всякомъ случаѣ ближе къ христіанству, нежели первые? У насъ даже существуетъ секта «жидовствующихъ», хотя и совершенно ничтожная числомъ. Если народъ говоритъ: «жиды распяли Христа», то един-

ственнымъ объясненіемъ этого можетъ быть, по нашему мнѣнію, только желаніе народа освятить религіозной санкціей свою вражду къ евреямъ, выросшую на совершенно другой почвѣ. Это доказывается тѣмъ, что народъ вспоминаетъ о томъ, что жиды распяли Христа, игнорируя все остальное въ его Богочеловѣческой исторіи. Люди, благосклонные къ евреямъ, наоборотъ, вспоминаютъ, что евреи, благодаря обѣтованію Божію, являются народомъ, какъ говоритъ г. Влад. Соловьевъ. «богорождающимъ» [1]. Почему-же народъ забываетъ одни факты изъ жизни Христа и помнитъ другіе? А потому, что онъ стремится только оживить и поддержать религіозными воспоминаніями вражду, порождаемую современными отношеніями своими къ ненавистному классу лицъ.

Не религіозная вражда и не національная антипатія составляютъ сущность ненависти къ евреямъ, а ихъ общественный паразитизмъ. Экономическая эксплуатація—вотъ истинная причина ненависти всѣхъ народовъ къ евреямъ. Топинаръ въ своей «Антропологіи» говоритъ, что одною изъ характеристичныхъ чертъ евреевъ есть корыстолюбіе, развивающее въ нихъ коммерческій духъ [2]. Вотъ этотъ-то коммерческій духъ и составляетъ самую антипатичную черту еврейскаго типа. Во всякой націи найдется извѣстное количество лицъ, не менѣе евреевъ проникнутыхъ коммерческимъ духомъ; есть они, разумѣется, и между малоруссами. Но у мало-

---

[1] Влад. Соловьевъ. Еврейство и христіанскій вопросъ. Стр. 8.
[2] «Антропологія» Топинара. Стр. 451.

руссовъ число этихъ лицъ настолько незначительно, что національный типъ не пріобрѣтаетъ характера коммерческаго типа; у евреевъ-же, напротивъ, число лицъ, проникнутыхъ коммерческимъ духомъ, настолько велико, что они придаютъ свой характеръ всему типу. Изъ этого, понятно, не слѣдуетъ, чтобы всѣ евреи были проникнуты корыстолюбіемъ, но людей, не проникнутыхъ имъ, въ еврействѣ только незначительное меньшинство. Этимъ характеромъ отличается не только наше еврейство, а еврейство вообще. Извѣстный философъ Гартманъ говоритъ: «у евреевъ, вслѣдствіе тысячелѣтняго отвращенія отъ производительнаго труда, привилась страсть къ дѣятельности, единственною цѣлью которой является нажива» [1]).

Утверждая, что сущность ненависти къ евреямъ, порождающей безпорядки, составляетъ ихъ общественный паразитизмъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаемъ, что религіозныя и племенныя отличія тоже играли тутъ нѣкоторую роль. Племенныя отличія рельефнѣе выдѣляли въ глазахъ народа ту экономическую эксплуатацію, которой онъ подвергался. Враждебный народу типъ кулака, осложненный племенными особенностями, рѣзко врѣзывался въ его память и рельефно выдѣлялся своими національными чертами. При такихъ обстоятельствахъ народъ легче могъ отмѣтить своихъ экономическихъ враговъ, нежели это бываетъ тогда, когда врагъ прикрывается общимъ народнымъ колоритомъ. За рели-

---

[1]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. («Новое Время» 1885 г. № 3395).

гіозныя-же особенности, какъ мы уже говорили, народъ хватается только съ цѣлью освятить свою вражду божественной санкціей, съ цѣлью убѣдить себя, что не только онъ ненавидитъ евреевъ, но и самъ Богъ.

Всѣ подробности безпорядковъ доказываютъ, что народъ озлобленъ противъ евреевъ за ихъ экономическую эксплуатацію. Разгромъ направляется не на личность евреевъ, а на ихъ имущество. Если толпа и била ихъ самихъ, то все-таки собственно звѣрства и кровожадности она не проявила. Были случаи, когда толпа находила дѣтей, оставленныхъ родителями-евреями въ домахъ, подвергшихся разгрому, при этомъ дѣти съ чрезвычайною осторожностью выводились и выносились изъ домовъ, съ цѣлью не подвергать ихъ никакой опасности. Евреи, занимающіеся не тѣмъ, что народъ привыкъ считать экономической эксплуатаціей, вродѣ медиковъ, присяжныхъ повѣренныхъ и т. д., не были тронуты. Подходитъ, напримѣръ, толпа къ дому нѣкоего Рейстера съ крикомъ: «бей жидовъ»; въ это время выходитъ самъ хозяинъ, и одинъ изъ толпы, увидя его, кричитъ: «стой, ребята, такого жида грѣшно обижать: это честный старикъ, я много лѣтъ его знаю, на грошъ не обидѣлъ». Тогда толпа отходитъ отъ дома и накидывается на другой.

Усмиреніе буйства толпы путемъ вооруженной силы и судъ надъ арестованными не дадутъ никакихъ гарантій, что безпорядки не повторятся въ будущемъ, если соціальныя отношенія евреевъ и русскаго народонаселенія не измѣнятся. Объ измѣненіи этихъ соціальныхъ отношеній мы и должны позаботиться. Въ юго-западномъ

краѣ на каждомъ шагу можно натолкнуться на умныхъ и гуманныхъ людей, которые, однако, требуютъ насильственнаго выселенія евреевъ, какъ единственнаго средства спасти край отъ экономическаго истощенія Конечно, нельзя серьезно разбирать подобнаго проекта. Люди эти не понимаютъ, что, не смотря на всю свою эксплуатацію, евреи сдѣлались необходимы для края, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится и его торговля, и промышленность. Ампутировать подобный органъ соціальнаго тѣла немыслимо безъ общаго разстройства всего организма. Еслибы въ одно прекрасное утро всѣ евреи были высѣлены, то нѣтъ сомнѣнія, что народонаселеніе, оставшись безъ необходимыхъ посредниковъ обмѣна, почувствовало-бы всю необходимость еврейскаго населенія и съ радостью встрѣтило-бы ихъ возвращеніе. Думать, что органъ общественнаго обмѣна въ такомъ сложномъ общественномъ строѣ, какъ нашъ, можетъ легко обновиться, это значитъ не понимать процессовъ соціальнаго организма. Мы можемъ только стремиться къ тому, чтобы поставить евреевъ въ такое положеніе, при которомъ немыслима была-бы ихъ эксплуататорская дѣятельность. Еврейская эксплуатація зависитъ не только отъ корыстолюбія этой націи, но и отъ тѣхъ общественныхъ условій, въ которыхъ евреи дѣйствуютъ. Подорвать въ корнѣ ихъ дѣятельность можно будетъ только тогда, когда въ нашемъ обществѣ произойдутъ такія соціальныя измѣненія, при которыхъ эксплуататорская дѣятельность будетъ давать меньше выгодъ, нежели производительный трудъ.

Евреи утверждаютъ, что будто-бы только гоненія и

стѣсненія сдѣлали евреевъ паразитами нашего общественнаго организма. То-же самое повторяетъ и г. Демидовъ Санъ-Донато въ своей брошюркѣ[1]). Рисуя картину несчастнаго положенія «гонимыхъ» евреевъ въ Литвѣ и Юго-западномъ краѣ, онъ совершенно забываетъ о сравнительномъ методѣ изслѣдованія, который открылъ-бы ему глаза на истинное положеніе дѣлъ. Въ то время какъ «гонимые» будто-бы евреи оставались свободными гражданами Рѣчи Посполитой, русскіе крестьяне постепенно закрѣпощались за польскими панами и попадали подъ власть евреевъ, какъ представителей пановъ, въ видѣ арендаторовъ, кабатчиковъ и т. п. Когда Юго-западный край былъ, наконецъ, выхваченъ изъ рукъ поляковъ, то политика правительства тамъ совсѣмъ не измѣнилась. Извѣстно, что Екатерина II закрѣпостила за своими любимцами много селъ и деревень, но о закрѣпощеніи евреевъ никогда никто и не помышлялъ. Не вправѣ-ли мы поэтому сказать, что не можетъ быть и рѣчи о гоненіяхъ на евреевъ, а скорѣе можно сказать, что и польское, и русское правительства имъ покровительствовали и относились къ нимъ мягче, нежели къ большинству своего коренного населенія? Развѣ можно сравнивать то, что выносили отъ правительствъ евреи, съ крѣпостнымъ состояніемъ коренного христіанскаго населенія? Юдофилы, оправдывающіе евреевъ этими мнимыми (съ сравнительно-исторической точки зрѣнія) гоненіями, упускаютъ изъ виду общую картину тогдашней русской

---

[1]) Еврейскій вопросъ въ Россіи. Демидова Санъ-Донато.

жизни. Почему-же коренное населеніе, будучи въ гораздо худшемъ положеніи, не обратилось въ націю ростовщиковъ и кабатчиковъ? Почему закрѣпощенный малоруссъ не возненавидѣлъ трудъ и не сталъ мечтать о ремеслѣ ростовщика? Можно отвѣтить, что масса народа естественно не могла сдѣлаться хищнической, потому что тогда некому было-бы играть роль жертвы; но мы говоримъ только о народныхъ идеалахъ, о его стремленіяхъ и мечтахъ. Въ то время, какъ большинство евреевъ не брезгаетъ ростовщичествомъ, большинство коренного населенія относится къ этому ремеслу съ негодованіемъ и презрѣніемъ и не займется имъ хотя-бы и имѣло къ тому возможность.

Какъ ни велики были еврейскіе погромы, говоритъ г. Роковъ, они оказались однако-жь безсильны для того, чтобы всѣмъ открыть глаза на грозный еврейскій вопросъ. Причиной этого нельзя не считать незнакомство многихъ русскихъ публицистовъ со свойствами и особенностями еврейской націи. Еслибы они знали, что «во всякой націи эксплуататоръ теряется въ массѣ трудящагося слоя и только въ одной іудейской они образуютъ массу, въ которой исчезаетъ честный труженикъ», то, по всей вѣроятности, ставили-бы еврейскій вопросъ согласно мнѣнію народа, а не своимъ измышленіямъ. Все дѣло, слѣдовательно, очень часто сводится къ тому, что многіе публицисты и въ глаза не видали еврейской массы, а судятъ о ней по аналогіи съ массами другихъ національностей [1]).

---

[1]) Поводу взгляда М. Е. Салтыкова на еврейскій вопросъ. П. Роковъ.

Понятно, что еврейская эксплоатація можетъ быть уничтожена въ корнѣ только тѣми же средствами, какими уничтожается эксплуатація вообще. Такъ, въ настоящее время, главный недостатокъ нашего экономическаго строя состоитъ въ отдѣленіи класса капиталистовъ отъ класса рабочихъ: одни владѣютъ орудіями труда, другіе только рабочей силой. Подобный порядокъ ведетъ къ эксплуатаціи вторыхъ первыми и долженъ быть замѣненъ такимъ экономическимъ строемъ, при которомъ оба экономическіе класса сольются и будетъ только одинъ классъ капиталистовъ-рабочихъ. Тогда не будетъ на свѣтѣ экономической эксплуатаціи вообще и еврейской въ частности. Но ждать этого времени намъ прійдется вѣроятно довольно долго, а какъ извѣстно: пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. И мы не имѣемъ права отвѣчать народу на его требованія подобными прекрасными, но сильно теоретическими соображеніями: вѣдь, пока наступитъ блаженное время братскаго союза капитала съ рабочей силой, до тѣхъ поръ могутъ погибнуть милліоны людей, а потому мы и обязаны не довольствоваться задаваніемъ народу и государству такихъ задачъ, о полномъ рѣшеніи которыхъ, въ настоящее время, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ ни народъ, ни правящіе классы не подготовлены къ этому. Необходимо придумать болѣе практическія мѣры для избавленія населенія отъ еврейской эксплуатаціи. Къ сожалѣнію, многіе впадаютъ при этомъ въ другую крайность, думая, что намъ только и остается, что ограничивать права евреевъ, не прибѣгая ни къ какимъ положительнымъ, общественно-творческимъ

мѣропріятіямъ. Для того, чтобы доказать всю несправедливость этихъ мнѣній, мы возьмемъ нѣсколько практическихъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, много говорятъ объ эксплуатаціи населенія евреями-шинкарями (кабатчиками). При этомъ предлагаютъ воспретить евреямъ заниматься продажею крѣпкихъ напитковъ. Но, намъ кажется, что этой-же цѣли можно добиться и другимъ путемъ—общественно-творческимъ. Достаточно будетъ разрѣшить народонаселенію имѣть общественный кабакъ, доходъ съ котораго, какъ и завѣдываніе, будетъ принадлежать ему самому,—и еврей-кабатчикъ будетъ устраненъ. Государство можетъ дать этимъ общественнымъ кабакамъ какія-нибудь льготы и ихъ существованіе будетъ упрочено. Много горя народонаселенію доставляетъ и еврейское ростовщичество Но и оно легко можетъ быть устранено основательнымъ устройствомъ сельскаго общественнаго кредита. И такъ, мы видимъ, что борьба съ еврейскою эксплуатаціею отнюдь не должна быть сводима на отрицательныя мѣры ограниченія правъ евреевъ, а должна изыскивать средства помогать народонаселенію путемъ положительнаго, творческаго созданія общественныхъ учрежденій, способныхъ устранить не только еврейскую, но и кулацкую эксплуатацію вообще. Евреи-арендаторы, какъ извѣстно, также доставляютъ не мало горя народонаселенію, подымая цѣну земель, отдаваемыхъ ими въ наемъ крестьянамъ до небывалыхъ высотъ. Но, вѣдь, и этому горю легко помочь общественно-творческимъ путемъ: надо только позаботиться, чтобы у крестьянина было достаточно земли. Сдѣлавшись экономически силь-

нымъ, русское народонаселеніе дастъ такой отпоръ эксплуататорской дѣятельности вообще, что заработки паразитовъ могутъ стать меньше, нежели заработокъ трудящагося человѣка. При подобныхъ условіяхъ корыстолюбіе евреевъ заставитъ ихъ обратиться къ труду. Этотъ процессъ можетъ быть облегченъ путемъ поднятія заработка ремесленнаго труда, къ которому евреи только и способны. Это поднятіе можетъ произойти, благодаря увеличенію производительности ремесленнаго труда, въ которомъ такъ нуждается, можно сказать, вся Россія. Наша ремесленно-техническая отсталость всѣмъ извѣстна; ремесленныя школы, заведенныя въ достаточномъ количествѣ, могутъ помочь этому горю. Такимъ образомъ, евреи, съ одной стороны, поднятіемъ благосостоянія массъ будутъ вытѣсняться изъ сферы паразитизма, путемъ пониженія заработка эксплуататоровъ; а съ другой—привлекаться на путь ремесленнаго труда, благодаря повышенію заработковъ ремесленника. Мы не можемъ вѣрить въ возможность обратить евреевъ къ земледѣлію; всѣ попытки къ этому были до сихъ поръ совершенно напрасны.

Таково, по нашему мнѣнію, истинное рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что, указывая на необходимость общественно-творческихъ мѣропріятій для борьбы съ еврейской эксплуатаціей, мы не хотимъ этимъ сказать, что путь отрицательной борьбы — вполнѣ безплоденъ и не нуженъ. До тѣхъ поръ, пока государство не обезопаситъ крестьянина отъ еврейской эксплуатаціи путемъ, указаннымъ на-

ми, — было-бы неблагоразумно бросить его безъ всякой охраны, хотя-бы только фиктивной. Правящіе классы должны избѣгать возбужденія народнаго неудовольствія, а несомнѣнно, что дарованіе полныхъ правъ евреямъ, въ настоящее бѣдственно-критическое для крестьянина время, покажется ему поблажкой еврейской эксплуатаціи. Возбужденіе противъ евреевъ настолько сильно, что никто не въ правѣ разсчитывать на устраненіе погромовъ единственно силою оружія; необходимо, чтобы народъ видѣлъ, что противъ еврейской эксплуатаціи принимаются государственныя мѣры и только тогда можно надѣяться на нѣкоторое успокоеніе страстей. Даже еврейскіе публицисты не вѣрятъ въ возможность устраненія погромовъ силою оружія; такъ, «Новости» утверждали, что «размѣры погромовъ увеличиваются пропорціально усиленію мѣръ противодѣйствія» [1]).

На этомъ основаніи, мы не можемъ сочувствовать дозволенію евреямъ селиться повсемѣстно, пока это дозволеніе не будетъ сопровождаться юридико-экономическими мѣрами, способствующими русскому народу стать въ независимое экономическое положеніе, при которомъ немыслима была-бы еврейская эксплуатація. Дѣло въ томъ, что наше законодательство, собственно говоря, не запрещаетъ евреямъ селиться повсемѣстно. Евреямъ-ремесленникамъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими категоріями евреевъ, открытъ

[1]) „Новости“ 1883 г., № 196.

доступъ во всѣ мѣста. Права ограничены только тѣхъ изъ нихъ, которые стремятся въ глубь Россіи, какъ на непочатую почву для эксплуатаціи. Слѣдовательно, можно сказать, что de facto ограничены права не націи, а класса хищниковъ. (Разумѣется, что мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не о тѣхъ исключеніяхъ, которыя навѣрное есть и здѣсь. Напримѣръ, еврей-литераторъ, не имѣющій извѣстнаго образовательнаго ценза, не состоящій въ 1-й гильдіи, не имѣетъ права селиться повсемѣстно, потому что законъ не предусмотрѣлъ подобнаго случая и не относитъ его къ ремесленникамъ; но это только исключеніе, хотя и достойное всякаго сожалѣнія, общее же-правило носитъ на себѣ характеръ запрещенія эксплуататорской дѣятельности). Правда, можно указывать на несправедлость этого запрещенія, какъ относящагося только къ евреямъ и не касающагося эксплуататоровъ другихъ національностей; но если запрещеніе относится главнымъ образомъ къ эксплуататорамъ, то мы не можемъ требовать тѣхъ-же правъ для еврейскихъ эксплуататоровъ, какія имѣютъ эксплуататоры другихъ національностей: съ нашей точки зрѣнія, мы скорѣе пожелаемъ ограниченія правъ эксплуататоровъ вообще, нежели расширенія свободы дѣйствій для одной изъ группъ историческими обстоятельствами нѣсколько связанной.

Мы уже говорили, что, по нашему мнѣнію, путь ограниченія правъ эксплуататоровъ не есть истинный путь освобожденія народа отъ эксплуатаціи; для этого необходимо крестьянина поставить въ такое положеніе, чтобы онъ не поддавался эксплуататору, даже пользую-

щемуся всѣми правами. Это тѣмъ болѣе необходимо, что путь ограниченія правъ извѣстной части гражданъ тормазитъ вообще ходъ общественнаго развитія. Но еслибы намъ почему-либо было невозможно идти по истинному пути народнаго освобожденія отъ еврейской эксплуатаціи, то лучше идти хоть по окольной, мало цѣлесообразной дорогѣ ограниченія правъ эксплуататоровъ. Это если и доставитъ ничтожную экономическую выгоду, то все-таки удовлетворитъ народную совѣсть, возмущающуюся полной свободой эксплуататоровъ. Ограниченіе правъ евреевъ не разрѣшаетъ, конечно, еврейскаго вопроса, но и расширеніе ихъ правъ, безъ соотвѣтственныхъ соціальныхъ мѣръ, тоже ничего не рѣшаетъ.

Мы высказываемъ мысль объ ограниченіи правъ евреевъ нетолько потому, что считаемъ вреднымъ для русскаго народонаселенія еврейскую эксплуатацію, но, главнымъ образомъ, исходя изъ той мысли, что общественное мнѣніе должно играть рѣшающую роль въ законодательствѣ. Такъ какъ несомнѣнно, что голосъ народа, т. е. общественное мнѣніе, высказывается противъ дозволенія евреямъ селиться повсемѣстно, то и законодательство должно идти по этому пути. Всѣ несогласные съ такого рода рѣшеніемъ общественнаго мнѣнія вправѣ лишь критиковать его и убѣждать общество въ необходимости рѣшать его иначе. Если-же они будутъ убѣждать правительство рѣшить вопросъ несогласно съ общественнымъ мнѣніемъ, то этимъ только докажутъ свое нежеланіе подчинять законодательство общественному мнѣнію, т. е. снимутъ свои либеральныя

маски. Только тотъ, кто презираетъ мысль объ участіи общественнаго мнѣнія въ законодательствѣ, можетъ требовать отъ законодателя разрѣшенія евреямъ селиться повсемѣстно, несмотря на нежеланіе общества или, лучше сказать, всего народа допустить это. Разумѣется, всякій вправѣ критиковать общественное мнѣніе, но разъ будетъ поставленъ вопросъ: долженъ-ли издаваемый законъ соотвѣтствовать народному желанію или нѣтъ, то, по нашему мнѣнію, всѣ прогрессисты обязаны рѣшить его въ положительномъ смыслѣ, какого бы они мнѣнія ни держались о еврейскомъ вопросѣ. Вѣдь во всякомъ случаѣ единственнымъ критеріемъ практическаго рѣшенія соціальныхъ вопросовъ можетъ быть только общенародное мнѣніе, а это мнѣніе требуетъ ограниченія правъ евреевъ.

Понятно, впрочемъ, что мы оставляемъ за собою право убѣждать общественное мнѣніе, что ограниченіе правъ — плохое средство избавиться отъ такихъ ловкихъ эксплуататоровъ, каковы евреи. Но, оставаясь при своемъ убѣжденіи, мы все-таки считаемъ необходимымъ, чтобы законъ о евреяхъ соотвѣтствовалъ народному мнѣнію. Въ противномъ случаѣ, мы бы-поступили противъ одного изъ основныхъ своихъ принциповъ: законодательство должно быть основано на народномъ міросозерцаніи.

Несомнѣнно, что естественно-стихійная реакція русскаго общества на вредное вліяніе евреевъ, проявляющаяся въ видѣ разгромовъ ихъ имущества, не можетъ повести къ благопріятнымъ результатамъ, а напротивъ способна пріучить личность къ дѣйствіямъ, нетерпимымъ ни въ какомъ обществѣ, — къ своевольству и насилію

Никто изъ серьезныхъ людей не вправѣ относиться къ подобнымъ явленіямъ легко; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть въ этихъ разгромахъ жизненныхъ указаній на необходимость принять общественныя мѣры для уничтоженія того зла, которое вызываетъ народныя конвульсіи. Еврейскіе публицисты стараются доказать, что причиной явленія — «разнузданность массы», и довольно прозрачно намекаютъ на необходимость крутыхъ мѣръ. Но необходимо принять во вниманіе, что разгромъ еврейскаго имущества вызывается не какими-либо противообщественными инстинктами (какими вызываются воровство, убійство и т. п. преступленія), а неумѣлымъ стремленіемъ защитить себя отъ вреднаго вліянія евреевъ. Правительство, очевидно, стало на эту точку зрѣнія, такъ какъ большинство погромщиковъ судится у мировыхъ судей, а не въ окружномъ судѣ, какъ требуютъ еврейскіе публицисты, приравнивающіе ихъ дѣйствія къ обыкновенному грабежу.

Признавая несомнѣннымъ тотъ фактъ, что погромы еврейскаго имущества въ основѣ своей имѣютъ не противообщественные инстинкты, а неумѣлую самозащиту, мы должны прійти къ заключенію, что необходимо на будущее время предупредить ихъ принятіемъ раціональныхъ общественныхъ мѣръ, ограждающихъ народъ отъ еврейской эксплуатаціи, а не довольствоваться противупоставленіемъ государственной силы насилію погромщиковъ. Мы уже говорили объ этихъ мѣрахъ и не будемъ здѣсь повторяться. Теперь разсмотримъ только тѣ мѣропріятія, которыя проектируются съ цѣлью

уничтоженія погромовъ еврейскими публицистами и ихъ сотоварищами изъ русскихъ публицистовъ.

Основное ихъ требованіе состоитъ въ томъ, чтобы «уничтожить всякое ограниченіе правъ евреевъ и дать имъ полную свободу селиться по всей Россіи». При этомъ они обыкновенно говорятъ, что принципъ ограниченія чьихъ-бы то ни было правъ вноситъ разлагающіе элементы въ общественный организмъ и вредитъ всему обществу. Съ этимъ нельзя не согласиться, а потому и къ предлагаемой ими мѣрѣ необходимо отнестись съ этой-же точки зрѣнія. Посмотримъ-же, не нарушитъ ли чьей-нибудь свободы дарованіе евреямъ права селиться по всей Россіи.

Извѣстно, что въ погромахъ принимаютъ очень живое участіе нетолько коренные жители тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ погромы происходятъ, а и пришлые элементы, въ особенности великоруссы. Многіе корреспонденты указываютъ на то, что великоруссы, обыкновенно, являются зачинщиками погрома и идутъ впереди, предводительствуя толпою. Фактъ участія великоруссовъ, собранныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ губерній, никѣмъ не оспаривается. Напротивъ, еврейскіе публицисты любятъ указывать на него, какъ на доказательство, что погромы вызываются будто-бы не еврейской эксплоатаціей, о которой-де никакъ не могутъ знать пришлые люди, а религіозной враждой. Мы уже указывали на фальшь этой инсинуаціи, а потому и считаемъ себя вправѣ не касаться ея здѣсь. Мы хотимъ только обратить должное вниманіе на тотъ фактъ, что къ евреямъ питаютъ вражду нетолько коренные жители тѣхъ мѣстъ,

въ которыхъ они живутъ, а и остальное народонаселеніе Россіи. Разумѣется, на этомъ основаніи нельзя еще утверждать, что всѣ мѣстности Россіи не желали-бы имѣть у себя евреевъ, такъ какъ подобное утвержденіе было-бы вполнѣ достовѣрно только послѣ опроса самого населенія. Но нельзя также сомнѣваться въ томъ, что евреевъ, по крайней мѣрѣ, не вездѣ приняли-бы доброжелательно и добровольно. Если-же это такъ, то спрашивается: не будетъ-ли дарованіе евреямъ права селиться по всей Россіи нарушеніемъ правъ кореннаго народонаселенія? Вѣдь еврейскіе публицисты добиваются изданія закона, дозволяющаго евреямъ жить повсемѣстно, помимо воли кореннаго народонаселенія. Этимъ самымъ они стремятся ограничить права этого народонаселенія на свободу жизни и сношеній. Государство, какъ извѣстно, предоставило нашимъ сельскимъ общинамъ право выселять отъ себя порочныхъ членовъ и этимъ самымъ подтвердило необходимость для общины самостоятельно и независимо опредѣлять, съ кѣмъ она хочетъ имѣть дѣло, а съ кѣмъ нѣтъ. Въ числѣ коренныхъ правъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ, всегда считалось право на исключеніе тѣхъ членовъ, съ которыми они не хотѣли-бы имѣть никакого дѣла. Правда, у насъ это совершенно не практикуется, но нельзя не признать, что это есть только ограниченіе правъ общинъ, которое въ будущемъ должно быть устранено.

Еслибы еврейскіе публицисты и ихъ русскіе защитники дѣйствительно думали о необходимости уважать принципы свободы, то они должны были-бы доказывать

необходимость даровать евреямъ право селиться тамъ, гдѣ общины коренного народонаселенія ихъ примутъ. Они-же, наоборотъ, стремятся только къ тому, чтобы насильно навязать общинамъ евреевъ, несмотря на печальные примѣры того, какъ относится народонаселеніе къ этому племени. Кто-же повѣритъ ихъ увѣреніямъ, будто этимъ способомъ мы избавимся отъ печальныхъ явленій погромовъ, призыванія войскъ для защиты еврейскаго имущества и т. д.? Гораздо вѣроятнѣе, что подобное нарушеніе правъ коренного населенія только вызоветъ въ немъ еще бо̀льшую вражду къ евреямъ. Да и къ чему, спрашивается, нарушать основныя права коренного населенія? Неужели для того только, чтобы имѣть удовольствіе выслушать отъ еврейскихъ публицистовъ похвалу за расширеніе свободы евреевъ въ ущербъ свободѣ русскихъ? Еврейскіе публицисты много кричатъ объ ограниченіи правъ евреевъ повсемѣстно селиться, представляя дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто русскій народъ обязанъ принять ихъ къ себѣ въ сожительство. Отрицать за какимъ-либо народомъ право не пускать на свою территорію почему-либо неудобныхъ для него людей — никто не вправѣ. Какъ извѣстно, въ московскомъ государствѣ евреи не имѣли права селиться. Съ расширеніемъ-же власти Москвы, ей пришлось поневолѣ допустить существованіе евреевъ въ своихъ владѣніяхъ, такъ какъ она присоединила къ себѣ земли, на которыхъ уже поселились евреи, при могущественной поддержкѣ польскаго панства и помимо желанія народа. Но оставивъ евреевъ на мѣстахъ ихъ прежняго жи-

тельства, московское государство не допускало ихъ селиться въ остальной части своихъ владѣній, ибо подобное дозволеніе было-бы расширеніемъ правъ евреевъ въ ущербъ коренному населенію. Почти въ томъ-же положеніи дѣло осталось и до сихъ поръ. Еврейскія требованія на право селиться во всей Россіи должны быть разсматриваемы, какъ требованія на расширеніе ихъ правъ, основанныя только на томъ, что Россія расширилась и распространилась усиліями отнюдь не евреевъ, а коренного населенія. Евреи, слѣдовательно, хотятъ эксплуатировать въ свою пользу фактъ расширенія границъ Россіи, нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ права коренного населенія, искони не желавшаго ихъ сожительства Такимъ образомъ, если мы будемъ смотрѣть на претензіи евреевъ съ точки зрѣнія правъ коренного населенія тѣхъ мѣстъ, куда они стремятся, то должны будемъ признать, что принципы свободы будутъ нарушены какъ разъ тѣмъ, за что еврейскіе публицисты ратуютъ во имя свободы.

Но можно задать вопросъ: не обязано-ли населеніе восточной Россіи облегчить бремя еврейскаго поселенія своимъ западнымъ соотечественникамъ? Для правильнаго рѣшенія его слѣдуетъ разсмотрѣть еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ евреи. Въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краяхъ евреи поселились уже давно и нѣкоторымъ образомъ сдѣлались ихъ туземцами. Правда, поселились они помимо желанія русскаго населенія, усиліями польскихъ королей и польско-литовскаго панства, но зло уже въ настоящее время непоправимо, такъ какъ выселеніе нѣсколькихъ

милліоновъ жителей изъ края—немыслимо. Это невозможно и потому, что евреи захватили тамъ въ свои руки всю торговлю, и край не можетъ остаться въ одинъ прекрасный день безъ посредниковъ торговаго обмѣна, каковы-бы эти послѣдніе ни были. Слѣдовательно, зло сожительства съ евреями—неизбѣжно для русскаго населенія западныхъ окраинъ. Но быть можетъ, это зло облегчится дозволеніемъ евреямъ селиться по всей Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ, и вотъ по какимъ основаніямъ. Извѣстно, что евреи стремятся въ Россію съ торговыми цѣлями. Законодательство наше давно дозволило евреямъ-ремесленникамъ селиться по всей странѣ, за исключеніемъ Финляндіи, гдѣ существуетъ свой законъ. Всѣ вопли еврейскихъ публицистовъ объ ограниченіи правъ евреевъ сводятся на требованіе допустить въ Россію еврейскихъ торговцевъ и ростовщиковъ. Спрашивается, какое облегченіе получитъ западъ Россіи отъ того, что часть его еврейскихъ торговцевъ выселится на востокъ? Въ настоящее время, благодаря тому, что евреи вообще стремятся заниматься не ремесломъ или земледѣліемъ, а торговлею, — они хоть сколько-нибудь конкурируютъ другъ съ другомъ. Вся сфера торговаго обмѣна переполнена съ излишкомъ евреями и они поневолѣ должны довольствоваться меньшимъ процентомъ прибыли. Правда, они умѣютъ сильно смягчать свою конкурренцію другъ другу разнаго рода стачками, но фактъ излишняго переполненія торговой сферы долженъ въ концѣ концовъ вліять на ихъ ростовщическій процентъ. Кромѣ того, переполненіе торговой сферы настоль-

ко сильно, что часть еврейскаго населенія загоняется экономической нуждой въ сферу производительнаго, ремесленнаго труда. Коренное населеніе, слѣдовательно, только выигрываетъ отъ того, что евреевъ больше, нежели можетъ вмѣстить сфера торговаго обмѣна.

Что-же произойдетъ при дозволеніи евреямъ селиться по всей Россіи? Часть еврейскихъ торговцевъ отхлынетъ на востокъ и этимъ самымъ конкурренція между оставшимися на мѣстѣ уменьшится, а слѣдовательно ихъ торговый процентъ подниметея въ ущербъ остальному населенію. Жители западной половины Россіи, очевидно, ничего не выиграютъ отъ того, что еврейская эксплуатація распространится по всей странѣ.

Необходимо принять во вниманіе и то, что дозволеніе селиться въ восточной Россіи нетолько евреямъ-ремесленникамъ, а и торговцамъ, и ростовщикамъ поведетъ къ тому, что среди евреевъ уменьшится количество ремесленниковъ. Всѣмъ извѣстно ихъ стремленіе къ торговымъ операціямъ; если среди нихъ мы встрѣчаемъ ремесленниковъ и даже чернорабочихъ, то только потому, что въ чертѣ ихъ осѣдлости торговая сфера черезъ чуръ переполнена. При своей способности къ наживѣ, евреи захватятъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ всю торговлю въ Россіи,—разъ мы откроемъ имъ свою границу. Если теперь среди нихъ мы встрѣчаемъ производительныхъ работниковъ, то тогда ихъ не будетъ и въ поминѣ. Выгодно-ли это будетъ даже съ точки зрѣнія нравственнаго развитія еврейскаго племени? Вѣдь оно окончательно тогда превратится въ племя торгов-

цевъ, неспособныхъ жить самостоятельно и независимо, о чемъ евреи мечтаютъ до сихъ поръ. Кромѣ того, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что вражда къ нимъ еще болѣе усилится, а слѣдовательно можно ожидать, что увеличится число погромовъ. Стоитъ только подумать о томъ, что евреи, благодаря своимъ эксплуататорскимъ способностямъ, могутъ захватить въ свои руки всю русскую торговлю и вытѣснить изъ нея русскихъ людей, чтобы понять всю общественную опасность подобнаго будущаго. Разумѣется, съ точки зрѣнія исключительно экономическихъ интересовъ народа, будетъ небольшая разница между торговымъ посредникомъ изъ русскихъ кулаковъ и еврейскихъ шахеръ-махеровъ, но дѣло вѣдь не только въ этомъ. Опасность подобнаго будущаго состоитъ въ томъ, что торговецъ, который вообще не особенно долюбливается рабочимъ, будетъ, кромѣ того, евреемъ. Если антагонизмъ между торговымъ сословіемъ и производительными классами сказывается и теперь, то онъ несомнѣнно обострится, когда къ торговому сословію будутъ принадлежать люди другого племени, языка и религіи, да при томъ еще люди, нелюбимые народонаселеніемъ. При подобныхъ обстоятельствахъ можно скорѣе опасаться увеличенія погромовъ, а не ожидать ихъ уменьшенія. Нельзя не принять во вниманіе соціальной опасности подобнаго экономическаго порабощенія Россіи еврейскому племени.

Еслибы коренное рѣшеніе экономическо-крестьянскаго вопроса сопровождало тѣ мѣры, которыя требуются защитниками расширенія правъ евреевъ, то мы охотно стали-бы на ихъ сторону, разумѣется, подъ условіемъ

слиянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ Тогда почва для еврейской эксплуатаціи была-бы съужена, такъ что расширеніе правъ евреевъ не повело-бы за собою экономическаго закабаленія имъ крестьянства. При нынѣшнемъ-же положеніи вещей, когда евреи, даже не владѣя полными гражданскими правами, въ массѣ своей являются болѣе экономически сильными, нежели наше крестьянство,—равноправность поведетъ только къ бóльшему господству еврейства надъ крестьянствомъ; иначе говоря, мѣра, направленная какъ-бы для внесенія большей равноправности въ общественныя отношенія, на самомъ дѣлѣ будетъ способствовать усиленію неравенства. Поэтому, во имя принциповъ справедливости и равенства, мы и говоримъ объ ограниченіи правъ евреевъ, т. е. кулаковъ извѣстнаго края.

Многимъ кажется непонятнымъ то явленіе, что люди, стоящіе подъ знаменемъ равноправности, вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ ограниченія правъ евреевъ. По ихъ мнѣнію, только преступная дѣятельность (въ смыслѣ нарушенія извѣстныхъ законовъ и постановленій) можетъ вызывать такія ограниченія; евреи-же, занимающіеся торговлей всякаго рода, допускаемой закономъ, не могутъ быть ограничиваемы въ своихъ правахъ безъ нарушенія справедливости. Но люди, высказывающіе такое мнѣніе, навѣрно были-бы возмущены, еслибы, напримѣръ, желѣзно-дорожныя компаніи потребовали себѣ равенства съ остальными предпринимателями, т. е. права возвышать и понижать плату за провозъ по своему усмотрѣнію. У насъ, какъ извѣстно, права желѣзно-до-

рожныхъ собственниковъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограничены; такимъ образомъ, извѣстная группа, занимающаяся торгово-промышленными предпріятіями, является лишенной нѣкоторыхъ обще-гражданскихъ правъ. Но кто-же изъ защитниковъ истиннаго равенства будетъ протестовать противъ подобнаго ограниченія? Общественные интересы всегда должны быть предпочитаемы отвлеченнымъ принципамъ.

Въ правѣ евреевъ на покупку и аренду земли, нынѣ имъ запрещенномъ, заключалось только право на торговлю этой землей въ ущербъ сельскому хозяйству и интересамъ крестьянъ. Сами евреи земли не обрабатываютъ и свѣдѣній по сельскому хозяйству никакихъ не имѣютъ, —ихъ отношеніе къ землѣ вполнѣ торгашеское, идущее въ разрѣзъ съ существомъ сельско-хозяйственной промышленности. Интересы народныхъ массъ, а слѣдовательно и государства, требуютъ искорененія подобныхъ отношеній къ землѣ, а потому и временная мѣра, заградившая еврейству доступъ къ землѣ, вполнѣ справедлива [1]).

Принципъ борьбы за право путемъ ограниченія

[1]) „Просвѣщенная Европа установила въ соціальной экономіи, говоритъ г. Влад. Соловьевъ, безбожные и безчеловѣчные принципы, а потомъ пеняетъ на евреевъ за то, что они слѣдуютъ этимъ принципамъ“. („Еврейство и христіанскій вопросъ“). Просвѣщенная Европа, скажемъ мы, пародируя г. Соловьева, установила обычай войны, а потомъ пеняетъ на баши-бузуковъ и другихъ варваровъ, которые сдираютъ шкуру съ плѣнныхъ или безжалостно добиваютъ раненыхъ. Въ томъ-то и дѣло, что евреи злоупотребляютъ нынѣшней соціальной войной, подобно баши-бузукамъ въ физической войнѣ.

правъ тѣхъ лицъ, которыя нарушаютъ общественное благо своею, хотя-бы и вполнѣ дозволенной законами, дѣятельностью,—постоянно примѣняется въ практической жизни обществъ, исправляя недостатки общественной организаціи и служа предвѣстникомъ болѣе коренныхъ реформъ. Недавно граждане Соединенныхъ Штатовъ должны были прибѣгнуть къ мѣрѣ, аналогичной съ нашимъ закономъ о евреяхъ. Китайцы стали массами переселяться въ Сѣверную Америку, понижая не только заработную плату, но и нравственныя отношенія между нанимателями и нанимаемыми. Американцы не стали ждать того времени, когда отношенія между капиталомъ и трудомъ измѣнятся настолько, что куліи не будутъ опасны для экономическаго и нравственнаго благосостоянія рабочихъ классовъ; соображаясь съ практическими и общественными требованіями, они воспретили ввозъ куліевъ. Разумѣется, этой мѣрой они нарушили права куліевъ, но что-же было дѣлать, когда огражденіе матеріальнаго и духовнаго благосостоянія рабочихъ классовъ требовало этой мѣры? Критиковать американскій законъ относительно куліевъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой солидарности немыслимо, потому что внесеніе этихъ принциповъ въ жизнь въ ихъ полномъ и чистомъ видѣ, очевидно, повело-бы за собою пониженіе благосостоянія народа, не исправляя нынѣшнихъ общественныхъ формъ его быта На американской почвѣ произошло столкновеніе двухъ равно справедливыхъ интересовъ, изъ которыхъ одинъ былъ чужестраннымъ, а другой—мѣстнымъ. Но даже при такой постановкѣ дѣла, при равной справедливости этихъ двухъ

интересовъ, американскій народъ счелъ себя вправѣ оградить мѣстный интересъ нарушеніемъ правъ чужестраннаго, такъ какъ не видѣлъ иного практически осуществимаго исхода. Тѣмъ болѣе русскій народъ имѣетъ право требовать ограниченія правъ евреевъ, которые являются не трудолюбивыми работниками, какъ кули въ Америкѣ, а прямыми эксплуататорами.

Евреи особенно настаиваютъ на правѣ разселенія по всей Россіи. Мы уже говорили, что еврейство дѣлится на три группы. Громаднѣйшее большинство занято торгово-промышленными операціями, ремесленники составляютъ незначительную часть, чернорабочіе-же очень немногочисленны, даже по отношенію къ ремесленной группѣ. Какой-же изъ этихъ группъ тѣсно въ отведенныхъ имъ районахъ? Ремесленники, какъ извѣстно, имѣютъ право селиться по всей Россіи. Чернорабочіе всегда найдутъ работу на мѣстѣ, также какъ и чернорабочіе изъ христіанъ. Остаются только торговопромышленники. Они-то и подымаютъ вопли о скученности еврейскаго населенія, ибо имъ хотѣлось-бы, разумѣется, расширить районъ своей торгово-промышленной эксплуатаціи и такимъ образомъ повысить нынѣшній сравнительно скудный доходъ. Но если нынѣшній скудный доходъ отъ торговли заставляетъ многихъ евреевъ обращаться къ производительному труду — ремесленному и чернорабочему, то при расширеніи правъ ихъ селиться по всей Россіи все еврейство обратится въ эксплуататоровъ. При дозволеніи евреямъ заниматься торговлей по всей Россіи необходимо произошло-бы вытѣсненіе русскихъ тор-

говцевъ еврейскими Если принять во вниманіе, что евреевъ у насъ около 3-хъ милліоновъ, то необходимо заключить, что въ концѣ-концовъ всѣ евреи нашли-бы себѣ торговыя занятія и отовсюду вытѣснили-бы русскихъ, что можетъ повести къ безчисленнымъ соціальнымъ бѣдствіямъ, такъ какъ естественная экономическая рознь труда и капитала осложнилась-бы расовой и религіозной рознью. Вмѣстѣ съ тѣмъ народное сознаніе, благодаря этому послѣднему осложненію, необходимо-бы сбивалось съ истиннаго пути выясненія отношеній труда къ капиталу, такъ какъ то, что должно-бы относиться на счетъ капитала вообще, приписывалось-бы только еврейскому капиталу. Въ переходѣ торговли въ еврейскія руки, говорятъ, есть извѣстная выгода для русскаго народа, такъ какъ онъ-де будетъ избавленъ отъ той нравственной порчи, которую необходимо прививаетъ торговля,—такъ, по крайней мѣрѣ, убѣждалъ насъ одинъ еврейскій публицистъ, въ одно и то-же время желавшій оградить русскихъ отъ нравственной заразы и усилить эту заразу въ собственномъ народѣ, о правахъ котораго онъ хлопоталъ. Но очевидно, что русскій народъ не желаетъ ограждать свою нравственную чистоту, сваливая всѣ нечистыя занятія на еврейскія плечи, а потому и не желаетъ принять въ свою городскую и сельскую общину пришлыхъ эксплуататоровъ. Мы-же съ своей стороны не считаемъ торгово-промышленнаго еврейства заслуживающимъ нашихъ симпатій, а потому и вправѣ не заботиться о расширеніи его правъ; мы убѣждены въ томъ, что это расширеніе только уменьшитъ количество евреевъ, заня-

тыхъ производительнымъ трудомъ, т. е. вообще понизить въ концѣ-концовъ нравственный уровень еврейскаго народа. Скученность и неравноправность евреевъ—тяжелая и горькая школа, но еврейство обязано пройти ее, чтобы привыкнуть, хотя мало-по-малу. къ производительнымъ занятіямъ. Нынѣшняя-же ихъ хищническая дѣятельность несомнѣнно ведетъ къ духовному вырожденію, о которомъ Гартманъ говоритъ слѣдующее: «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современный еврейскій типъ, подъ вліяніемъ историческихъ условій, выродился въ физическомъ и умственномъ отношеніи» [1]. Евреи напрасно хвастаются своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ кореннымъ населеніемъ Россіи, забывая, что пронырливость и т. п. умственныя качества, хотя и даютъ имъ перевѣсъ надъ другими въ дѣлахъ торговыхъ и биржевыхъ, но все-таки считались и считаются низшими умственными способностями. Поэтому извѣстная заносчивость евреевъ, въ этомъ отношеніи, не имѣетъ никакихъ основаній, а между тѣмъ она сильно отталкиваетъ коренное населеніе отъ еврейства.

Въ средѣ евреевъ начинается любопытное движеніе: между ними нарождаются люди, старающіеся разрѣшить еврейскій вопросъ нетолько традиціонными указаніями на необходимость расширенія правъ евреевъ, но и другими мѣрами, вѣрнѣе ведущими къ цѣли. Къ

---

[1]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. („Новое Время" 1885 г., № 3393).

числу такихъ людей принадлежитъ и г. Бенъ-Сіонъ [1]. Онъ находитъ, что евреи сами въ значительной степени виноваты въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, какія установились между ними и кореннымъ населеніемъ. Поэтому и требуетъ, чтобы первые шаги къ примиренію шли отъ самихъ евреевъ. Въ числѣ «крайнихъ фанатиковъ», препятствующихъ этому, находится, по его мнѣнію, русско-еврейская печать.

Вмѣсто того, чтобы безпристрастно и всесторонне разбирать положительныя и отрицательныя стороны еврейства, говоритъ нашъ авторъ, органы этой печати сразу стали на ложный путь и занялись исключительно восхваленіемъ національныхъ достоинствъ евреевъ, ихъ геніальныхъ способностей, энергіи, трудолюбія, трезвости и воздержности; еврейская масса, сама по себѣ не слишкомъ привлекательная, возводится у нихъ чуть-ли не до идеальной высоты святыхъ и невинныхъ мучениковъ. Эта безтактность, чтобы не сказать тщеславіе, и исключительно апологетическій характеръ еврейской публицистики естественно должны были усилить раздраженіе въ анти-еврейскомъ лагерѣ. Слишкомъ ужь не по разуму усердствовали, прибавляетъ г. Бенъ-Сіонъ, русское-еврейскіе публицисты [2].

---

[1]) Бенъ-Сіонъ. „Евреи реформаторы. Опытъ соціально-религіозной реформы еврейства и новая постановка еврейскаго вопроса въ Россіи“.

[2]) Вообще, фальшивость положенія, занятаго еврейскими публицистами по отношенію къ задачамъ русской общественной жизни, выясняется мало-по-малу до полной наглядности. Дѣло въ томъ, что еврейскіе погромы воочію убѣдили ихъ, что народъ ол.

Многіе,—въ томъ числѣ и многіе евреи, — продолжаетъ авторъ, готовы были видѣть въ погромахъ и безпорядкахъ случайныя вспышки народнаго своеволія, случайный пьяный разгулъ буйной толпы, и полагали,

---

носится къ евреямъ весьма враждебно, и имъ стало ясно, что проповѣдь объ уваженіи государствомъ народнаго мнѣнія совершенно не въ интересахъ еврейскаго населенія. Поэтому они и стали утверждать, что говорить о томъ, что общественныя формы должны зависѣть отъ міросозерцанія народа, значитъ стремиться къ «бонапартизму». Боязнь рѣшеній народнаго мнѣнія собственно въ еврейскомъ вопросѣ заставляетъ ихъ вообще покинуть либеральныя формулы объ уваженіи къ общественному мнѣнію и искать другихъ. «Заря», напримѣръ, говоритъ: «Наука и опытъ потому и имѣютъ неоспоримую для всѣхъ цѣну, что они одни способны создать то знамя, подъ которымъ могутъ соединиться мирно и любовно всѣ человѣческія общества и отдѣльныя личности». Итакъ, не общественно-народное мнѣніе должно быть критеріемъ общественныхъ формъ, а наука. Однако, много-ли выиграетъ отъ этого еврейскій вопросъ? Еслибы, положимъ, для разрѣшенія еврейскаго вопроса мы вздумали обратиться къ «наукѣ» въ лицѣ извѣстнаго ученаго Топинара, то въ его «Антропологіи» нашли-бы, что авторъ характеристичными нравственными чертами семитовъ считаетъ «корыстолюбіе, развивающее въ нихъ коммерческій духъ» и «сектаторскій эгоизмъ». Вотъ, значитъ, и наука совѣтуетъ намъ остерегаться корыстолюбія евреевъ и ихъ сектаторскаго эгоизма. Или, можетъ быть, еврейскіе публицисты объявятъ, что слова Топинара еще не есть слова науки? Но въ такомъ случаѣ они должны указать, какую-же практическую мѣрку слѣдуетъ употреблять для признанія тѣхъ или другихъ мнѣній научными и ненаучными? Разъ они утверждаютъ, что общественныя формы должны опредѣляться наукою, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны отыскать способъ практическаго измѣренія научности и ненаучности мнѣній. Будетъ-ли это опредѣляться учеными по большинству голосовъ? Но

что гроза скоро пройдетъ и настанетъ прежняя тишина и спокойствіе. Теперь-же всѣмъ стало очевидно, что анти-еврейское движеніе имѣетъ болѣе глубокія причины и что эти причины подготовлялись систематически,

кого-же считать людьми науки? Если только тѣхъ, кто получилъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, то многіе изъ лучшихъ умственныхъ силъ нашей страны не попали-бы въ эти избранники и тамъ оказались-бы въ чрезвычайномъ обиліи карьеристы. Неужели-же еврейскіе публицисты полагаютъ, что эти люди болѣе годны для опредѣленія общественной формы, нежели общество и народъ?

Проповѣдь о томъ, что общественныя формы должны зависѣть отъ науки, ведетъ, при своемъ практическомъ осуществленіи, къ господству надъ обществомъ и народомъ ученой бюрократіи. Пусть гг. еврейскіе публицисты только хорошенько вдумаются въ этотъ вопросъ и они навѣрное поймутъ, что ихъ громкія слова о наукѣ скрываютъ подъ собою проповѣдь господства ученой бюрократіи и ничего больше. Всѣ логическіе умы, прежде ихъ говорившіе о необходимости подчинить жизнь предписаніямъ науки, неуклонно приходили къ мысли объ устройствѣ ученой бюрократіи. А къ чему можетъ повести подчиненіе общества ученой бюрократіи, можно видѣть на примѣрѣ Китая, гдѣ оно пріостановило и научное, и общественное развитіе на многія столѣтія.

Быть можетъ еврейскіе публицисты думаютъ, что господство ученой бюрократіи если и вредно отразится на судьбахъ русскаго общественнаго прогресса, зато спасетъ евреевъ отъ послѣдствій общественно-народнаго мнѣнія, относящагося къ нимъ враждебно? Но на какомъ-же основаніи они думаютъ, что ученая бюрократія будетъ за нихъ? Мы уже приводили мнѣніе Гартмана, а также и Топинара, который, нужно замѣтить, въ большинствѣ случаевъ держится только того, что болѣе или менѣе признано большинствомъ ученыхъ людей. Поэтому, гораздо основательнѣе думать, что и ученая бюрократія не посмотритъ на евреевъ особенно

впродолженіе цѣлыхъ столѣтій, взаимными отношеніями между евреями и коренным населеніемъ. Вражда къ евреямъ зачалась еще въ періодѣ полнаго господства польскаго панства. Евреи при помощи своей, выработ-

благосклонно. Не лучше-ли будетъ евреямъ держаться простой, обыкновенной бюрократіи, которая какъ ни какъ, а все-же защищаетъ ихъ отъ народнаго гнѣва. Вѣдь они все равно уже стали бросать основныя положенія либеральной программы объ уваженіи къ общественному мнѣнію, чувствуя, что общество противъ нихъ; они даже поругиваютъ общественное мнѣніе, подъ тѣмъ будто-бы благовиднымъ предлогомъ, что это мнѣніе «полуобразованной» публики; теперь имъ остается только открыто, безъ экивоковъ, провозгласить себя рьяными сторонниками бюрократизма.

Строго говоря, мы не можемъ особенно винить еврейскихъ публицистовъ за вражду къ народничеству, такъ какъ понимаемъ всю противоположность интересовъ народа съ интересами евреевъ; но мы имѣемъ право требовать, чтобы борьба велась ими открыто и честно, чтобы каждый говорилъ то, что думаетъ, и не защищалъ-бы своего дѣла клеветою на противника и намѣреннымъ искаженіемъ его мнѣній. («Писатель, говоритъ Дьюрингъ, который не захотѣлъ-бы восхвалять, какъ нѣчто въ высшей степени благодѣтельное, ихъ расовыя особенности, долженъ приготовиться къ самымъ непріятнымъ каверзамъ съ ихъ стороны»). Теперь-же многіе изъ гг. публицистовъ, враждуя съ народничествомъ главнымъ образомъ потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ интересами еврейства, скрываютъ однако это отъ русской публики и стараются уронить его въ мнѣніи своихъ читателей, какъ будто изъ-за другихъ побужденій и по другимъ поводамъ. Народничество, молъ, говоритъ то-то и то-то, проповѣдуетъ такія то и такія нелѣпости — это-де совсѣмъ не прогрессивное направленіе! Приэтомъ, конечно, разсчитывается только на тѣхъ изъ читателей, которые незнакомы съ народничествомъ. Быть можетъ, разсчетъ еврейскихъ публицистовъ отчасти и оправдается; но мы все-таки будемъ надѣяться, что какъ солнце нельзя закрыть ермол-

танной вѣками, смышленности и изворотливости скоро успѣли сдѣлаться полезными и необходимыми изнѣженнымъ и развратнымъ панамъ, которые при ихъ содѣйствіи творили надъ крестьянами свои безчинства и своеволія. Въ эту печальную эпоху и положено было начало исторической враждѣ крестьянъ къ евреямъ, выросшей на экономической и соціальной почвѣ.

Какія-же мѣры предлагаетъ г. Бенъ-Сіонъ для рѣшенія еврейскаго вопроса? Очевидно, заявляетъ онъ, что для уничтоженія зла прежде всего необходима реформа широкая и глубокая самого еврейства, которая вызвала-бы возможность мирныхъ и солидарныхъ отношеній евреевъ къ коренному населенію и позволила-бы и еврею, и христіанину видѣть другъ въ другѣ брата и друга. Поэтому появленіе на югѣ Россіи еврейскихъ

кой, такъ и правду не закроешь еврейскими передовыми статьями о народничествѣ.

Пока еврейская публицистика (къ слову сказать: очень часто скрывающаяся подъ фирмою вполнѣ русской газеты) будетъ являться исключительной защитницей еврейскихъ интересовъ, до тѣхъ поръ между нею и народничествомъ не можетъ быть никакого соглашенія. А мы имѣемъ основаніе опасаться, что она останется такою еще очень долго. Враждебность, выказываемая еврейскими публицистами по отношенію къ народничеству, основана, во-первыхъ, на томъ, что народничество ставитъ общественное дѣло въ зависимость отъ народнаго мнѣнія и желанія, а евреи прекрасно знаютъ, что такая постановка крайне невыгодна для ихъ хищнической дѣятельности; во-вторыхъ, потому что народничество противоположно буржуазно-либеральному строю, къ которому евреи болѣе всего склонны, такъ какъ при немъ въ обществѣ получаютъ перевѣсъ денежные гешефтмахеры.

сектъ, задавшихся цѣлью реформы еврейства, русское общество должно привѣтствовать, какъ самый отрадный и желательный фактъ.

Въ чемъ-же состоятъ реформы, о которыхъ говоритъ г. Бенъ Сіонъ? Какъ «Новый Израиль», такъ и «Духовно-библейское братство» отвергаютъ талмудъ, считая его очень вреднымъ толкованіемъ Моисеева закона. По ученію талмуда «вся вселенная, всѣ народы созданы только для и ради евреевъ»,—евреи-реформаторы не признаютъ этого. Въ числѣ нововведеній у этихъ сектъ мы находимъ: 1) празднованіе воскресенія, а не субботы; 2) отмѣну обряда обрѣзанія, гибельно дѣйствующаго на новорожденныхъ; 3) отмѣну понятій о трефномъ и каширномъ мясѣ; 4) употребленіе русскаго языка; 5) обязательство не уклоняться отъ воинской повинности; 6) запрещеніе заниматься ростовщичествомъ и содержаніемъ домовъ терпимости.

Недостаточность этихъ реформъ для поднятія вырождающагося еврейскаго племени, по нашему мнѣнію, через-чуръ очевидна: необходима большая настойчивость въ проповѣди производительныхъ занятій. Но все-таки нельзя не удивляться, что русско-еврейскія газеты, защищая существующее, высказались противъ новыхъ реформъ, хотя г. Бенъ-Сіонъ и убѣжденъ, что лично ихъ редакторы и ихъ сотрудники ничего не могутъ имѣть противъ ученія сектантовъ, уже давно исповѣдуемаго ими въ своей собственной практической жизни.

Намъ остается пожелать наибольшаго успѣха евре-

ямъ-реформаторамъ,—авось что-нибудь и выйдетъ изъ ихъ усилій.

Уменьшить вражду кореннаго населенія къ евреямъ можетъ только ихъ переходъ отъ исключительнаго занятія торговлей къ производительному труду. Занятіе земледѣліемъ будетъ большинству изъ нихъ не по силамъ, а потому имъ необходимо заняться изученіемъ ремеслъ. Какъ извѣстно, были попытки обратить евреевъ къ земледѣлію, но при этомъ самымъ легкомысленнымъ образомъ забывали, что земледѣліе требуетъ громадной массы эмпирическихъ свѣдѣній, передаваемыхъ обыкновенно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Только тѣ евреи могли-бы сдѣлаться земледѣльцами, которые получили-бы раньше всѣ необходимыя свѣдѣнія, дать-же имъ эти свѣдѣнія могутъ земледѣльческія школы. Но, повторяемъ, физическая слабость большинства изъ нихъ дѣлаетъ его негоднымъ къ физически тягостному земледѣльческому труду. Остается заняться ремесломъ и вообще обрабатывающей промышленностью. Еврейскіе капиталисты могли бы способствовать устройству ремесленныхъ школъ и этимъ путемъ помочь разселенію евреевъ, такъ какъ извѣстно, что ремесленники-евреи имѣютъ право селиться по всей Россіи.

ГЛАВА V.

Этическія ученія и народничество.

Господствующимъ въ шестидесятыхъ годахъ этическимъ ученіемъ былъ утилитаризмъ. Онъ училъ, что человѣкъ только и можетъ стремиться къ личному счастью; никакихъ другихъ задачъ онъ не можетъ и не долженъ имѣть. Любовь къ дѣтямъ, ближнему и ко всему міру есть только извѣстная форма того-же стремленія къ личному счастью, какъ и тѣ поползновенія, которыя всѣми признаются за чисто эгоистическія. Любимая идея утилитаризма состояла въ томъ, что всѣ люди — эгоисты, и разница въ ихъ поведеніи опредѣляется тѣмъ, что эгоизмъ одного требуетъ нарушенія чужихъ правъ, а эгоизмъ другого — уваженія къ нимъ. Утилитаристы приписывали человѣческой душѣ исключительно эгоистическіе мотивы. По ихъ мнѣнію, эгоизмъ одного человѣка, сталкиваясь съ эгоизмомъ другого, приводитъ ихъ обоихъ къ мысли о необходимости извѣстнаго компромисса: иначе, пожалуй, оба эгоизма не достигнутъ своей цѣли, погибнувъ во взаимной борьбѣ. Такимъ образомъ создались тѣ правила общежитія, ко-

торыя удерживаютъ насъ отъ нарушеній чужихъ правъ. Эгоизмъ вора отличается отъ эгоизма честнаго человѣка только тѣмъ, что первый плохо понимаетъ свои собственные эгоистическіе интересы, видя ихъ въ нарушеніи чужого права; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ правильно понимаемый эгоизмъ долженъ побуждать насъ къ уваженію этихъ правъ, такъ какъ всякому должно быть понятно, что въ противномъ случаѣ установится порядокъ взаимнаго нарушенія правъ, который и приведетъ за собою неудовлетворенность для всѣхъ эгоизмовъ. Вся нравственная задача состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть глаза отдѣльнымъ личностямъ на дѣйствительную цѣль ихъ эгоизма. Для этого нужна проповѣдь «правильно понимаемаго» эгоизма, такъ какъ многіе, по глупости и невѣжеству, не знаютъ настоящей дороги къ личному счастью. Они не знаютъ, что достигнуть личнаго счастья нельзя помимо общечеловѣческаго счастья, а потому и идутъ по дорогѣ неправильно понимаемаго эгоизма, т. е. по дорогѣ противо-общественнаго поведенія. Разница въ поведеніи людей сводилась такимъ образомъ къ различному пониманію пути для достиженія личнаго счастья. Люди относительно своего нравственнаго поведенія стали дѣлиться не на нравственныхъ и безнравственныхъ, а на умныхъ и глупыхъ: умный человѣкъ понимаетъ, что онъ не можетъ удовлетворить своего личнаго эгоизма, помимо содѣйствія общечеловѣческому счастью, глупый-же этого не понимаетъ. Утилитаристы шестидесятыхъ годовъ, глубоко вѣруя въ эти догматы, проповѣдывали, что единственный способъ пріучить личность къ нравственному пове-

денію состоитъ въ снабженіи ея извѣстнымъ количествомъ знаній, которыя де помогутъ ей понять, въ чемъ состоитъ правильно понимаемый эгоизмъ. Они, разумѣется, подобно всѣмъ моралистамъ, имѣли въ виду способствовать улучшенію нравственнаго поведенія личности, но видѣли это улучшеніе въ распространеніи знаній, которыя, по ихъ мнѣнію, дадутъ возможность личности правильнѣе взглянуть на интересы собственнаго эгоизма. Такимъ образомъ, базисомъ всей ихъ проповѣди все-таки оставался личный эгоизмъ.

Проповѣдь, что личное счастье не можетъ быть достигнуто помимо содѣйствія общественному благу, придавала утилитаризму характеръ этическаго ученія, имѣющаго своей задачей нравственное поведеніе отдѣльныхъ личностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрытый этимъ благороднымъ знаменемъ, утилитаризмъ вносилъ разлагающіе элементы въ міросозерцаніе личности: онъ трубилъ ей въ уши, что всѣ мы — эгоисты и что разница между нравственнымъ и безнравственнымъ человѣкомъ заключается только въ степени пониманія эгоизма. Эгоистическія наклонности личности этимъ самымъ разнуздывались,—разумѣется, насколько они могутъ разнуздываться общественной снисходительностью къ проповѣди о томъ, что всѣ мы дѣйствуемъ только подъ вліяніемъ эгоистическихъ мотивовъ. Утилитаризмъ, такимъ образомъ, ласкалъ эгоизмъ личности, убаюкивая его пѣсенкой: всѣ люди — эгоисты. Оборотная сторона его проповѣди, — необходимость достигать личнаго счастья путемъ содѣйствія общественному благу,—оставалась лишь ширмой, за которой въ дѣйствительности шла рѣчь о дости-

женіи цѣлей личнаго эгоизма всѣми легальными средствами. «Правильно понимаемый» эгоизмъ въ жизненной практикѣ выродился въ легальный эгоизмъ, т. е. въ эгоизмъ, орудіями котораго были всѣ легальныя средства эксплуатаціи ближняго. Дѣйствіе общественнаго мнѣнія на нравственное поведеніе личности было сведено чуть не къ нулю.

Къ счастью, поведеніе людей обусловлено болѣе уровнемъ ихъ нравственныхъ чувствъ, чѣмъ этическими ученіями, иначе утилитаризмъ могъ-бы навредить нашему обществу еще больше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности. Распространеніе утилитаризма,—обусловленное тѣмъ, что личность, будучи достаточно эгоистичной, съ удовольствіемъ принимала ученіе о всеобщемъ эгоизмѣ,—способствовало ослабленію той узды, которую налагаетъ на нашъ эгоизмъ общественное мнѣніе. Въ утилитаризмѣ эгоисты находили опору для самооправданія и смѣло смотрѣли людямъ въ глаза. Честные люди, при всемъ отвращеніи къ такимъ субъектамъ, невольно смягчали свое отношеніе къ нимъ, такъ какъ утилитаристская софистика, выступавшая подъ знаменемъ науки, смущала ихъ своей мнимой логикой. Утилитаризмъ, такъ-сказать, уравнивалъ разницу между честными и безчестными людьми и понижалъ пылъ негодованія противъ проявленій личнаго эгоизма.

Вмѣстѣ съ повышеніемъ нравственнаго уровня, въ интеллигентной средѣ начало распространяться и иное этическое ученіе, стремящееся въ настоящее время вытѣснить прежній утилитаризмъ. Это ученіе можетъ быть названо эволюціоннымъ интуитивизмомъ.

Распространенію его способствуетъ нетолько большее, сравнительно съ шестидесятыми годами, развитіе нравственнаго чувства въ русскомъ интеллигентномъ человѣкѣ, но и бо̀льшая научность этого ученія; утилитаризмъ не выдерживаетъ напора научной критики и уступаетъ мѣсто своему врагу. Проповѣдники новаго ученія, разумѣется, прежде всего постарались опровергнуть тотъ софизмъ утилитаристовъ, который своею правдоподобностью смущалъ многихъ. Этотъ софизмъ гласилъ, что человѣкъ можетъ стремиться только къ своему собственному счастью, что другихъ задачъ никакой организмъ, а слѣдовательно и человѣческій, никакъ не можетъ имѣть, ибо онъ только и можетъ желать удовлетворить свои потребности и стремленія. Интуитивисты, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что организмъ только и можетъ стремиться къ удовлетворенію своихъ потребностей, вмѣстѣ съ тѣмъ указали, что изъ этого никакъ нельзя заключать, будто онъ стремится только къ собственному счастью, такъ какъ въ числѣ его потребностей можетъ быть желаніе счастья другимъ даже на счетъ счастья самого организма. Факты самопожертвованія на столько многочисленны, что нѣтъ необходимости указывать на нихъ. Ясно, что въ числѣ потребностей человѣческаго организма мы находимъ не только такія, удовлетвореніе которыхъ ведетъ къ личному его счастью, но и массу другихъ, удовлетвореніе которыхъ состоитъ въ пожертвованіи личнымъ счастьемъ въ пользу счастья другихъ людей. Нѣтъ никакихъ основаній сваливать въ одну кучу два такихъ разнородныхъ явленія, какъ потребность организма въ личномъ счастьи и потребность

его-же въ пожертвованіи личнымъ счастьемъ въ пользу другихъ. Утилитаристы были-бы правы, если-бы утверждали, что организмъ можетъ стремиться къ удовлетворенію только собственныхъ потребностей, — ибо нѣтъ сомнѣнія, что организмъ не можетъ стремиться къ тому, въ чемъ онъ не ощущаетъ нужды. Но они пошли дальше и стали утверждать, что организмъ стремится только къ личному счастью; они упустили изъ виду, что въ организмѣ потребность въ личномъ счастіи можетъ всегда сопровождаться потребностью въ счастіи другихъ, — будетъ-то семья, народъ или все человѣчество. Называть ту потребность организма, которая удовлетворяется пожертвованіемъ личнымъ счастіемъ въ пользу счастья другихъ, эгоизмомъ, только на томъ основаніи, что, стремясь къ чужому счастью, человѣкъ удовлетворяетъ собственной потребности,—это значитъ умышленно спутывать понятія. Необходимо различать потребность въ личномъ счастіи и потребность въ пожертвованіи имъ на благо другихъ. Хотя обѣ эти потребности составляютъ свойства одного и того-же организма, но это не даетъ права смѣшивать ихъ подъ однимъ именемъ, такъ какъ въ дѣйствительности они не тождественны, а дѣйствуютъ противоположно другъ другу. Обыкновенно принято называть эгоизмомъ ту часть потребностей человѣка, которая толкаетъ его по пути къ личному счастью; утилитаристы-же распространили этотъ терминъ и на ту часть потребностей человѣка, которая толкаетъ его на самопожертвованіе, и этимъ способствовали деморализаціи общества, такъ какъ унизили эту часть его души

и даже, нѣкоторымъ образомъ, скрыли ея отдѣльное существованіе.

Эволюціонные интуитивисты возстановили научное значеніе общепризнаннаго раздѣленія потребностей человѣка на эгоистическія и нравственныя, альтруистическія. Эти потребности прирождены человѣку и каждый получаетъ ихъ по наслѣдству отъ своихъ предковъ. Но нравственный строй нашей души зависитъ не только отъ условій наслѣдственности, а и отъ воспитательныхъ условій всей нашей жизни. Утилитаристы полагали, что нравственность людей зависитъ отъ количества знаній, дающихъ возможность шире и правильнѣе понимать истинный интересъ личнаго эгоизма. Среди этическихъ ученій утилитаризмъ можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ аристократическимъ ученіемъ, такъ какъ онъ осуждаетъ толпу, какъ невѣжественную массу, на безнравственность. По этой теоріи, нравственной можетъ быть только интеллигенція, ибо она одна есть носительница знанія, единственнаго вѣрнаго руководителя по пути къ добродѣтельной жизни, такъ какъ добродѣтель — ничего больше какъ правильное пониманіе личнаго эгоизма. Современный интуитивизмъ, наоборотъ, утверждаетъ, что нравственное поведеніе личности не зависитъ отъ количества знаній, а имѣетъ въ своемъ основаніи тотъ или иной строй эгоистическихъ и нравственныхъ чувствъ въ нашемъ организмѣ. Этотъ строй чувствъ получается нами по наслѣдству отъ предковъ и развивается путемъ самой жизни. Только упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ совершенствуетъ насъ нравственно. Понятно, что при такомъ взглядѣ на нрав-

ственность, безграмотный деревенскій житель можетъ оказаться гораздо болѣе нравственнымъ, чѣмъ самый ученый человѣкъ; лепта вдовицы можетъ быть важнѣе для нравственнаго усовершенствованія, нежели сотни тысячъ богатаго филантропа. Между тѣмъ, для людей шестидесятыхъ годовъ была совершенно непонятна возможность нравственнаго превосходства безграмотной деревни надъ ученымъ городомъ. Нашъ интуитивизмъ, устранивъ ошибки утилитаризма, способствовалъ демократизированію русской интеллигенціи, начинающей понимать, что ея интеллигентность не даетъ ей права считать себя нравственнѣе крестьянства. Отсюда вытекаетъ дѣйствительное, уваженіе къ личности крестьянина, уваженіе, котораго, что-бы тамъ ни говорили люди шестидесятыхъ годовъ, въ ихъ время не было, да и не могло быть: нельзя признавать равнымъ себѣ человѣка, который нравственно стоитъ ниже.

Моралисты всѣхъ временъ и народовъ имѣютъ обыкновеніе представлять современную имъ нравственность въ самыхъ черныхъ краскахъ, — причемъ для контраста выставляютъ въ розовомъ цвѣтѣ прошлое народовъ. Только недавно нѣкоторые изъ нихъ стали указывать на будущее, какъ на то время, когда человѣчество явится въ полномъ блескѣ своего нравственнаго величія. Пока, это послѣднее направленіе еще сравнительно слабо,—къ нему мало наклонны не только необразованные или полуобразованные проповѣдники нравственности среди простого народа, т. е. разнаго рода сектантскіе моралисты, но и тѣ, кто составляетъ умственную соль русской земли,—ученые люди, стремящіеся руководить

общественной мыслью. Это доказывается тѣмъ, что наши моралисты, въ своихъ нападкахъ на современную нравственность, постоянно указываютъ на мнимое нравственное паденіе нашего общества, сравнительно съ прошлыми, шестидесятыми и сороковыми годами. Эта характерная черта, — отыскиваніе идеаловъ въ прошломъ,— связываетъ нашихъ литературныхъ моралистовъ со всѣмъ сонмомъ проповѣдниковъ нравственности, когда-либо работавшихъ надъ нравственнымъ усовершенствованіемъ человѣчества. Юношескій оптимизмъ и старческій пессимизмъ всегда были главными причинами ошибочнаго воззрѣнія на ходъ общественнаго развитія. Когда-то эти ошибочныя воззрѣнія вполнѣ господствовали надъ умами людей. Теорія постепеннаго вырожденія человѣчества считалась несомнѣнной. Кто изъ насъ не слышалъ въ дѣтствѣ доказательствъ физическаго вырожденія человѣческаго рода? Нашимъ отцамъ это казалось вполнѣ научно-доказаннымъ явленіемъ. А между тѣмъ большее знакомство съ прошедшимъ доказало, что человѣчество физически совершенствуется, что цивилизація (въ общемъ ея ходѣ) способствуетъ продолжительности жизни, а не укорачиваетъ ее, что сумма земныхъ благъ не уменьшается, а увеличивается и т. д. Тоже можно сказать про духовную сторону человѣка. Нравственный и умственный прогрессъ человѣчества—несомнѣненъ. Исторія нашей нравственности начинается не великими образцами добродѣтелей, которые постепенно понижаются и падаютъ, доходя, наконецъ, до насъ, «дрянныхъ и пошлыхъ людишекъ», а наоборотъ, начали мы съ животнаго эгоизма и мало-по-малу, работой многихъ

тысячелѣтій достигли той ступени нравственнаго развитія, на которой находимся теперь и которую осуждаемъ во имя стремленія къ дальнѣйшему усовершенствованію. Если наши предки были убѣждены, что человѣчество начало свое существованіе съ золотого вѣка,—счастья и довольства,—потомъ перешло въ вѣкъ мѣдный и наконецъ теперь находится въ вѣкѣ желѣзномъ, полномъ печали, горестей и воздыханій, то мы, наоборотъ, достовѣрно знаемъ, что назади у насъ была только кровавая эпопея человѣческихъ несчастій и страданій, кровожадная борьба всѣхъ противъ всѣхъ и что эта борьба мало-по-малу смягчалась, принимала все болѣе и болѣе мягкія формы и наконецъ явилась намъ въ той формѣ, которой недовольны наши моралисты.

Признавая несомнѣннымъ, что исторія человѣчества есть исторія его прогрессивнаго развитія, мы все-таки не можетъ не видѣть, что иногда отдѣльныя группы этого человѣчества регрессируютъ очень замѣтнымъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Примѣромъ такого регресса можетъ служить римская имперія. Но регрессъ въ ней явился не процессомъ внутренняго разложенія, какъ старались объяснить прежніе историки, не съумѣвшіе понять, что переходъ отъ республики къ имперіи былъ результатомъ не нравственнаго паденія, а наоборотъ, стремленія къ равенству провинціальныхъ жителей съ римскими гражданами. Римская республика погибла потому, что считала своими полноправными гражданами только самое незначительное количество лицъ. Провинціямъ плохо жилось при этой республикѣ и онѣ ниспровергли ее. Такимъ образомъ переходъ отъ рес-

публики къ имперіи былъ не нравственнымъ паденіемъ, а шагомъ впередъ. Нравственное развитіе продолжалось и во время императоровъ. Было-бы вполнѣ ошибочно смѣшивать общенародную жизнь и нравственность съ тѣми грандіозно-порочными обычаями, которые господствовали при дворахъ Нероновъ и Каллигулъ. Только тѣ, кто не видитъ ничего кромѣ войнъ, придворныхъ интригъ и т. п. вещей въ исторіяхъ народовъ, могутъ отождествлять обычаи римскихъ императоровъ съ обычаями народа вообще. Распространеніе разнообразныхъ нравственныхъ ученій, начиная стоиками и кончая христіанствомъ, доказываетъ намъ, что нравственная жизнь римской имперіи не застыла, а совершенствовалась и шла впередъ.

Но къ несчастью для римской цивилизаціи, имперія была через-чуръ слаба физически, сравнительно съ наступавшими на нее со всѣхъ сторонъ воинственными варварами, и должна была пасть подъ ихъ ударами. Полудикія племена разселились на ея территоріи и, понятно, стали заводить порядки, соотвѣтственные своему умственному и нравственному уровню. Тѣ національности, которыя образовались изъ смѣшенія варваровъ съ прежними болѣе или менѣе цивилизованными гражданами римской имперіи, понятно, должны были уступать какъ въ умственныхъ, такъ и въ нравственныхъ силахъ прежнимъ поколѣніямъ римскихъ гражданъ. Отсюда невозможность дальнѣйшаго развитія римской цивилизаціи и временный регрессъ общественный жизни. Прошло нѣсколько вѣковъ, пока эти смѣшанныя націи достигли того уровня, на которомъ стояли римляне.

Другимъ примѣромъ регресса можетъ служить татарскій эпизодъ въ русской исторіи. Въ этомъ случаѣ дѣло произошло нѣсколько не такъ, какъ у римлянъ; татары не поселились на русской землѣ, не смѣшались съ русскимъ народомъ, а потому и не дѣйствовали на ослабленіе умственныхъ и нравственныхъ силъ его органическимъ путемъ. Но за то ихъ механическое давленіе заставило Русь организоваться по такому государственному типу, цѣль котораго была почти исключительно направлена на обезпеченіе внѣшней безопасности. Это-же стремленіе къ внѣшней безопасности заставило московскихъ государей принимать массами на свою службу татарскихъ князей, царевичей и вообще служилыхъ людей. Эти инородцы смѣшались путемъ браковъ съ московскимъ боярскимъ и вообще служилымъ людомъ и составили такимъ образомъ ту органическую смѣсь, которая руководила государственной жизнью московской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что прогрессивное развитіе человѣчества есть общая тенденція его исторіи,— регрессивные эпизоды являются исключеніемъ. А такъ какъ регрессъ есть исключеніе, то онъ и долженъ быть точно доказанъ тѣми, кто указываетъ на его существованіе въ какой-либо періодъ времени. Посмотримъ-же, есть-ли у нашихъ пессимистическихъ моралистовъ какія-либо основательныя доказательства въ пользу положенія, что въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ наше общество было нравственнѣе, нежели теперь?

Прежде всего мы должны указать на то, что общественныя формы почти во всѣхъ существующихъ обще-

ствахъ не зависятъ прямо и непосредственно отъ умственнаго и нравственнаго развитія общества. Разумѣется, что это несоотвѣтствіе имѣетъ извѣстныя, довольно тѣсныя границы, но все-таки оно существуетъ повсюду. Это зависитъ отъ того, что общественныя формы создаются не только обществомъ, но и тѣми историческими условіями, которыя, будучи созданы когда-то самимъ обществомъ, стали могущественной силой, имѣющей даже большее вліяніе при образованіи новыхъ формъ, нежели само общество. Итакъ, умственный и нравственный прогрессъ не состоитъ въ непосредственной связи съ общественными формами, а потому и по развитію или застою въ общественныхъ формахъ нельзя судить о развитіи или застоѣ въ умственной и нравственной жизни общества. Духовная жизнь общества можетъ развиваться и совершенствоваться на ряду съ застоемъ въ общественныхъ формахъ, кристаллизовавшихся на основаніи прежняго уровня духовнаго развитія. Возьмемъ для примѣра хотя-бы наполеоновской режимъ во Франціи. Послѣ франко-прусской войны всѣ стали кричать, что этотъ режимъ развратилъ Францію, что онъ погубилъ въ ней умственныя и нравственныя силы и т. д. Правда, въ этихъ крикахъ есть извѣстная доля правды,— наполеоновскій режимъ стѣснялъ развитіе духовныхъ силъ народа, систематически устранялъ отъ себя все талантливое и честное, а потому и не могъ выдержать напора пруссаковъ и погибъ. Но стѣсненіе развитія не есть его пріостановка или регрессъ,—этого, къ счастію, не можетъ сдѣлать никакой режимъ. Развѣ Франція семидесятыхъ годовъ тождественна съ Франціей соро-

ковыхъ? Такимъ образомъ, несмотря на стѣсненія, Франція продолжала развиваться, хотя и медленнѣе, чѣмъ могла-бы при другихъ обстоятельствахъ. Благодаря только этому, Франція и могла такъ быстро оправиться отъ удара, нанесеннаго ей пруссаками, и устроить свой бытъ на лучшихъ началахъ, чѣмъ это было при Наполеонѣ.

Наши плакальщики моралисты, по всей вѣроятности, вполнѣ убѣждены въ благотворномъ дѣйствіи проливаемыхъ ими слезъ. Убѣждая насъ, «что ничтожество намъ имя», сравнительно съ нравственными гигантами, которыми были люди шестидесятыхъ и сороковыхъ годовъ, они убѣждены, что будятъ общественную совѣсть и подвигаютъ на благія дѣла. Но, по нашему мнѣнію, ихъ оружіе обоюдо-остро. Правда, критикой существующаго они дѣлаютъ доброе дѣло, возбуждаютъ желаніе къ исправленію недостатковъ и т. д., но вмѣстѣ съ тѣмъ выливаютъ на своихъ читателей ушаты холодной воды, доказывая нравственное паденіе общества. Обыкновенный, средній человѣкъ, убѣждаясь ихъ доводами, опускаетъ безнадежно руки и отступаетъ изъ арены общественной дѣятельности въ частную, личную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать слабый потомокъ великихъ предковъ, если даже они не съумѣли предупредить нравственнаго разложенія общества? И вотъ появляется на сценѣ теорія о непреложной необходимости этого паденія, ибо это — необходимый фазисъ естественно-историческаго процесса, котораго предотвратить не въ силахъ и милліоны людей. Этотъ фазисъ нравственнаго разложенія самъ собою долженъ въ бу-

дущемъ перейти въ фазисъ нравственнаго величія и этотъ переходъ не остановятъ никакія силы. Личностямъ тутъ дѣлать нечего, за нихъ работаетъ естественно-историческій процессъ. Такимъ образомъ, мы однимъ ударомъ сумѣли и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти. Подъ флагомъ непреложности законовъ естественно-историческаго процесса, мы можемъ спокойно вступить въ обѣтованныя земли личной жизни.

Намъ могутъ замѣтить, что мысль о прогрессивномъ развитіи человѣчества, какъ общей тенденціи его исторіи, можетъ породить тотъ-же квіетизмъ. Но дѣло въ томъ, что мы не считаемъ это развитіе результатомъ какого-то естественно-историческаго процесса, дѣйствующаго помимо желаній отдѣльныхъ лицъ; это развитіе получается только усиліями членовъ общества и если оказывается преобладающимъ явленіемъ въ исторіи человѣческихъ группъ, то только благодаря дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, побуждаемыхъ естественною наклонностью къ счастью;—не будь этой дѣятельности, не было-бы и развитія, и чѣмъ энергичнѣе дѣятельность, тѣмъ быстрѣе развитіе.

Посмотримъ-же, насколько вѣрны утвержденія моралистовъ, что наше общество развращается и нравственно падаетъ. Что касается народа, то всѣ утвержденія насчетъ его нравственнаго паденія не имѣютъ подъ собой никакой почвы. Мы стали изучать его только недавно, и если даже признать, что наше теперешнее знакомство съ его бытомъ достаточно, то все-таки у насъ нѣтъ данныхъ для сравненія, такъ какъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ онъ былъ неизвѣстенъ, или, лучше

сказать, они намъ не оставили объ этомъ никакихъ свѣдѣній. За неимѣніемъ фактическихъ данныхъ, перейдемъ къ гипотетическимъ. Тутъ главнымъ образомъ нужно оцѣнить вліяніе тѣхъ новыхъ условій жизни, въ которыя былъ поставленъ народъ. Одна половина нашего крестьянства находилась въ крѣпостной зависимости и была освобождена отъ нея. Какое-же нравственное вліяніе могла оказать на него свобода? Думаемъ, что смѣло можно отвѣтить: самое благотворное. Что свобода можетъ только содѣйствовать нравственному развитію личности, въ этомъ почти никто не сомнѣвается. Кромѣ того, измѣнились и многія другія условія крестьянской жизни вообще. Что касается правъ личности, то, несомнѣнно, они расширились, сравнительно съ сороковыми годами. Правда, экономическое положеніе крестьянъ, какъ засвидѣтельствовано правительственными комиссіями, ухудшилось, но изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы за этимъ ухудшеніемъ послѣдовало нравственное паденіе. Если-бы даже было доказано, что бѣдность побуждаетъ крестьянъ къ совершенію большаго количества преступленій и проступковъ, нежели это ими дѣлалось въ прежнее время, то и это не доказываетъ нравственнаго разложенія, а только усиленіе импульсовъ къ преступленіямъ и проступкамъ, которымъ прежній или даже немного повышенный уровень нравственности не можетъ дать надлежащаго отпора. Что реформы нынѣшняго царствованія имѣли благотворное нравственное вліяніе на личность крестьянина, видно изъ того, что въ немъ, какъ утверждаютъ многіе наблюдатели его жизни, пробудилось въ сильной

степени желаніе сознательно отнестись къ своимъ религіознымъ представленіямъ. А это указываетъ на расширеніе потребностей его духовной жизни.

Теперь о культурномъ слоѣ. Моралисты-плакальщики указываютъ на колоссальныя мошенничества, на повальное очищеніе всякаго рода кассъ ихъ хранителями и т. д. Да, этихъ явленій было немного въ прежнее время, ибо кассъ было мало, а если немногія изъ нихъ и страдали, то, благодаря условіямъ прежней жизни, это не замѣчалось. Людямъ сороковыхъ годовъ не нужно было обкрадывать кассы и идти за это въ Сибирь; они на законномъ основаніи очищали тощія мошны своихъ близкихъ и это очищеніе было занятіемъ большинства. Крѣпостное право отучало ихъ отъ труда, пріучало къ мысли о возможности существованія на чужой счетъ; понятно, что лишившись даровыхъ работниковъ, будучи поставлены въ необходимость хотя-бы мнимымъ трудомъ добывать хлѣбъ, они не могли преобразиться сразу и воспитать своихъ дѣтей, примѣняясь къ новымъ условіямъ: яблочко, говорятъ, недалеко падаетъ отъ яблони. Привычка къ роскошной жизни сохранилась, а добываніе этой роскоши легальнымъ образомъ (путемъ крѣпостного труда) затруднилось, — и пошли безнравственные потомки не менѣе безнравственныхъ отцовъ добывать эту роскошь всякаго рода неизящными способами. Разумѣется, что съ эстетической точки зрѣнія человѣкъ сороковыхъ годовъ, занимающійся лицезрѣніемъ всего прекраснаго въ Парижѣ и другихъ иностранныхъ городахъ и отъ времени до времени посылающій краткія, но вразумительныя посланія

въ глухую русскую деревню о присылкѣ такого-то и такого-то количества презрѣннаго металла, можетъ казаться гораздо пріятнѣе какого-нибудь современнаго кулака, но, какъ намъ кажется, разница между ними можетъ быть сведена только на меньшую эстетичность поступковъ послѣдняго. Если-бы спросить у крестьянина, кого изъ нихъ онъ предпочитаетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ укажетъ на неизящнаго кулака.

Что касается лучшей части культурнаго слоя,—той, которая на самомъ дѣлѣ является цивилизующимъ элементомъ въ нашемъ обществѣ,—думаемъ, что эта группа тоже не пошла назадъ, не развратилась, а напротивъ очень сильно развилась какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Намъ постоянно указываютъ на личности Бѣлинскаго, Добролюбова и другихъ, прибавляя со вздохомъ, что такихъ теперь ужь нѣтъ Тутъ мы видимъ нѣкоторое смѣшеніе понятій; Бѣлинскій былъ прекрасный, высоко-нравственный человѣкъ, но такихъ высоко-нравственныхъ людей мы могли-бы насчитать тысячи въ нынѣшнемъ культурномъ слоѣ. Преимущество Бѣлинскаго надъ этими людьми заключается только въ силѣ литературнаго таланта; правда, обаятельность его критики была-бы невозможна безъ существованія той нравственной подкладки, на которой она была построена, но нужно твердо помнить, что, не будь у него литературнаго дарованія, его личность, по всей вѣроятности, оставила-бы по себѣ очень мало воспоминаній. Чѣмъ объясняется паденіе литературной критики въ наше время—мы не знаемъ навѣрное; но очень можетъ быть, что причина его лежитъ

въ необходимости сосредоточить лучшія дарованія на разработкѣ другихъ вопросовъ жизни, которые оставались въ прежнее время въ забросѣ. Во всякомъ случаѣ, паденіе литературной критики отнюдь не указываетъ даже на умственный застой, такъ какъ несомнѣнно, что въ большинствѣ умственныхъ областей мы оставили за собой людей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Лучшую характеристику своего нравственнаго типа люди сороковыхъ годовъ оставили намъ въ образѣ «лишняго» человѣка. Слабый, безхарактерный, съ такимъ нравственнымъ развитіемъ, которое давало ему возможность чувствовать всю мерзость окружающаго міра, но не въ силахъ было побудить его къ активной дѣятельности,—онъ дѣйствительно былъ лишнимъ, даромъ ѣвшимъ хлѣбъ русской земли. Люди шестидесятыхъ годовъ составляютъ переходную ступень отъ «лишняго человѣка» къ нашему поколѣнію. Что касается этого послѣдняго, то намъ кажется, что только слѣпой или не хотящій видѣть не замѣчаетъ сравнительнаго превосходства современнаго культурнаго человѣка. Въ жизни его появился новый облагораживающій элементъ—трудъ. Если этотъ элементъ не успѣлъ еще войти въ кровь и плоть всего культурнаго слоя, то въ этомъ виновато прошлое; но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что трудовая жизнь, къ которой, отчасти, былъ обращенъ этотъ слой крѣпостной реформой, повліяетъ очень сильно на нравственныя понятія этого класса. Намъ слѣдуетъ только стараться о дальнѣйшемъ усиленіи трудоваго элемента въ жизни культурныхъ людей, такъ какъ, по правдѣ сказать, онъ пока черезъ-чуръ слабъ

въ ней. Трудовая жизнь вырабатываетъ людей стойкихъ, упорныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей, а потому и не «лишнихъ» въ нашей жизни.

Если мы требуемъ отъ нашихъ моралистовъ исканія идеаловъ въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, то мы не хотимъ этимъ сказать, что прошедшее сплошь должно быть оплевано и унижено. Изъ него вышло наше настоящее, а слѣдовательно въ немъ было нѣчто хорошее, давшее свои плоды, которыми мы и пользуемся. Такъ-же мы должны относиться и къ нашему настоящему, — оно вѣдь дастъ плодъ въ видѣ «будущаго». Связь между будущимъ и настоящимъ должна быть ясна публицисту, онъ обязанъ указать на тѣ здоровые элементы, развитіе которыхъ дастъ намъ лучшее будущее. Сплошное отрицаніе всѣхъ элементовъ нашей жизни порождаетъ только отчаяніе и исканіе выхода или въ самоубійствѣ, или въ утѣхахъ личной жизни; бодрость и увѣренность въ успѣхѣ—даютъ силу идти впередъ.

Критика есть необходимое условіе прогресса. Но всякій общественный дѣятель, имѣющій въ виду совершенствованіе того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ, по необходимости долженъ выбрать какой-нибудь изъ общественныхъ элементовъ, — подъ вліяніемъ взаимодѣйствія которыхъ слагаются общественныя формы,—и, считая этотъ элементъ въ данную минуту болѣе здоровымъ, стараться о томъ, чтобы дальнѣйшіе шаги общества по пути прогресса были совершаемы подъ вліяніемъ этого элемента. Разумѣется, что на бѣломъ

свѣтѣ найдутся и такіе люди, которые всѣ общественные элементы объявятъ больными, зараженными, и только себя однихъ выставятъ единственными носителями добра и справедливости. Логика должна-бы заставить ихъ отказаться отъ надежды на дальнѣйшій прогрессъ, такъ какъ было-бы черезъ-чуръ наивно думать, что общественныя формы будутъ складываться не подъ вліяніемъ тѣхъ могущественныхъ факторовъ общественной жизни, которые оказались, по мнѣнію критика, больными, а подъ вліяніемъ личности здороваго критика и десятка ему подобныхъ. Пора-же, наконецъ, отказаться отъ этихъ мечтаній, въ которыхъ нѣсколько непризнанныхъ геніевъ отводятъ себѣ мѣсто какихъ-то чуть-ли не боговъ, вершителей человѣческихъ судебъ. Пора понять, что отдѣльная личность только тогда можетъ проявить свое вліяніе на созданіе общественныхъ формъ, когда она примыкаетъ къ той или другой сторонѣ взаимодѣйствующихъ другъ на друга общественныхъ элементовъ.

Мы здѣсь говоримъ о практической жизни, практической дѣятельности, а не о подготовкѣ тѣхъ элементовъ, которые войдутъ, можетъ быть, въ будущемъ, какъ одинъ изъ факторовъ общественной жизни. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ отложить насущное дѣло,—усовершенствованіе общественныхъ формъ,—ради этой педагогической дѣятельности. Если-же считать практическое усовершенствованіе общественныхъ формъ дѣломъ важнымъ, главнымъ дѣломъ всѣхъ добропорядочныхъ силъ нашего общества, то придется непреложно каждому изъ насъ отыскать тотъ элементъ нашей общественной жизни,

который, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе здоровыхъ соковъ, болѣе другихъ способенъ къ внесенію правды и добра въ общественную жизнь, и постараться связать свою дѣятельность съ стремленіями этого элемента. Стараніе расширить вліяніе этого элемента будетъ главной заботой дня. У всякаго практическаго общественнаго дѣятеля по необходимости окажется излюбленный имъ элементъ, на вліяніи котораго онъ основываетъ свои надежды на дальнѣйшій прогрессъ. Одинъ надѣется на литературу и интеллигенцію, другой — на народъ и на его общинныя чувства и привычки, третій—-на бюрократію и ежевыя рукавицы и т. д. и т. д. Каждый съ своей точки зрѣнія будетъ критиковать тѣ элементы общественной жизни, которые, по его мнѣнію, не даютъ ходу, препятствуютъ господству его излюбленнаго элемента. Кто можетъ сомнѣваться въ необходимости, въ благодѣтельности такой критики?

Но этого мало. Критика должна идти дальше, она не можетъ не касаться и излюбленнаго элемента. Всегда найдутся неразумныя головы, у которыхъ «усердіе паче разума» и которыя могутъ не въ мѣру преувеличивать достоинства избранной общественной силы. Добросовѣстная критика и будетъ умѣрять восторги этихъ пылкихъ людей. Но все-таки всякій дѣятель будетъ указывать на относительное превосходство своего излюбленнаго элемента: безъ этого онъ будетъ, какъ мы уже говорили, не практическимъ участникомъ взаимодѣйствія общественныхъ силъ, а въ самыхъ лучшихъ случаяхъ—педагогомъ, работающимъ надъ созданіемъ такой силы, которая только въ будущемъ выступитъ на

арену жизни. Наше время — не время педагоговъ и подготовленія общественныхъ реформъ; оно — время самыхъ реформъ, время практическаго дѣла. Работа надъ практическимъ усовершенствованіемъ общественныхъ формъ — вотъ истинная задача русскаго общества. Дѣло не ждетъ, и откладываніе его въ долгій ящикъ было-бы непростительно.

Всѣ помыслы, всѣ стремленія должны быть сосредоточены на практической жизни. Каждый изъ насъ долженъ принять участіе въ томъ взаимодѣйствіи, которое оказываютъ другъ на друга различные общественные элементы, и примкнуть къ тому или другому. Такъ и дѣлаетъ большинство нашихъ дѣятелей. Но, къ несчастію, есть и такіе, которыхъ мы назовемъ злобными. Прикрываясь знаменемъ критики, они только и дѣлаютъ, что лаютъ на всѣ элементы нашей общественной жизни. По ихъ словамъ, Россія наполнена сплошь негодяями; куда ни посмотришь, вездѣ мерзость запустѣнія, вездѣ гнусность, продажность, начиная сверху и до самаго низу. Попробуйте заговорить при нихъ о нашемъ крестьянствѣ — и у нихъ, прогрессистовъ, пѣна выступаетъ у рта, они съ презрѣніемъ, съ негодованіемъ накидываются на всякаго, кто видитъ въ крестьянинѣ человѣка, можетъ быть и забитаго, пассивнаго, но все-таки человѣка; они съ торжествомъ, съ захлебывающейся радостью подхватываютъ все то, что клеймитъ этого мужика и, не замѣчая, проходятъ мимо тѣхъ фактовъ, которые говорятъ въ его пользу. Они съ ликованіемъ встрѣчаютъ всѣ поверхностныя обобщенія всякаго наблюдателя деревни, который доказываетъ, что мужикъ — это жалкая

тварь, способная за грошъ перервать горло своему ближнему, что мужикъ способенъ продать свою жену, дѣтей и вообще что угодно, что деревня—это скопище безнравственныхъ негодяевъ, ведущихъ между собою неустанную войну изъ за матеріальныхъ благъ. Они заподозрѣваютъ въ искаженіи фактовъ, обвиняютъ въ идеализаціи всякаго, кто осмѣливается говорить въ противоположномъ духѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что презрѣніе, выказываемое людьми злобнаго направленія ко всему русскому крестьянству, не вытекаетъ у нихъ изъ какихъ-нибудь мотивовъ, сродныхъ крѣпостничеству; хотя нельзя сомнѣваться и въ томъ, что ихъ презрѣніе къ народу — остатокъ крѣпостническихъ отношеній, безсознательно дѣйствующій на ихъ мысль. И злоба эта — какого-то особеннаго свойства. Злобный критикъ, выставляя нашъ народъ скопищемъ гнусныхъ тварей, въ то-же время совершенно искренно жалѣетъ, что эти твари плохо ѣдятъ, плохо спятъ, одѣты въ рубище. Онъ готовъ даже отстаивать необходимость деревенскаго самоуправленія или что-нибудь въ этомъ родѣ, не замѣчая, что это послѣднее требованіе совершенно не согласуется съ его понятіемъ о мужикѣ, такъ какъ повело-бы ко всеобщей травлѣ. Проливать слезы надъ пустыми щами людей, готовыхъ продать своихъ женъ, умиляться надъ рубищами тѣхъ, которые готовы съ легкимъ сердцемъ омыть руки въ крови со-деревенца (въ такомъ видѣ представляются крестьянскія расправы съ конокрадами) или вздыхать по поводу сгорѣвшей избы человѣка, безъ всякой нужды жгущаго избы сосѣдей — вотъ обычное занятіе, которому предаются люди злоб-

наго направленія. Убѣждать своихъ читателей, что мужикъ—жалкая тварь, и въ то-же время доказывать, что экономическое положеніе его скверно, это значитъ привести его къ мысли: по дѣломъ вору мука. Злобный критикъ не замѣчаетъ, что онъ рубитъ ту вѣтку, на которой сидитъ. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое, онъ думалъ умилить читателя и подвинуть его на помощь мужику, но на дѣлѣ выйдетъ совершенно противоположное. Идти на помощь бываетъ часто не особенно легко, но лучшая энергическая часть общества, подъ вліяніемъ мысли о страданіяхъ человѣка, можетъ преодолѣть эти препятствія. Совсѣмъ другое дѣло выйдетъ тогда, когда общество слышитъ о страданіяхъ жалкой твари; многіе-ли захотятъ пойти на помощь при этихъ условіяхъ? Думаемъ, что охотниковъ найдется немного; да и помощь этихъ немногихъ выльется, разумѣется, въ совершенно иныя формы. Такъ, напримѣръ, и теперь мы видимъ людей, ходящихъ по тюрьмамъ и раздающихъ преступникамъ калачи и сайки но никто изъ этихъ добрыхъ людей, по всей вѣроятности, не пожелаетъ выпустить на бѣлый свѣтъ эти сотни грабителей, конокрадовъ, убійцъ и т. п., такъ какъ знаетъ, что плохо пришлось-бы и ему самому, и его согражданамъ. То-же случилось-бы и въ отношеніи ко всему русскому крестьянству. Начали-бы думать о томъ, чтобы вліяніе мужика на общественную жизнь свести до минимума и, даже, его собственную жизнь какъ можно больше подчинить, въ виду общественныхъ интересовъ, болѣе нравственнымъ элементамъ. При такихъ условіяхъ немыслимо было-бы крестьянское са-

моуправленіе, даже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь. «Глубоко вѣрили, говоритъ г. Градовскій, въ свой народъ люди, предложившіе только-что освобожденной массѣ крѣпостныхъ формы общиннаго самоуправленія безъ той чиновничьей опеки, что царствовала въ области «самоуправленія» государственныхъ крестьянъ. Горячо вѣрили въ общество люди, замѣнявшіе старыя формы суда судомъ гласнымъ, съ участіемъ присяжныхъ» [1]). И вотъ эту-то вѣру въ свой народъ хотятъ отнять у насъ люди злобнаго направленія. Удастся-ли имъ это — покажетъ будущее.

КОНЕЦЪ.

[1]) «Русская рѣчь» 1879 г., № 9. Статья А. Градовскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

